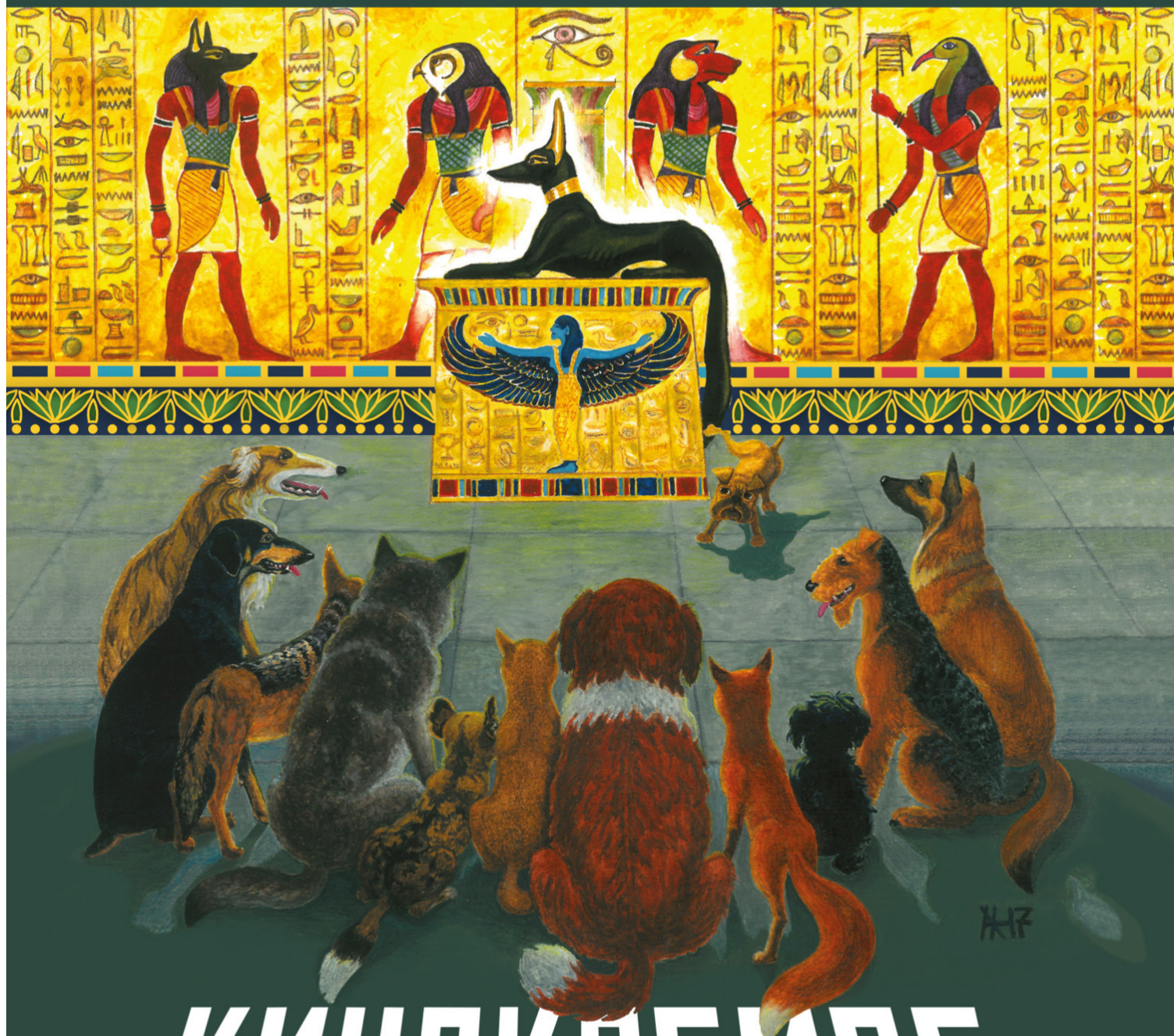

АНАТОЛИЙ ТЕРЕХОВ

КИНОКОСМОС

ПСОВЫЕ В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ НАРОДОВ МИРА

популярная энциклопедия

Анатолий Терехов

**Кинокосмос. Псовые в мифах
и легендах народов мира.
Популярная энциклопедия**

«Издательство «Перо»

2018

УДК 882
ББК 83.3

Терехов А. А.

Кинокосмос. Псовые в мифах и легендах народов мира.
Популярная энциклопедия / А. А. Терехов — «Издательство
«Перо», 2018

ISBN 978-5-00122-263-7

Впервые под одной обложкой собраны захватывающие приключения мифологических собак, волков, лисиц, шакалов и койотов. В мировой культуре существует целая виртуальная Вселенная псовых («Кинокосмос» по-гречески). Там собаки и их ближайшие родственники создают землю, небо и светила; порождают первых людей, новые племена и народы; устанавливают законы и правила человеческого общежития; дарят людям письменность, медицину и знания об окружающем мире; ведут души покойников по опасным тропам загробного мира... – одним словом, выступают в роли божеств, тотемов и культурных героев. Вместе с тем, среди мифологических псовых можно встретить и настоящих злодеев: хвостатые кровожадные чудовища охотятся за солнцем и луной, пожирают богов и людей, посылают на них болезни и всевозможные беды, подвергают страшным пыткам души грешников... В книге приведено множество малоизвестных и просто интересных фактов из жизни мифологических псовых и их земных прототипов. Для тех, кто любит братьев наших меньших – реальных и вымышленных. Издание 2-е, исправленное В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 882

ББК 83.3

ISBN 978-5-00122-263-7

© Терехов А. А., 2018

© «Издательство «Перо», 2018

Содержание

Предисловие	8
Введение	10
Герои от А до Я	25
Айльбе	27
Альшкентыр	31
Амарок	33
Анубис	37
Аралезы	56
Аргус	61
Асар и Васар	63
Баргест	66
Белая лисица	68
Белая сука	70
Белый волк	75
Белый пёс	78
Бисклавре	81
Благоверная	86
Благодарная лиса	89
Бран	92
Воины	102
Волк	107
Волк-живоглот	115
Волк Псамафы	121
Волк-хритианин	124
Волшебные собаки Британских островов	126
Восхождение	129
Гарм	133
Гелерт	137
Гери («жадный») Фреки («прожорливый»)	141
Геркулес	142
Гинфорт	146
Гифр («шумный, крикун») И Гери («жадный»)	148
Гончая Диармайда	149
Горлагон	152
Гошия	155
Двоеглазка	157
Девушка и собака	160
Демиурги и культурные герои	162
Дормарт	168
Дридвин	171
Дух Белого пса	175
Жеводанский зверь	177
Место и время злодеяний	177
Портрет убийцы	177
Особенности поведения зверя	177
Кровавая хроника	177

Печальные итоги	179
Версии	179
Железный волк	180
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Анатолий Терехов

Кинокосмос. Псовые в мифах и легендах народов мира. Популярная энциклопедия

© Терехов А.А., 2018

* * *

Памяти моего друга, эрдельтерьера Алькора, посвящаю

Диоген. Жан-Леон Жером. Музей искусств Уолтерс Балтимор

Предисловие

Жарким июльским днём умирал мой друг, мой Алькор, мой Зая.

Было ему без малого 17 лет. Для эрдельтерьера возраст весьма почтенный.

Последний год он тяжело болел. Ветврачи настойчиво советовали его усыпить. Эти советы вызывали во мне протест и возмущение – как можно умертвить того, с кем прожил душа в душу столько лет!

Однако псу становилось всё хуже и хуже. И вот наступил один из самых страшных, самых чёрных дней в моей жизни... Приехала дама-ветеринар, сделала Алькору укол... С трудом сдерживая слёзы, я попросил у него прощения, последний раз поцеловал его в рыжий «каракулевый» лоб...

После его смерти потекли однообразные, серые дни. В доме стало пусто и тоскливо. Всё в нём напоминало о моём ушедшем друге. Вот его любимое кресло, в котором он спал... Вот чёрные крапинки засохшей крови на обоях – это он тряс головой, когда во время стрижки я нечаянно отрезал ему краешек уха... Вот поцарапанная столешница письменного стола, с которого он любил смотреть в окно... А память выхватывала всё новые и новые картины из прошлой жизни. Вот мой Заяц на окраине Москвы (в Новокошино) встретил на прогулке зайца настоящего и попытался его догнать... Вот мы жарким летним днём идём по лесной тропинке и я, увидев очередной куст малины, наклоняю ветку со спелыми ягодами, а он аккуратно, одними губами, их срывает и с удовольствием ест... Вот ранней весной в ещё голом лесу мы встретили лося, и пёс помчался к нему с громким лаем, а я, дрожа от страха за жизнь «охотника», срывающимся голосом кричу: «Алькор, ко мне, ко мне!»...

Сколько себя помню, в нашем доме всегда жили собаки и кошки. Одно из самых первых фото в моей жизни: я сижу во дворе на высоком табурете, на руках у меня чёрный с белыми пятнами щенок (было мне тогда года два-три). В зверинце я смотрел на волка с таким же любопытством, с каким обычно смотрят на царя зверей. А детские воспоминания о жестокости взрослых по отношению к собакам и кошкам до сих пор обжигают душу, будто это произошло вчера. Короче говоря, с собаками и кошками я дружил всегда, для меня они – близкие и любимые существа. Поэтому расставание с моим последним псом было таким тяжёлым, таким горьким...

Однако жизнь брала своё – горе и отчаяние поутихли. Зато с каждым днём во мне всё сильнее и сильнее росло чувство какой-то вины перед Алькором, какого-то неисполненного долга, чего-то недосказанного...

Однажды я себя спросил: а много ли я знаю про собак и их родичей, которые «живут» в литературе, искусстве, мифологии и фольклоре? В памяти сразу же всплыли Муму и Каштанка, затем Акела, Белый Бим Чёрное ухо, Монморанси, Артемон... Пришли на ум кинофильмы «Бетховен», «Лесси», «Четыре танкиста и собака», «Ко мне, Мухтар!» (кстати, в роду Алькора был настоящий киноартист: его прадед по отцовской линии Бумбараш снялся в фильме «Дело судьи Ивановой»)... Вспомнились также мифологические Цербер и Анубис, кто-то ещё... Но как я ни напрягал память, список получался до обидного коротким.

И мне стало стыдно, что я, заядлый книголюб и собаколюб, так мало знаю про тех соплеменников Алькора, которые обитают в увлекательном мире человеческого вымысла и творческой фантазии. Захотелось в этот мир окунуться, побывать во всех его уголках и обо всём увиденном, услышанном и прочитанном рассказать другим. Так родилась мысль написать эту книгу.

Поначалу автор замахнулся на тему «Псовые в мировой культуре». Но быстро понял, что это ему не по плечу. И, поубавив амбиции, сосредоточился на том, что ему было больше всего по душе, – на псовых героях мифов и сказаний народов мира.

Приступая к работе, автор поставил перед собой задачу: собрать максимум информации о том или ином хвостатом персонаже, а затем, в меру своих сил и способностей, эту информацию осмыслить, упорядочить и облечь в слова. При этом он старался придерживаться правила: никакой отсебятины, никакого художественного вымысла (хотя, откровенно говоря, беспристрастность ему нередко изменяла). Насколько удалось воплотить задуманное – судить, конечно же, читателям.

Книга состоит из 158 статей-эссе различного объёма: от нескольких строк до двух десятков страниц. В некоторых статьях автор позволил себе дать собственную интерпретацию событий, отличную от общепринятой, а также ввёл отсутствующие в первоисточнике детали сюжета, с тем чтобы повествование получилось логически ясным и завершённым. Каждая такая реконструкция, а всего их не более пяти, оговаривается в соответствующем примечании.

Кроме статей, на страницах книги приводятся пословицы и поговорки, а в конце её – список использованной литературы и словарь малоупотребительных имён и названий.

Автор искренне благодарит своих друзей, канд. хим. наук Евгения Сагаловского, канд. филол. наук Екатерину Скаженик и канд. биол. наук Людмилу Качур, за бескорыстную помощь и неизменную поддержку в написании книги.

А. Терехов

Москва, октябрь 2016

Введение

Я не знаю, почему Бог дал собаке эту искру человечности, которая делает её равной людям.

Я знаю только одно: когда мы наконец научимся у собаки таким добродетелям, как честность, верность и храбрость, наш мир станет лучше.

Уолтер А. Дайер

Герои этой книги – представители семейства псовых (иначе: волчьих, или собачьих) – Canidae. Это семейство, наряду ещё с шестью семействами (медвежьих, енотовых, куньих, выверровых, гиеновых и кошачьих), образует отряд хищных (Carnivora) класса млекопитающих (Mammalia).

Семейство псовых состоит из 12 родов (собаки, гривистый волк, гиеновые собаки, енотовидные собаки, короткоухие собаки, кустарниковые собаки, ушастые собаки, лисицы, серые лисицы, азаровые лисицы, песцы, фенеки) и насчитывает 35-37 видов.

Род Собаки объединяет 10 видов: волк, красный волк, абиссинский волк, койот, динго, собаки парии, шакал, полосатый шакал, чёрный шакал и, конечно же, собака домашняя (Canis familiaris), представленная четырьмя сотнями пород.

Существует мнение, что человек как биологический вид без собаки выжить бы не смог. Например, академик Н. Я. Марр считал, что собака вывела человека в люди. Такой же точки зрения придерживался и академик И. П. Павлов: «Собака сделала человека человеком». А немецкий философ Фридрих Ницше был ещё более категоричным: «Мир завоёван через познание собаки; мир существует через познание собаки». Ему вторит Франц Кафка: «Все знания, вся полнота вопросов и ответов содержится в собаке».

Правы или не правы великие – судить не берёмся. Несомненно одно: собаки играют важную роль в жизни человека. Их можно встретить практически во всех сферах человеческой деятельности: они спасают людей, сторожат различные объекты, ловят преступников, отыскивают наркотики и контрабанду, охраняют границу (каждый второй нарушитель задержан с их помощью), пасут стада, перевозят людей и грузы, находят в земле руду и питьевую воду (собаки-гидрологи чувствуют воду на глубине 20 м!), лечат, охотятся, водят слепых... – всего не перечислить. В некоторых странах существует даже особая отрасль экономики – собаководство.

В 1935 г. под Ленинградом (ныне Санкт-Петербург) в Колтушах перед зданием Института высшей нервной деятельности по инициативе великого русского физиолога академика И. П. Павлова воздвигли памятник собаке, получивший название собаки Павлова. Этот скромный монумент – дань глубокого уважения и признательности всем псам – безымянным и бесчисленным, – чьи жизни были принесены на алтарь **науки**.

В дни войны собаки, не щадя себя, спасали раненых, искали мины, подвозили боеприпасы, подрывали вражеские танки, склады и эшелоны, под огнём противника тянули провода связи. Можно привести много примеров собачьего героизма, проявленного в борьбе с врагом. Ограничимся только цифрами: в 1944 г. в Красной армии было 60 тысяч служебных собак! Они уничтожили 300 вражеских танков, обнаружили 4 млн мин, вывезли с поля боя 680 тысяч раненых...

К слову сказать, собаки проявляли героизм не только на фронте.

...Хозяев сеттера Сильвы гитлеровцы бросили в концлагерь. Каким-то немислимым образом собака нашла это место, прорыла лаз под колючей проволокой и стала приносить

узникам еду – то морковку, то кусок варёного мяса. Сама же Сильва недоедала, была худой как скелет...¹.

А вот ещё один пример массового героизма людей и собак, уже **в мирные дни**.

История эта получила название «Великая гонка милосердия». Произошла она в 1927 г. на Аляске. Там в городе Ном, что лежит на берегу Берингова моря, зимой вспыхнула эпидемия дифтерии. Под угрозой оказались жизни горожан – взрослых и детей. Больных могла спасти только противодифтерийная сыворотка, но её в городе не было. Ближайшим пунктом, где можно было раздобыть спасительное лекарство, являлся город Ненана, расположенный в глубине Аляски. Но вот беда: между Номом и Ненаной пролегли сотни километров зимнего бездорожья по гористой местности. Воздушный транспорт тех времён ничем помочь не мог: аэропланы в трескучий мороз и сильный ветер в воздух не поднимались. Надежда была только на собак.

«Первая собачья упряжка под управлением «дикого Билла» Шеннона выехала из Ненаны, когда температура воздуха достигала -45 °С. В пути Билл обморозился, и когда он прибыл в Толовану, расположенную в 80 километрах от точки старта, часть его лица почернела, а три из четырёх собак из упряжки умерли от переохлаждения. Когда в путь отправилась вторая упряжка под управлением Эдгара Кэфландса, условия лучше не стали, и когда он добрался до Хот-Спрингса, его руки пришлось поливать горячей водой, чтобы оторвать от них вожжи для управления санями, которые примёрзли к коже. Но отчаянная гонка, неравная битва с погодой и временем продолжалась. Когда от мороза погибли две ведущие собаки Чарли Эванса, он сам впрягся вместо них. Гонанген не пробился сквозь пургу. Упряжка Иванова едва успела стартовать, как столкнулась с северным оленем. Ольсена сдуло с саней ветром, а затем он обморозил в нескольких местах руки, пока надевал тёплую одежду на своих собак.

Сеппала и его собака Того проделали самый длинный и опасный путь – 140 километров, почти в два раза больше, чем все остальные команды. Но, несмотря на пережитую бурю и температуру воздуха, которая достигала -65 °С, Сеппала успешно добрался до цели. Последним стартовал Каасен, который тоже столкнулся с множеством проблем. Видимость была такой низкой, что временами он даже не мог видеть самых близких к саням собак. Но его ведущая собака Бальто уверенно вела сани верным курсом. Самый драматичный момент случился, когда сильный порыв ветра перевернул сани, и контейнер с драгоценной сывороткой выпал из них. Каасен стал искать его в снегу голыми руками, чтобы лучше нащупать. В итоге он отморозил руки в нескольких местах»².

Гонка со смертью закончилась победой людей и собак: рано утром сыворотка прибыла в Ном. При этом спасительный груз был доставлен в целостности и сохранности – в пути не разбилось ни одной ампулы. А сам путь – невероятно трудный и сложный, длиной почти в тысячу километров – был преодолен за рекордно короткое время – 127 с половиной часов! Когда гонку повторили в 1975 г., она заняла на шесть дней больше.

История с доставкой сыворотки лишний раз подтверждает: характер собак, как и людей, наиболее полно и ярко проявляется в экстремальных обстоятельствах, когда на кону стоит сама жизнь. В подобных ситуациях наши четвероногие друзья способны на такие поступки, в реальность которых просто невозможно поверить.

«До сих пор на Аляске ходят легенды о замечательном каюре Скотти Алене и его собаках. Скотти великолепно дрессировал своих собак ласковым отношением и заботливым уходом. Он даже придумал шить своим ездовым собакам мокасины, чтобы они не ранили лапы об лёд, и укрывать их спины попонками из лёгких заячьих шкур в очень сильные морозы. Собаки платили ему взаимным чувством и не раз выручали своего хозяина, спасая ему жизнь

¹ Корнеев. Слово... С. 9.

² Буш... С. 244–245.

в тяжёлых переходах по горам, лесам и льдам Аляски. Легендарным стал вожак его упряжки – лайка по кличке Дубби.

Однажды Скотти Алена застигла в пути пурга. Вьюга мела несколько недель, продукты кончились. Жизнь каюра зависела от того, сумеет ли он найти хижину, которая должна была быть на его пути. И вот, заметив огонёк, мелькнувший в стороне, Скотти приказал собакам повернуть, но Дубби, бежавший первым в упряжке, упрямо шёл вперёд. Ни ругань, ни проклятия, ни бич не помогали. После долгого бега упряжка, которую вёл Дубби, остановилась, и собаки принялись лихорадочно рыть снег. Вдруг Дубби исчез в норе. Это оказался туннель, ведущий к хижине, полностью засыпанной снегом! Как потом выяснилось, огоньком оказалась звезда, низко висевшая над горизонтом и замеченная в минуту затишья. Вот пример поразительного чутья собаки.

В другой раз, на берегу озера Лиамма, Скотти решил сократить путь и пересечь озеро по тонкому льду – он торопился, вёз срочный груз. Собаки, во главе с Дубби, остановились и отказались бежать. Скотти пустил в ход бич. Дубби подчинился, и упряжка пошла по льду. Вдруг раздался треск, и Скотти провалился под лёд в полынью. Он был обречён на гибель, руки скользили по льду. Единственный шанс – ухватиться за нарты и выкарабкаться с помощью упряжки, но упряжка мчалась к берегу и, достигнув его, понеслась вскачь. Скотти решил, что погиб. Но через несколько минут он увидел нарты: обогнув опасные места, Дубби вёл их с другой стороны. Скотти ухватился за задок, и Дубби, не дожидаясь приказа, рванулся вперёд и вытащил хозяина из воды.

Ещё большую сообразительность эта лайка проявила, когда с каюром произошёл несчастный случай. Однажды слишком тяжело гружённые нарты, несмотря на все усилия Скотти, скатились по склону и налетели на дерево. Скотти выбросило из нарт, и он потерял сознание. Очнулся весь разбитый, в ушибах, без сил. Дубби подтащил каюра к нартам. Единственное, что смог сделать Скотти, – это освободить собак и залезть в спальный мешок. Проснулся он от тёплого дыхания и прикосновения языка: Дубби вернулся с остальными собаками и принёс хозяину ещё тёплого зайца-беляка!

Интересно было и взаимоотношение этой умной собаки с другими псами: Дубби командовал всей упряжкой, наказывал провинившихся, а потом сам зализывал им раны.

Все аляскинские старожилы и индейцы знали Дубби, и когда эта лайка умерла, известие об этом появилось в самых крупных американских газетах под заголовком «Кончина величайшей аляскинской собаки»³.

Напомним ещё два интересных факта: 6 апреля 1909 г. эскимосская собака-вожак упряжки Пири первой достигла Северного полюса, а 14 декабря 1911 г. Амундсен с помощью гренландских и ненецких лаек стал первооткрывателем полюса Южного. И добавим: учёные помещают собак в пятёрку самых умных животных планеты – рядом с приматами, слонами, дельфинами и китами.

Незаменимы собаки и в **охотничьем деле**. Более того, с известной долей упрощения можно утверждать, что собаку «вывели в люди» два её природных дара: дар охотника и дар сторожа. Умение добывать белковую пищу и умение предупреждать о приближении врага и сражаться с ним сделали это животное незаменимым помощником человека, а может быть, и гарантом выживания человека как вида.

Яркой иллюстрацией выдающихся охотничьих способностей собак является рассказ Юрия Казакова «Арктур – гончий пёс»⁴. (То, что эта история правдива – сомневаться не приходится: писатель сам был участником описываемых событий.)

³ Корабельников... С. 139 – 140.

⁴ Белый пудель... С. 580 – 604.

...Один из щенков породистой гончей родился слепым: у него были бельма на обоих глазах. Люди, конечно же, калеку выбросили. Но он, несмотря ни на что, – выжил! Выжил благодаря обострённым обонянию и слуху и необыкновенной воле к жизни. Началась его полная опасностей и бедствий жизнь изгоя. Слепому бродяжку везде подстерегали смертельные угрозы: он мог попасть под колёса автомобиля, его могли убить лихие люди или загрызть сородичи в жестокой драке, он мог просто умереть с голоду... Но однажды псу повезло: его подобрал одинокий старый доктор и дал ему красивое звёздное имя – Арктур.

Как-то Арктур оказался в лесу (дело происходило на русском Севере), и в нём проснулся инстинкт гончего пса. Совершенно ничего не видя, полагаясь только на слух и нюх, он стал выискивать и преследовать зверя! И с тех пор каждый день в лесу раздавался его звонкий лай. Но напрасны были его старания – не знал бедный пёс, что без меткого выстрела охотника зверя не добыть. Не знал этого пёс и, подчиняясь зову природы, каждое утро убегал в лес.

«Слава о необыкновенном гончем псе скоро разнеслась по городу и по всей округе. Его видели на далёкой реке Лосьве, в полях за лесными холмами, на самых глухих лесных дорогах. О нём говорили в деревнях, на пристанях и перевозе, о нём спорили за кружкой пива сплавщики и рабочие лесозавода».

Многие местные охотники просили доктора продать им чудесного пса, но тот всем категорически отказывал. Так и охотился Арктур в одиночестве, оглашая лес задорным, громким лаем.

Но однажды пёс домой не вернулся. «Весть о пропаже Арктура мгновенно облетела весь город. Оказалось, что многие знают его и любят и что все готовы помочь доктору в поисках. Все были заняты самыми разноречивыми толками и слухами. Кто-то видел собаку, похожую на Арктура, другой слышал в лесу его лай...

Ребята, те, которых доктор лечил, и те, которых он совсем не знал, ходили по лесу, кричали, обследовали все лесные сторожки, стреляли и по десять раз в день навевались к доктору узнать, не пришёл ли, не нашёлся ли чудесный гончий пёс».

Однако все поиски оказались напрасными. Стало ясно: Арктур погиб.

Через два года открылась тайна его гибели.

«У нестарой ещё, но сухой ёлки был отдельный нижний сук. Он, как и всё дерево, высыхал, осыпался и обламывался, пока, наконец, не превратился в голую острую палку. На эту палку и наткнулся Арктур, когда мчался по горячему пахучему следу, и не помнил уже, не знал ничего, кроме этого зовущего всё вперёд, всё вперёд следа»...

Тайну смерти необыкновенного пса приоткрыл Юрий Казаков, который был не только писателем, но и заядлым охотником. Весной в лесу он случайно набрёл на собачьи кости и знакомый ошейник с позеленевшей медной пряжкой...

Неоспоримы заслуги собачьего племени и в деле **освоения Космоса**.

Всего было совершено 39 полётов с собаками – 37 в Советском Союзе и 2 – в Китае. Из 37 советских запусков 29 осуществлялись на ракетах, достигавших высот 80 – 450 км, остальные 8 – на космических кораблях, выведшихся на околоземную орбиту. Интересная деталь: все хвостатые космонавты были обычными беспородными псами.

Первый полёт с собаками в верхние слои атмосферы произошёл 22 июля 1951 г. Он был успешным – дворняги-испытатели Дезик и Цыган благополучно вернулись на Землю. Через неделю, 29 июля, состоялся второй запуск. К сожалению, во время приземления парашют с собаками не раскрылся, и Дезик уже с другим напарником, Лисой, разбились насмерть. Это были первые жертвы космической программы. Затем скорбный список пополнился другими именами: Мишка и Чижик (1951 г.), Мишка II и Рыжик II (1954 г.), Лиса, Бульба, Рита и Линда (1955 г.), Рыжая и Джойна (1957 г.), Пальма, Пушок, Жулька и Кнопка II (1958 г.).

А 3 ноября 1957 г. уже на околоземную орбиту был выведен «Спутник-2», на борту которого находилось первое живое существо, покинувшее пределы Земли. Это была простая двор-

няжка, чьё имя теперь знает весь мир – Лайка! Но, увы, в то время возвращать на Землю космические аппараты ещё не умели – и Лайка умерла мучительной смертью от стресса и перегрева примерно через 6 часов после старта. Это был первый погибший на орбите космонавт. Следующий полёт оказался тоже трагическим: 28 июля 1960 г. при запуске «Востока-1» с двумя космонавтами на борту – Лисичкой и Чайкой – на 19-й секунде произошёл взрыв ракеты-носителя... Зато космическая одиссея 19 августа того же года оказалась успешной: два обитателя Земли из семейства псовых – Белка II и Стрелка – впервые в мире совершили суточный орбитальный полёт и благополучно вернулись на родную планету!

1 декабря 1960 г. случилась новая беда: во время приземления погибли Пчёлка и Мушка. Это были последние хвостатые жертвы на пути освоения Космоса. Всего погибло 20 собак – почти половина собачьего отряда испытателей-космонавтов.

22 февраля 1966 г. на «Космосе-110» стартовали Ветерок и Уголёк. Летали они дольше всех – 23 суток, вернулись крайне измученными, но живыми.

Это был последний полёт собак в Космос.

Велика роль псовых и в духовной жизни человека, в частности, в **литературе и искусстве**.

Кто не знает о самоотверженном поступке простого пса *Соколко* из пушкинской «Сказки о спящей красавице и о семи богатырях»? Или о несчастной судьбе Муму из одноимённого рассказа И. Тургенева? А кто не читал знаменитые есенинские строки:

Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду...

Они посвящены любимой собаке великого актёра В. И. Качалова – доберман-пинчеру Джиму.

В детстве мы с замиранием сердца внимали приключениям чеховской Каштанки, улыбались при виде важного пуделя Артемона из сказки А. Толстого «Приключения Буратино», переживали за судьбу старого волка Акелы и его друзей, о которых рассказал Киплинг в своей «Книге джунглей». Позже зачитывались книгами Джека Лондона, особенно теми, в которых главными героями были собаки: «Белый Клык», «Джерри-островитянин», «Майкл – брат Джерри». Хохотали над хулиганскими проделками фокстерьера Монморанси («Трое в лодке, не считая собаки» Дж. Джерома), со слезами на глазах следили за горькой судьбой Белого Бима Чёрное ухо – героя одноимённой повести Г. Н. Троепольского...

Литературные хвостатые герои в каждом новом поколении обретают миллионы верных почитателей, прививают им любовь к братьям нашим меньшим, формируют у них лучшие человеческие качества.

Впрочем, наряду с привлекательными образами собак, хоть и редко, встречаются образы малосимпатичные и даже отталкивающие. Такие как, например, киплинговские рыжие собаки-убийцы *доли* или шакал Табаки.

К отрицательным литературным персонажам относится и главный герой книги Капитана Ф. Марриета «Приключения собаки Снарлейгоу».

«Это была самая скверная, самая безобразная собака, какая когда-либо существовала: грязно-жёлтой масти, с бельмом на одном глазу, с далеко выдвинутой вперёд нижней челюстью, свидетельствовавшей о том, что несомненное участие в её происхождении принимал бульдог. Хотя по величине пёс этот был несколько больше пойнтера и крепко сложен, однако вид у него был тощий и тщедушный.

Ни хвост, ни уши у него не были обрублены, но зато уши его были разорваны на клочки в многочисленных схватках с другими собаками на берегу, чем он был обязан всецело своему сварливому и трусливому нраву. Хвост, совершенно лишённый благодаря какой-то накожной

болезни даже признаков шерсти, скорее походил на хвост крысы, чем собаки. Многие места на теле были также лишены шерсти и покрыты струпьями и болячками»⁵.

Под стать собаке был и её хозяин – лейтенант Ванслиперкен. Он командовал английским военным судном «Юнгфрау». «Это был очень высокий и тощий человек с чрезвычайно узкими плечами и маленькой головой на длинной тонкой шее. Он походил на палку с большим набалдашником – широкополой треугольной шляпой. Длинное, худое жёлтое лицо с впалыми щеками и носом, загнутым к острому подбородку, придавало Ванслиперкену сходство с попугаем»⁶.

Ванслиперкен подобрал Снарлейгоу на улице, и они прожили вместе четыре года – до самой их смерти, прожили душа в душу, храня взаимную верность и любовь. Они обожали друг друга и ненавидели весь мир. Последнее не должно удивлять, потому что характер лейтенанта, как и пса, можно описать тремя словами: трусость, жадность и жестокость. У себя на корабле лейтенант-садист особенно часто издевался над своим слугой, которого из-за худобы прозвали Костлявым. Доставалось Костлявому и от пса: тот при каждом удобном случае пускал в ход свои острые клыки. Слуга люто ненавидел своих мучителей, ненавидел и боялся. И хотя в минуты отчаяния он не раз подумывал о самоубийстве, в нём никогда не угасало страстное желание им отомстить. И однажды это желание сбылось.

Соблазнённый звоном золотых монет, Ванслиперкен ступил на скользкий и опасный путь предательства: он стал продавать якобитам – заклятым врагам короля – важные государственные сведения. Но этого ему показалось мало, и он повёл смертельно-опасную двойную игру – за соответствующую мзду сообщал королевским чиновникам содержание тайной переписки якобитов. Это его и погубило.

После ряда жарких, кровавых событий, в которых были и погоня, и бунт на корабле, и ожесточённые схватки, и даже переодевание, якобиты во главе с Робертом Барклайем захватили «Юнгфрау». Далее последовала сцена, аналог которой трудно найти во всей мировой литературе – эта сцена не оставит равнодушным никого: ни тех, кто любит собак, ни тех, кто к ним относится плохо. Приведём её полностью.

«Двое из людей сэра Роберта Барклайя вытащили Ванслиперкена наверх. Все из экипажа «Юнгфрау», кто только мог держаться на ногах, поспешили наверх, чтобы видеть, что будет.

Когда лейтенанта привели и поставили перед сэром Робертом, ноги под несчастным подкашивались, губы дрожали, и сам он был бледен, как мертвец.

– Вы были одним из нас, вы получали от нас деньги и обманывали ради них ваше правительство, – начал сэр Барклай, обращаясь к Ванслиперкену. – Но этого предательства и измены вам показалось мало, и вы позволили себе сделать то же самое и по отношению к нам. Между тем мы предупреждали вас, что за всякую подобную попытку вас ожидает смерть. Невзирая на это, вы предали нас. За это вас ожидает обещанное вам наказание. Вы должны умереть.

– Я – умереть? Нет! Я не хочу умирать! – взмолился Ванслиперкен, кидаясь на колени. – Пощадите, бога ради, пощадите! Мистер Рамзай, скажите вы хоть одно слово за меня!

– Я могу сказать в утешение только то, – отвечал Рамзай, – что если мы не повесим вас теперь, то вам всё равно не миновать виселицы в Портсмуте, так как я передал вашему правительству все выдержки и копии королевских депеш, которые вы передавали мне, и вы осуждены на повешение и ими, как и нами. А так как вы теперь в наших руках, то мы и оставим за собой первенство в этом деле.

– О, боже мой! – воскликнул Ванслиперкен, упав лицом на палубу.

– Ребята, – сказал Рамзай, – подите, отыщите верёвку и приготовьте что надо.

⁵ Капитан... С. 4.

⁶ Капитан... С. 3–4.

Пока несколько человек возились с приготовлением для повешения Ванслиперкена, как раз против той мачты, на которой для него готовили виселицу, какая-то долговязая женщина готовила другую виселицу.

Сэр Роберт стоял всё время с часами в руках и следил за движением стрелки.

– Вам остаётся ещё пять минут времени, сэр, – проговорил он наконец.

– Пять минут! – воскликнул Ванслиперкен, вскочив на ноги. – Пять минут! Всего только пять минут! Нет! Погодите! У меня много золота, очень много, я могу купить себе жизнь... Возьмите его и пощадите меня!

– Целые горы золота не могли бы спасти вас, – мрачно ответил Барклай.

– О-о... Кому же я оставлю всё своё золото? Надо расстаться с ним! Как это ужасно!..

– Надеть ему петлю на шею! – приказал Барклай. – Вам остаётся две минуты, сэр.

Капрал ван Спиттер был любитель всякого рода казней. Он собственноручно накинул петлю на шею «своего друга» Ванслиперкена.

В этот момент долговязая женщина... появилась на верхней ступени лестницы, волоча за собой на верёвке Снарлейгоу, упировавшегося изо всех сил. С помощью Джемми Декса виселица для собаки была теперь тоже готова, и на шею ненавистному всем псу накинули петлю.

При виде Снарлейгоу Ванслиперкен, казалось, забыл обо всём.

– Моя собака! – воскликнул он пронзительным голосом. – Женщина, оставь мою собаку! Как ты смеешь дотрагиваться до неё!

Вдруг женщина быстрым движением сорвала с себя чепец и платок, окутывавший её стан и плечи, и повернулась лицом к лейтенанту.

– Костлявый! – воскликнул в один голос весь наличный экипаж «Юнгфрау».

– Вы теперь узнали меня, сэр? – насмешливо произнёс Костлявый.

– Неужели море отдаёт назад свои жертвы? Разве мертвецы воскресают? – лепетал совершенно обезумевший Ванслиперкен.

– Нет, я никогда не умирал и никогда не утопал благодаря той диете, на которой вы всегда держали меня. А так как вас теперь, как вижу, сейчас повесят, то я, как добрый христианин, прощаю вас, но только при том условии, чтобы вас действительно повесили, не иначе.

Ванслиперкен, понявший теперь, что Костлявый каким-то образом спасся, несколько ободрился и пришёл в себя.

– Если ты меня прощаешь, прошу тебя, не истязай и не мучь моей собаки, – сказал он.

– Вас-то я готов простить, – отвечал юноша, – но собаке этой я не могу простить. У нас с ней длинные счёты, и надо их наконец свести раз навсегда, а потому, когда вас вздёрнут тут, я её вздёрну там. Это так же верно, как и то, что я стою здесь.

– Пощадите! Сжальтесь над бедной собакой! Сжальтесь! – молил Ванслиперкен, совершенно забывая о своей судьбе и тревожась об участи своей возлюбленной собаки.

Между тем время, назначенное сэром Робертом, давно уже прошло, но он не хотел ещё прерывать этой любопытной сцены.

– Довольно! – промолвил он наконец. – Пора!

– Ну, Джемми, не зевай! – скомандовал почти одновременно Костлявый, держа обеими руками собаку на весу.

– Одну минуту! Прошу у вас всего только ещё одну минуту, сэр! – воскликнул Ванслиперкен с рыданием в голосе.

– На что? – угрюмо спросил сэр Роберт.

– Чтобы поцеловать в последний раз мою собаку! – ответил рыдающий Ванслиперкен.

Как ни забавно было это желание, но в словах Ванслиперкена было столько потрясающего трагизма, что никто из присутствовавших не рассмеялся, и на всех этот сердечный порыв такого человека, как Ванслиперкен, произвёл ошеломляющее впечатление.

Сэр Роберт утвердительно кивнул головой, и Ванслиперкен с петлёй на шее направился к тому месту, где Костлявый держал на руках его собаку. Склонившись над ней, несчастный стал порывисто и горячо целовать её в голову, в морду, в её окривевший глаз.

– Довольно! – сказал сэр Роберт.

Но Ванслиперкен как будто забыл о себе. Он думал только о своей собаке, и собака тоже смотрела на него. С минуту их оставили в этом положении, затем сэр Роберт Барклай подал знак, и двое приговорённых были разом вздёрнуты на мачтах куттера.

Так окончили свою жизнь один из величайших негодяев и одна из сквернейших собак, когда-либо существовавших»⁷.

Безусловно, подобные персонажи вряд ли могут вызвать у кого-нибудь симпатию. Однако верно и то, что из всех живых существ, окружавших лейтенанта Ванслиперкена в его никчёмной жизни, одна лишь собака смогла разбудить в нём хоть какие-то добрые человеческие чувства.

Широко представлены образы псовых в **живописи, графике, рисунке, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве**. Их можно встретить в работах самых знаменитых мастеров кисти и резца всех времён и народов. Есть среди художников и такие, кто целиком и полностью посвятил своё творчество изображению животных – это художники-анималисты.

Столицу Шотландии Эдинбург украшает фонтан со скульптурой скай-терьера Бобби. На памятнике надпись: «Самой преданной собаке в мире». Пёс прожил 14 лет на могиле своего хозяина, бедного старого пастуха. Бобби охранял могилу до самой своей смерти, на ней он и умер. Восхищённые преданностью собаки горожане в 1872 г. поставили ей памятник.

Неизменным успехом у зрителей любого возраста пользуются **художественные фильмы** с участием собак. Имена Мухтара, Бетховена, комиссара Рекса, Лесси, Турбо и других четвероногих героев известны не менее, чем имена знаменитых актёров. Чарли Чаплин как-то раз сказал: «Дети и собаки – лучшие актёры в кино».

Собаки – желанные гости и на арене **цирка**, и на сцене **эстрады**.

А уж сколько существует **мультфильмов**, в которых «играют» волки, собаки, лисы и другие псовые!..

Представители семейства псовых оставили свой след и в **религиях мира**. И тут с грустью приходится признать: отношение большинства религиозных культов к собачьему племени можно описать двумя словами: «безразличие» и «презрение».

Аврамические религии – иудаизм, христианство и ислам – причисляют собак к животным «нечистым». Такую позицию авторов священных книг в какой-то степени понять можно. Каждый день они видели стаи грязных, тощих собак, бродивших в поисках пищи по пыльным улицам селений и их окрестностям. Чтобы не умереть с голоду, хвостатые бродяжки подбирали всё, что можно было съесть, не брезгуя даже падалью. Но наряду с собаками-изгоями в ветхозаветные времена были и собаки, которые преданно служили людям, – они сторожили жилища, охраняли стада, помогали охотиться. Однако библейские псы только воют, бродят вокруг городов, возвращаются на свою блевотину, лижут кровь убитых и пожирают трупы. Самое большее, на что они способны, – это лизать струпья прокажённых. Похоже, среди авторов Священного писания не было ни одного охотника, ни одного пастуха – не оказалось никого, кто бы по-человечески относился к собакам. (Впрочем, одно приятное исключение всё же есть: в «Книге Товита», которую православные относят к неканоническим, рассказывается о путешествии сына Товита Товии в далёкую Мидию и сообщается, что Товию сопровождали его пёс и архангел Рафаил.)

Благодаря Ветхому Завету нам известно, что иудеи приравнивали язычников к собакам, потому что те жили без Торы и не соблюдали законов чистоты. Вместе с тем в Новом Завете

⁷ Капитан... С. 179–183.

апостол Павел иудействующих тоже презрительно называл «псами» (Флп. 3:2). Такая словесная дуэль между истово верующими в одного и того же Бога, оружием в которой служит слово «пёс», – случай уникальный.

Со временем собака, образно говоря, вызвала очередной раскол в христианстве. Католики признали её символом верности официальной догматике и бдительности по отношению к еретикам. Собака у них стала спутником и атрибутом некоторых святых (см.: *Священные псовые*). Русская же православная церковь, в худших традициях Библии, продолжала усматривать в собаке подлое, греховное существо. Такая точка зрения способствовала формированию отрицательного образа собаки на Руси – слова «пёс», «собака», «сука» и в наши дни употребляются в качестве бранных. При этом – именно в православии встречаются изображения святого с головой собаки (см.: *Христофор*).

Не повезло в Библии и волку. Он там упоминается двенадцать раз, и каждый раз как хищное, свирепое существо. Такую ненависть к волку, в отличие от собаки, понять можно: он опустошал овечьи стада – главный источник пропитания семитов. Волкам уподобляли нечестивых священнослужителей, лжепророков, лжеучителей и алчных религиозных вождей.

В более поздние времена образ серого хищника претерпел существенную метаморфозу – в христологической литературе и фольклоре он стал символом нечистой силы, олицетворением дьявола, погубителем христианских душ (см.: *Волк*). Однако если верить пророку Исае, в этой роли выступать ему осталось недолго: в грядущем тысячелетнем царстве Божьем «волк и ягнёнок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда...» (Ис. 65:25).

В Коране, в суре 18 («Пещера»), есть упоминание о собаке, охранявшей сон спящих праведных юношей. Мусульманская традиция даже сообщает имя этой собаки – *Китмир*. Лишь пёс Китмир да конь ал-Бурак удостоились личных имён в списке десяти небесных животных (остальные – баран, ослица, чибис, кит, вол, голубь, верблюд и муравей – остались безымянными).

Упоминается в Коране и волк. В суре 12 («Йусуф») завистливые братья Йусуфа (Иосифа) бросают его в пустой колодезь, затем являются с «лживой кровью на рубашке» Йусуфа к своему отцу (Йакубу) и сообщают ему, что его любимого младшего сына загрыз волк. Причём в поздних вариантах этого предания (не вошедших в Коран) есть интересная деталь: волк извещает Йакуба о лжи его сыновей (!)⁸.

Живший в X в. багдадец Ибн ал-Марзубан поучал своих читателей: «Знай же – да возвеличит тебя Аллах! – что собака более предана тому, кто владеет ею, чем отец своему ребёнку или любящий брат своему брату. Она охраняет своего хозяина и защищает его семью, присутствует он при этом или нет, спит или бодрствует, не оставляет этого даже если люди суровы с нею, и не покидает их без помощи, даже если бросают её»⁹.

А вот что писал в начале XVII в. армянский паломник Симеон Лехази, путешествовавший из Львова к святым местам:

«Они (мусульмане. – **А. Т.**) заботятся также о животных, зверях и птицах. Есть одна большая мечеть в Карамане (один из кварталов Стамбула, где находился мясной рынок. – **А. Т.**), та, что на площади, где в нескольких местах готовят шашлык и бросают его бездомным собакам и кошкам, а также воронам и другим птицам, которые, привыкнув, к этому часу собираются стаями, чтобы поесть» (Симеон Лехази. «Путевые заметки»).

Вместе с тем, по исламским представлениям, ангелы никогда не переступят порог дома, где живёт собака.

⁸ МНМ. Т. 1... С. 596.

⁹ Ибн ал-Марзубан... С. 218.

В восточных религиях – индуизме и буддизме – отношение к собакам, увы, тоже негативное.

Лишь две религии на Земле по-настоящему любят и ценят псовых: древнеегипетская, канувшая в небытие полторы тысячи лет назад, и иранская, которая давно пережила свой звёздный час, но по-прежнему насчитывает немало приверженцев. Эту религию называют по-разному: зороастризм, маздеизм, огнепоклонничество, маздаяснийская вера, парсизм.

В Древнем Египте, как известно, в ранге божеств ходили собаки, шакалы и волки (см.: *Священные псовые, Анубис; Упуат, Исдес; Хентиаменти; Хати*).

Им поклонялись, их любили и боялись, перед ними трепетали.

В Древнем Иране было по-другому. Там почитали и превозносили только полезных псовых. К ним, кроме собак четырёх видов (стерегущих скот, стерегущих жилище, охотничьих, молодых¹⁰) и лисиц, персы относили также ежей, выдр, ласок, виверр и бобров. Последние пять видов животных причисляли к собакам ввиду их полезности – они уничтожали «вредных» тварей: змей, мышей, саранчу, скорпионов, лягушек, муравьев, пиявок, ящериц, летучих мышей и черепах.

Безусловно, главным врагом скота – основы существования древнеиранских племён – являлся волк. Он, как и остальные вредные твари, был отродьем злого божества Ангро-Майнью (Ахримана) – виновника всех бед и несчастий на земле. Дать настоящий отпор серому разбойнику мог только пёс-волкодав – порождение всеблагого бога Ахура-Мазды (Ормузда). Вражда собаки и волка, по мнению зороастрийцев, представляет собой одно из бесчисленных проявлений непримиримой войны Духа добра с Духом зла. И эта война, утверждают персидские священники, закончится полной и окончательной победой Ахура-Мазды. Верховный бог свергнет Ангро-Майнью, уничтожит на земле всякое зло, воскресит всех мёртвых, воздаст каждому человеку по его заслугам, и преображённый мир, в котором Ахура-Мазда будет главным жрецом, станет «бессмертным навсегда и навечно»!

Священная книга зороастризма Авеста – единственная священная книга в мире, которая уделяет особое внимание нашему четвероногому другу. Одна из её частей – Видевдат («закон против демонов-дэвов») содержит 13-й фрагард (главу), который целиком и полностью посвящён собаке; упоминается она и в других фрагардах.

То, что написано в Видевдате, по сути, является первым в истории законом о собаках, признанием особой роли этих животных в жизни людей. В нём, в частности, излагаются правила разведения и содержания собак, меры наказания за нанесённый ей вред, указывается на её высокое положение в иерархии земных существ – второе после человека.

«Собаку создал, о Заратуштра, я, Ахура-Мазда, одетую в свою одежду, обутую в свою обувь, бодрствующую, острозубую, получающую долю мужа, для охраны мира. Так я, Ахура-Мазда, собаку предназначил быть стражем от племени туранского,¹¹ откуда стоит твердыня Истины, откуда стоит мир. И в том доме, где, о Спитама Заратуштра, будет бодр она голосом, не утащит незаметно ничего из хозяйства вор или волк; убиты будут ею волки, истреблены волки, отброшены волки, брызжущие слюной».¹²

Из 13-го фрагарда, состоящего из вопросов и ответов (спрашивал основатель маздеизма пророк Заратуштра из рода Спитама, отвечал верховный бог Ахура-Мазда), мы узнаём:

«8. Кто убьёт собаку из стерегущих скот, стерегущих дом, охотничьих и обученных, душа того с большим криком и большим воем отойдёт к будущей жизни, чем мог бы волк вопить, попав в глубочайшую западню.

¹⁰ Молодой считалась собака, не достигшая четырёх месяцев.

¹¹ Кочевое племя, враждебное оседлым иранским племенам.

¹² Здесь и далее перевод В. Ю. Крюковой (орфография источника сохранена).

9. Никакая другая душа не поддержит его душу в смерти криком и воем; ни одна из двух собак, стерегущих мост <Чинвад>, не поддержит её в смерти криком и воем.

10. Кто нанесёт стерегущей скот собаке ушиб, или отрежет ей ухо, или порежет ей ногу, а из-за этого вор или волк незаметно уташит из стада скотину, тот должен тогда вред искупить: искупить наказанием за умышленно совершённое ранение собаки.

11. Кто нанесёт стерегущей дом собаке ушиб, или отрежет ей ухо, или порежет ей ногу, а из-за этого вор или волк незаметно уташит из дома добро, тот должен тогда вред искупить: искупить наказанием за умышленно совершённое ранение собаки».

А наказание полагалось такое: за убийство овчарки – восемьсот ударов конской плетью, сторожевой собаки – семьсот, охотничьей – шестьсот, а молодой – пятьсот ударов.

В других стихах фрагарда Ахура-Мазда указывает предназначенное собаке место (возле стада, жилища, рядом с охотником); определяет степень вины человека, обделяющего собаку пищей (как если бы он обделил едой праведного мужа) и меру наказания за этот грех (от 50 до 200 ударов плетью); сообщает, чем следует кормить собаку (молоком и жиром с мясом), как поступать с бешеной собакой (если она никого не покусала – лечить, как праведного мужа, а если напала на скот или человека – отрезать ей уши, а затем и ноги).

Далее Ахура-Мазда уподобляет собачью натуру нравам священника, воина, скотовода, раба, вора, ночного зверя, потаскухи и ребёнка. Потому что она:

«45. Пищу ест, как священник, неприхотлива, как священник, незлобива, как священник, довольна и малой долей, как священник. В этом она, как священник.

Держится впереди, как воин, сражается за скот благодатный, как воин, она – позади и перед домом, как воин. В этом она, как воин.

46. Бдительная, спящая чутко, как скотовод, она – перед и позади дома, позади и перед домом, как скотовод. В этом она, как скотовод.

Угодливая, как раб, коварная, как раб... <?>. В этом она, как раб.

47. Ждущая темноты, как вор, промышляющая ночью, как вор, вслепую хватаящая пищу, как вор.

Ждущая темноты, как зверь, промышляющая ночью, как зверь, вслепую хватаящая пищу, как зверь. В этом она как зверь.

48. Угодливая, как потаскуха, коварная, как потаскуха, гадящая на дороге, как потаскуха... <?>. В этом она, как потаскуха.

Сонливая, как ребёнок, слюнявая, как ребёнок, высывающая язык, как ребёнок, забегающая вперёд, как ребёнок. В этом она, как ребёнок».

Затем Ахура-Мазда делает такой вывод: «Не стояли бы прочно мои дома на земле, созданной Ахурой, если бы не было собаки, стерегущей скот и стерегущей дом».

Сообщает он и о том, куда девается дух умершей собаки:

«Он приходит к источникам вод, о Заратуштра, в которых сотворятся две водяные выдры: из тысячи сук собак и тысячи кобелей собак – пара выдр, сука и кобель. Убивший выдру вызывает засуху беспастбищную».

А в 15-м фрагарде Ахура-Мазда перечисляет пять тяжких грехов, совершив которые и не раскаявшись, смертный «становится поплатившимся телом». Вот эти грехи:

1) учить праведного мужа иной вере;

2) давать овчарке или сторожевой собаке твёрдые кости и горячую похлёбку, от которых она страдает;

3) убивать или причинять вред суке с щенками;

4) пускать семя в женщину с месячными;

5) пускать семя в женщину беременную.

В этом же фрагарде «Создатель живых творений плотских» подробно объясняет, кто и как должен заботиться о бесхозной ценной суке и её потомстве; в каком возрасте собаки ста-

новятся «соображающими и самостоятельно питающимися» (когда щенки смогут обежать дом четырнадцать раз); как получить хороший приплод от суки (её должны покрыть три кобеля); наконец, какой кары заслуживает тот, кто убьёт такую суку и её щенков (семьсот ударов конской плетью).

А из 8-го фрагмента мы узнаём: чтобы очистить от скверны дорогу, по которой несли мёртвого человека или мёртвую собаку, необходимо по этой дороге трижды провести «пса жёлтого четырёхглазого или белого с жёлтыми ушами».

Собака играла важную роль не только в жизни праведного зороастрийца, но и в его смерти. Если собаки земные охраняли умиравшего человека от злобных дэвов, а в первые три дня после его кончины отгоняли демона смерти Насу, пытавшегося похитить душу покойника, то собаки мистические сопровождали эту душу до моста Чинват, сторожили мост и наказывали грешников в аду (см.: *Священные псовые*).

И, наконец, нельзя не вспомнить ещё об одной мистической иранской собаке – крылатом *Сэнмурве*. Он стоит у истоков жизни зороастрийского Космоса и щедро рассыпает семена земных растений с ветвей «всеисцеляющего дерева Всех семян».

Таким образом, религия Заратуштры в полной мере воздаёт должное тому творению Ахура-Мазды, которое одето в свою одежду, обуто в свою обувь, всегда бодрствующее и остро зубое, и создано для охраны мира. Это уникальное животное русские, украинцы, белорусы и болгары называют собакой – словом, которое, как считают учёные, пришло к нам из языка иранских племён, когда-то населявших Северное Причерноморье.

Собака оставила свой след и в философии: её имя присутствует в слове «киник» («циник»). Киниками называют последователей древнегреческого философа Антисфена, жившего в IV в. до н. э. Киники проповедовали идеал безграничной духовной свободы, отказ от нравственных норм и достижений культуры, призывали к аскетизму и возврату к природе.

Ярким представителем школы киников являлся Диоген Синопский. Согласно легенде, жил он в бочке, зимой и летом носил одно и то же платье, не имел семьи, питался простой, грубой пищей, днём ходил по Афинам с зажжённым светильником и на вопросы удивлённых горожан отвечал, что ищет человека. За такой жалкий, доходящий до юродства образ жизни Диоген получил прозвище Пёс (Куоп), которое носил с гордостью и от которого произошло слово «киник».

По другой версии, это слово возникло от названия афинского холма Киносарг («белая собака»). На этом холме когда-то располагался гимнасий, в котором Ан-тисфен проводил занятия с учениками, а до гимнасия там был алтарь, с которого некая белая собака однажды похитила жертвенное мясо.

В символике собака олицетворяет верность, преданность, храбрость, бдительность и надёжную защиту. **Волк** символизирует свирепость, жестокость, алчность, дьявольские козни, кровожадность и коварство, а у китайцев – ещё и разврат. **Лисица** является образцом хитрости, коварства, лицемерия и вероломства.

В алхимии волк символизирует сурьму.

В геральдике псовые – гости не частые.

Эмблема волка несёт традиционную символику агрессивности; его цвет – чёрный, реже – синий, серебряный или красный. Изображается он как анфас, так и в профиль, шерсть на лапах, хвосте и спине вздыблена, пасть всегда открыта, видны острые зубы. Этот зверь красуется на гербах российского Кировограда (в белом поле¹³ восстающий¹⁴ чёрный волк с золотым кайлом в передних лапах), украинского Волчанска (в голубом поле бегущий волк), бело-

¹³ Поле – в геральдике: фон щита.

¹⁴ Восстающий – поднявшийся на задних лапах.

русского Волковыска (стоящий волк с головой анфас), польского Лобеза (в жёлтом поле на зелёном холме стоящий красный волк в короне), баварского Пассау (в белом поле восстающий красный волк), а также чувашского села Исаково (в лазоревом поле восстающая серебряная крылатая волчица) и других населённых пунктов. Используется образ волка и в качестве «говорящей» эмблемы (например, в родовом гербе Волковых).

Пёс в геральдике изображается сидящим, стоящим или бегущим, причём только в профиль и в ошейнике – знаком того, что это не дикое, а домашнее животное. В английских и венгерских гербах можно также встретить профильное изображение собачьей головы. Эмблемы псов присутствуют в российских «говорящих» гербах Собакиных, Собаковых, Борзовых, а также Стрешевых, Ростопчиных, Балакиревых, польских шляхтичей Малиновских, Баратынских, Долинских.

Хаски (американская лайка сибирского происхождения) украшает герб Юкона (Северо-Запад Канады), алан (почти исчезнувшая порода) – герб португальского города Аленкер, а чёрный пёс – шотландского городка Линлитгоу.

Об этом псе существует такое предание. Одного человека за тяжкую провинность приговорили к голодной смерти – его отвезли на необитаемый остров и приковали к дубу. Однако осуждённого спас его чёрный пёс: он каждый день приплывал на остров и приносил в пасти еду.

Лисица присутствует **на гербах** городов Саранска (бегущая красная лиса), Салехарда (в серебре чёрная идущая лисица с червлёными глазами и языком), украинского Лисичанска (лисица, сидящая на куске каменного угля – в память о Лисичьем Буераке, где впервые в Донбассе в 1710 г. был найден «горючий камень»), литовского местечка Лапес (в лазурном поле три золотые лисицы с серебряными когтями) и т. д.

Встречаются псовые и в **нумизматике**, причём с древних времён. На реверсе римских серебряных монет (дидрахмы и антониниана, обе – III в. до н. э.) изображена *капитолийская волчица*, кормящая младенцев Ромула и Рема, а на аверсе римской серебряной монеты, найденной в Кельтиберии, сзади профиля мужской головы имеется небольшое изображение бегущей собаки (по-видимому, гончей). Находили древние монеты с изображением собак и на о. Кос, и во многих других местах Средиземноморья. Позже, в XV – XVII вв., бегущий пёс появился на монетах Словении и Хорватии. Изображают собак и на современных денежных знаках.

Не обошли псовые и **топонимику** – их именами названы многие географические объекты. Вот некоторые из них: древняя Ликия, российские населённые пункты Волчанск, Волковыск, Песь, Лисицыно, Лисаковск, реки Волк, Волчья, Волчина, Волчимья, Лисица, Лиска, Лисья, остров Песяков, западноевропейские Вольфен, Вольфеберг, Вольфштайн, Вольфхаген, гора Хундсхеген, американские Вулфборо, Вулф-Пойнт, Фокс-Бэй-Уэст, река и остров Вулф, две реки, пролив и полуостров Фокс...

В ономастике много «волчьих» имён (см.: *Оборотни, Воины*). Встречаются и «собачьи», скажем, древнегерманские Хундинг, Хюндла, ирландские *Кухулин*, Конганкнес, Конал, Ку Рои. Известна и обратная метаморфоза: в средневековой Франции мужское имя *Ренар* стало именем нарицательным для лисиц.

Названия псовых вошли в **наименования растений** (волчье лыко, волчья ягода, волчий корень, волчец, собачья мята, пёсьи вишни, пёсья трава, собачья роза, собачий перец, лисий виноград...), **животных** (паук-волк, земляной волк, морская собачка, рыба-собака, бабочка Ликаон...) ¹⁵, **астрономических объектов** (см.: *Псовые на небе*) и многого другого.

С псовыми связано множество **суеверий, примет, народных поверий** (см.: *Приметы и предрассудки*), **пословиц, поговорок** (часть из них приводится в книге), **загадок, метафор, идиом, устойчивых речевых оборотов**. Скажем, в русских диалектах словом «волк» могут назвать и вора, и шафера со стороны жениха, и брата жениха, а «волчицей» – неве-

¹⁵ Ирландцы, например, называют кролика «собакой чащи», зайца – «бурой собакой», а моль – «собакой меха».

сту. Широко известны такие выражения, как «собака на сене», «хвост виляет собакой», «чушь собачья», «жизнь собачья», «псу под хвост», «спустить собак», «лихая собака». У англичан мерзавца и подлеца называют «повешенной собакой», а счастливчика – «счастливым псом» или же о нём говорят так: «счастлив, как собака с двумя хвостами». И таких примеров в любом языке найдётся немало. А сколько на свете **афоризмов** про собак!..

Волки, собаки, койоты, лисы, шакалы и динго широко представлены в **мифах** и **легендах** народов мира. Талант и фантазия людей сотворили удивительную вселенную, в которой хвостатые герои создают Солнце, Луну, звёзды и Землю, порождают первых людей, добывают для них огонь и пищу, сражаются с чудовищами, провожают души мертвецов на тот свет, предвидят будущее, воскрешают покойников, и вместе с тем – пожирают богов и людей, проглатывают небесные светила, мучают грешников в аду, служат дьяволу, лишают людей бессмертия, обольщают и сводят их с ума...

Мифы и сказания про собак и их родичей – это целый мир, это поражающий воображение волшебный Кинокосмос!¹⁶ Познакомимся с его героями поближе...

и в радости, и в горе – всегда рядом...

¹⁶ Кинокосмос – от греческих слов kinos (род. падеж слова kion – «собака») и kosmos – «вселенная».

Кларенс Джонсон Баркер. Андерс Цорн. Частная коллекция. Отвергнутый. Брайтон Ривьер. Музей искусств Филадельфии.

Герои от А до Я

Лучшее, что есть у человека, – это собака.
Туссен Никола Шарле

Только человек, у которого есть собака, чувствует себя человеком.
«Пшекруй»

Цифры не лгут. Посчитай, сколько людей тебя облаяло и сколько собак!
«Пшекруй»

Собака так преданна, что даже не веришь в то, что человек заслуживает такой любви.
Илья Ильф

У собак лишь один недостаток – они верят людям.
Элиан Дж. Финберт

Хорошему человеку бывает стыдно даже перед собакой.
Антон Чехов

Собаки тоже смеются, только они смеются хвостом.
Макс Истман

Нет уродливых собак – есть только нелюбимые.
«Пшекруй»

Каждого хозяина мучает мысль, что его питомец будет с ним так недолго.
Сэр Вальтер Скотт

В истории цивилизации куда больше примеров верности собачьей, чем человеческой.
Александр Поуп

Собаки не заменяют нам жизнь, но меняют её к лучшему.
Роджер Карас

Никто не может полностью познать любовь, пока не заведёт собаку.
Джин Хилл

Иван-царевич на Сером волке. Виктор Васнецов. Государственная Третьяковская галерея, Москва.

Айльбе

В эпосе Ирландии пёс короля лагенов, великолепный охотник, боец и сторож, бдительно охранявший родное королевство. Пёс стал жертвой схватки коннахтов и уладов, стремившихся им завладеть.

Эта старая-престарая история случилась в Лагене, юго-восточной ирландской провинции, которой правил король по имени Месройда Мак-Дато. У короля было два сокровища, неизменно вызывавших всеобщее восхищение и зависть: громадный кабан и удивительный пёс. И если кабан был хоть и огромной, но всё же самой обычной свиньёй, то пёс...

Айльбе принадлежал к славной породе ирландских волкодавов, самых рослых собак на земле, – его голова касалась плеча своего господина. Кроме роста и силы, этих псов отличает ещё одно важное свойство: они необычайно понятливы и умны.

Слава ирландских волкодавов давно перешагнула границы их родного острова. Римские легионеры, не считаясь с трудами и затратами, доставляли этих гигантов в Рим. Там они на арене Колизея храбро сражались с могучими львами. А несколько столетий спустя эти псы воевали в рядах викингов и вместе с ними наводили ужас на многочисленные племена и народы Европы. В Средние века ирландские рыцари с гордостью носили доспехи с изображением волкодавов и надписью: «Нежный – в ответ на ласку, ужасный – в ответ на вызов»¹⁷. Поэтому неудивительно, что многие короли и вельможи мечтали пополнить свои псарни знаменитыми собаками.

Мускулистое, поджарое тело Айльбе было покрыто грубой серой шерстью с тёмными поперечными полосами на спине и морде; его чёрные глаза светились умом и боевым задором. Ни одна борзая не могла сравниться с ним в беге: одинаково легко догонял он и зайца, и быстрого оленя. Не было ему равных и в травле волков: смело вступал он в схватку с матерыми хищниками и неизменно их побеждал. Но пёс Месройды прославился не только как охотник, волкодав и сторож. Он был ещё и храбрым воином. Вооружённый ошейником с бронзовыми шипами, он смело бросался в самую гущу боя, вспарывал клыками и шипами брюхо лошадей, впивался мёртвой хваткой в тела врагов. Один только вид боевого пса вселял в души даже опытных бойцов страх и замешательство. Немало сражений было на его счету, и память о них хранили многочисленные шрамы, украшавшие хвостатого воина. (См. также: *Воины*.)

Слава Айльбе не давала покоя соседям. И однажды в один и тот же день и час к королю лагенов пожаловали посланцы двух королевств-соперников – Коннахта и Улада. Каждое из посольств просило уступить ему пса. Коннахты от имени своей королевы Медб и короля Айлиля обещали Месройде Мак-Дато отдать за пса шесть тысяч дойных коров да колесницу с двумя лучшими конями. А через год ещё ровно столько же. То же сулили и улады от имени своего короля Конхобара, а кроме того – ещё и добрую дружбу в придачу. Выслушав послов, Месройда впал в глубокую задумчивость.

Шло время, и всё печальнее становился его взгляд. Не радовали его ни вкусные блюда, ни сладкий сон, ни супружеские утехы. За столом он рассеянно ковырял ножом, а по ночам – ворочался и тяжело вздыхал. Так прошло три дня. Наконец, обеспокоенная супруга не выдержала и спросила короля, отчего он потерял аппетит и сон, что гнетёт его душу.

– Не поверяй своей тайны женщине.
Плохо тайна хранится женщиной¹⁸.

¹⁷ БИЭ. Т. 25... С. 487.

¹⁸ Здесь и далее цитаты из «Повести о кабане Мак-Дато» // Исландские саги. Ирландский эпос. М... 1973. (Серия БВЛ).

– пробурчал Месройда.

Но королева была настойчива и в конце концов убедила мужа поведать о своей кручине. Не выдержал король, тяжело вздохнул и сказал:

– На горе нам пса у Месройды Мак-Дато
Пришли сегодня просить для себя.
Много падёт воинов прекрасных
Из-за этого пса, виновника распри.

Если не отдам я Конхобару его,
Нападёт он на нас неминуемо;
Ни скоту моему, ни земле моей
Пощады не будет от войска его.

Если ж Айлилю отказать я решусь,
Обрушится он на страну мою.
Всех настигнет нас Кет, сын Матаха,
В пепел обратит дома наши.

Но лукав и изворотлив женский ум. Немного поразмыслив, королева дала мужу дельный совет:

– Соглашайся им пса обоим отдать,
Пусть они меж собой спор боем решат.

Услышав слова супруги, Месройда радостно встрепенулся и ожил. Морщины на его челе разгладились, в глазах опять появился живой блеск. «После этого он сначала позвал к себе пришедших из Коннахта.

– Я был в большом затруднении и долго колебался, – сказал он им. – Но вот принял решение. Отдаю моего пса Айлилю и Медб. Пусть приходят они торжественно за ним сами, чтобы увести с собой. Будут им угощение и напитки обильные, и они получают пса. Добро пожаловать!

Довольны остались коннахтские послы этим ответом. Тогда он отправился к пришедшим из Улада и сказал им:

– После долгих колебаний я принял решение отдать пса Конхобару. Да будет он горд этим! Пусть знатнейшие из уладов приходят за псом. Будут им дары и добрый приём от меня. Довольны остались уладские послы.

Один и то же день назначил Мак-Дато и уладам, и коннахтам, чтобы пришли за псом. И никто не пропустил этого дня. Воины двух королевств Ирландии явились в одно и то же время к воротам замка Мак-Дато. Он сам вышел навстречу и приветствовал их».

Радужный хозяин пригласил всех в пиршественную залу, где во всю длину тянулся стол, щедро уставленный вкусной снедью. А посередине стола аппетитной горой возвышался зажаренный кабан-великан, вскормленный молоком шестидесяти коров. Его украшали разложенные вокруг сорок зажаренных быков.

Но не было на лицах гостей, садившихся за стол, обычной в таких случаях радости, недобрым оком поглядывали они друг на друга. Потому что между многими из них не раз случались кровавые стычки, и их души разъедала многолетняя вражда.

- Даю слово, – промолвил Мак-Дато, – такого угощения вы не сыщете во всём Лагене.
- Добрый кабан, – подхватил король Конхобар.
- Поистине добрый, – отозвался король Айлиль. – Но кто его будет делить?

И тут, как всегда, вмешался Брикриу Злокозненный, чей ядовитый язык везде сеял раздор и вражду.

– Нет ничего проще! – воскликнул он. – Тут собрались славнейшие воины Ирландии, и каждый из них должен получить свою долю, согласно его подвигам и победам. А делить должен самый доблестный воин, которому нет равных в сражениях.

На том и порешили.

Много было охочих делить кабана, но каждый из них был пристыжен кем-нибудь из своих врагов. Собравшиеся на пир долго бесчестили друг друга, вспоминая бесчисленные стычки и сражения. Ведь уже не одну сотню лет длилась вражда между Коннахтом и Уладом. Всё яростнее становилась перепалка за столом, всё громче звучали взаимные упрёки и издевательские насмешки. И всё беспокойнее вёл себя виновник пира Айльбе, присутствовавший здесь. Он стал нервно перебирать лапами, часто дышать и поскуливать. В его тёмных глазах читались недоумение и тревога.

Но вот выше всех других поднял своё оружие Кет, сын Матаха из Коннахта. С ножом в руках он подсел к кабану и громко воскликнул:

- Кто из мужей Ирландии оспорит моё право делить кабана?

Шум в зале постепенно стих. Все молчали. Наконец, понукаемые Конхобаром, стали вставать уладские воины, чтобы оспорить заявленное право Кета. Однако, получив от него отповедь, пристыженно садились.

И так, одного за другим, обесчестил Кет всех воинов Улада. Затем гордый своим неоспоримым превосходством воин из Коннахта решил приняться за кабана и занёс над ним острый нож. Но в это мгновение с шумом распахнулась дверь и на пороге появился Конал Победоносный. Радостный крик вырвался из уст уладов, и сам Конхобар поприветствовал героя, помавав ему короной. Одним прыжком Конал очутился возле кабана и воскликнул:

- Хотел бы и я получить свою долю! Правда, Кет, что ты делишь кабана?

И Кет пропел в ответ:

– Привет тебе, Конал! Сердце из камня!
Дикое пламя! Сверканье кристалла!
Ярая кровь кипит в груди героя,
Покрытого ранами, победоносного!

Запел и Конал:

– Привет тебе, Кет, первенец Матаха!
Облик героя! Сердце из кристалла!
Лебединые перья! Воитель в битве!
Бурное море! Ярый бык прекрасный!

И затем добавил:

- А теперь отойди от кабана!

«– А у тебя какое право на него? – спросил Кет.

– У тебя есть право вызвать меня на поединок, – сказал Конал. – Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор как я взял копьё в свою руку, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

– Это правда, – сказал Кет. – Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

– Он здесь, вот он! – воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса.

И он метнул её в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от кабана, и Конал занял его место.

– Пусть поспорят теперь со мной! – воскликнул он.

Ни один из воинов Коннахта не дерзнул выступить против него...

Конал принялся делить кабана. Но прежде всего он сам впился в хвост. Девять человек нужно было, чтобы поднять этот хвост; и однако же Конал быстро съел его весь без остатка.

Коннахтам при дележе Конал дал лишь две передние ноги. Мала показалась им эта доля. Они вскочили с мест, улады тоже, и все набросились друг на друга. Началось такое побоище, что гряда трупов посреди дома достигала высоты стен. Ручьи крови хлынули через порог.

Затем вся толпа ринулась наружу. С великим криком стали они там резаться... Все избивали друг друга. Фергус вырвал дуб, росший посреди двора, вместе с корнями и вымел им врагов за ограду двора. Побоище продолжалось за воротами.

Тогда вышел наружу Мак-Дато, держа в руках своего пса. Он спустил его, чтобы посмотреть, чью сторону примет пёс своим пёсым разумом. Пёс принял сторону уладов и накинудся вместе с ними на коннахтов, которые, вконец разбитые, обратились в бегство.

Рассказывают, что на Полях Айльбе, через которые отступали Айлиль и Медб, пёс вцепился зубами в дышло их колесницы. Тогда Ферлога, возница Айлиля и Медб, так хватил его мечом по шее, что туловище его отвалилось; голова же осталась вцепившейся зубами в дышло. Оттого-то, по имени пса Айльбе, и прозвали это место Полями Айльбе».

Так непомерная алчность людей погубила пса Айльбе – гордость и славу Ирландии.

Альшкентыр

Альшькынтр («алы» по-абхазски – «собака»). В абхазской мифологии боже-ство, покровитель собак, домашнего очага и скота, одно из проявлений бога Айтыра. Возможно, Альшкентыр имел облик собаки.

В языческом пантеоне древних абхазов имелся свой верховный бог-демиург – анцва. Ему подчинялись все боги. Среди них особое место занимал Айтар. Этот великий бог обновления природы был богом единым, но делимым и состоял из семи долей-воплощений. Одним из его воплощений являлся Альшкентыр – божество-покровитель собак и всего того, что собаки охраняют: жилья с очагом, нажитого добра, хозяйственных построек, домашней скотины, двора, огорода. Альшкентыр был своего рода сверхпсом, вожаком всех собак. Он мог наградить любую собаку выдающимися собачьими способностями, а мог наслать болезнь, в том числе и такую страшную, как бешенство.

В те давние времена, когда в руках человека было только холодное оружие, его безопасность, а часто и сама жизнь, во многом зависели от собаки. И в самом деле, невозможно оградить своё жилище от ночных разбойников без собаки-сторожа. Невозможно уберечь овец и коров от волков без собаки-волкодава. Наконец, невозможно успешно охотиться без собаки-охотника. Поэтому абхазы высоко ценили своих собак и в молитвах поминали их прежде человека, а Альшкентыра свято чтили. В его честь пастухи совершали молебствия в особых святилищах – *аныхартах* и приносили ему в жертву барашков. Происходило это во время праздника *хуажэжыра* в конце февраля. Молящиеся просили Альшкентыра защитить их род, жилище и скот от беды и ущерба, дать богатый приплод, подарить им верных собак.

Об особом отношении абхазов к собакам говорит следующая легенда.

«В древности, когда в Абхазии жили люди-великаны и дивы, был некто Аслан – великан, который не давал покоя *дивам*. Раз, когда он спал, подкрались дивы, связали шёлковыми шнурами, ослепив, убили его и бросили в глубокий колодец-ров. Когда его собаки вернулись с обычной охоты, разыскали своего хозяина, но не могли вытащить его из колодца. Они набросились на проезжающего на арбе, сняли его с арбы и заставили вытащить своего патрона и развязать его. Собаки три дня и три ночи лизали Аслана, которому вернули и жизнь, и зрение»¹⁹. В этой легенде, кроме всего прочего, ярко представлен распространённый на Кавказе мотив божественных собак-целителей (см.: *Аралезы*).

А вот ещё одно свидетельство любви абхазов к своим четвероногим помощникам.

Одному человеку ещё при жизни удалось побывать на том свете. Там он встретил покойного Сасрыкву – прославленного героя-нарта и с горечью убедился, что стол богатыря совершенно пуст. А причина была проста: Сасрыква умер последним из нартов, и некому его было помянуть на земле. Человек вернулся с небес на землю и устроил по Сасрыкве роскошные поминки. Растроганный нарт спустился на землю и подарил отзывчивому земляку самое дорогое – своего коня и своих собак. Волшебный конь Гьамыда (или Бзоу) был наделён острым умом и способностью говорить по-человечьи, а собаки-волки днём и ночью неусыпно стерегли несметные стада и табуны.

В Абхазии, на левом берегу реки Аалдзга, на горе стоит христианский храм «Лашкиндар» (Альшкендыр)²⁰. Над его главным входом вмурована известняковая плита размерами 45 на 110 см. На ней вырезан профильный контур двух собак, стоящих друг против друга. Между ними лежит некий овальный предмет, на который каждая из собак поставила переднюю лапу.

¹⁹ Джанашиа... С. 28.

²⁰ Бжания... С. 324.

Храм построен в VI или VII веке на месте языческого капища. А плиту вставили предприимчивые христианские священники, чтобы заманить в храм неопитов, вчерашних поклонников Айтара и его семи воплощений. И эта белая плита с загадочным изображением собак – последнее, что осталось от древней кумирни, посвященной божеству собак и собаке-божеству Альшкентыру.

Амарок

Волшебный волк в эскимосской мифологии.

У самой кромки Северного Ледовитого океана, в царстве снега и льда, там, где, кажется, и жить невозможно, обитает удивительное племя эскимосов (инуитов). Оно поражает своей жизнестойкостью, упорством и мужеством, своим умением приспособиться к невероятно трудным условиям существования в студёной Арктике.

Эскимосы – великолепные рыболовы и охотники. Они в основном промышляют северного оленя карибу и морского зверя.

На своих утлых каяках, вооружённые в былые времена только костяными гарпунами, эскимосы бесстрашно нападали на таких морских исполинов, как киты, белухи, моржи и касатки. И, когда охота была успешной, в стойбище наступал настоящий праздник: люди разделявали многотонную тушу и заготавливали впрок мясо, жир и шкуру²¹, радуясь тому, что впереди их ждёт много дней сытой жизни.

Большую роль в судьбе эскимосов играет собака. На Севере она не только сторож и охотник, но ещё и ездовое животное, и источник ценного меха. А в экстремальных ситуациях собака ценой собственной жизни и собственной плоти не раз спасала людей от голодной смерти.

Окружающий мир эскимосы населяют множеством духов-*инуа*. Инуа являются «хозяевами» не только конкретных предметов и существ, но и их отдельных свойств и отвлечённых понятий («хозяин карибу», «хозяин луны», «хозяин силы»). Всеми духами повелевает обитающий в нижнем мире верховный дух *торнарсюк*.

Персонажи эскимосских мифов и сказок могут иметь как человеческий облик, так и облик животных. Среди последних можно встретить и псовых. Например, злобного и коварного *ахлута*, от которого нет спасения ни на суше, ни на море, потому что он может принимать облик как волка, так и касатки. Ахлута можно опознать по волчьим следам, ведущим к морю и обратно. Не таким кровожадным, хотя и довольно опасным, является другой демонический дух – *кеелут*, имеющий вид совершенно безволосой собаки. А вот похожий на кеелута *кикири* – огромный пёс, у которого шерсть растёт только на лапах, ушах, кончике хвоста и вокруг пасти, – реальной угрозы для человека не представляет, потому что труслив и глуп: встретив человека или собаку, он старается поскорее от них убежать. Впрочем, напугать такое чудище может кого угодно.

И всё же самым известным героем эскимосского фольклора из числа псовых является амарок. Это огромный, чаще всего чёрный, волк. В отличие от волков обычных – животных стайных, он – охотник-одиночка. И горе тому, кто ночью встретится ему на пути, – такого беднягу уже ничто не спасёт и не поможет ему никакое оружие. Хотя, сказать по правде, этот дух умел не только убивать – он был способен и на добрые дела. Как, например, в истории с несчастным мальчишкой по имени Кагсагсюк.

Кагсагсюк был круглым сиротой. Его приёмной матерью была жалкая старуха. Жили они не в основном помещении иглу, как все, а в крохотной каморке в конце тоннеля, который вёл с улицы в жилище. Часто мальчишка спал среди собак, и по утрам, когда мужчины их поднимали плётками, перепало и ему.

Судьба была неласкова к Кагсагсюку: ко всем его бедам и несчастьям он был ещё и некасистым, хилым пареньком маленького роста. Все обижали заморыша-изгоя. Особенно жестоко

²¹ Шкура кита у северных народов считается лакомством.

над ним издевались дети: то побьют, то испачкают с ног до головы грязью, то набьют одежду снегом, то выбьют зуб...

Кагсагсюк часто в отчаянии убегал в горы и подолгу бродил там в одиночестве, размышляя о том, как бы ему набраться сил и отомстить своим обидчикам.

«Наконец приёмная мать научила его. Однажды, встав между высокими горами, он позвал изо всех сил: «Хозяин силы, выйди! Хозяин силы, приди ко мне!» Тут же появился большой зверь-амарок... Кагсагсюк очень испугался и чуть было не пустился наутёк; но зверь быстро догнал его, обхватил хвостом вокруг туловища и швырнул на землю. Совершенно не в состоянии подняться, мальчик услышал какой-то хрустящий звук и увидел: из его тела, как маленькие игрушки, во множестве посыпались тюленьи косточки. Тогда амарок сказал: «Из-за этих костей ты и перестал расти». Он снова обхватил мальчика хвостом, и они снова упали, но косточек на этот раз высыпалось меньше; а когда зверь швырнул его на землю в третий раз, выпали последние косточки. На четвёртый раз мальчик не совсем упал, а на пятый совсем не упал, а поскакал по земле. Тогда амарок сказал: «Если ты правда хочешь стать сильным и выносливым, то можешь приходить ко мне каждый день». На пути домой Кагсагсюк чувствовал себя намного легче и мог даже бежать; одновременно он пинал ногами и отбрасывал со своего пути камни. Девочки, нянчившие младенцев, встретили его недалеко от дома и закричали: «Кагсагсюк идёт – давайте забросаем его грязью», мальчики принялись бить и мучить его, как раньше; но он не стал противиться, а по старой привычке улёгся спать с собаками. После этого он стал каждый день встречаться с амароком, и тот каждый раз проделывал с ним то же самое. Каждый день мальчик чувствовал, как у него прибавляется сил; на пути домой он теперь отбрасывал ударами ноги целые скалы и, катаясь по земле, заставлял разлетаться камни. Наконец в один из дней зверь не смог опрокинуть его, и тогда он сказал: «Так, этого достаточно; никто из людей теперь не сможет взять над тобой верх. Но ты лучше продолжай вести себя как прежде. Когда придёт зима и море замёрзнет, настанет тебе время показать себя; тогда появятся три огромных медведя, и будут они убиты твоей рукой». В тот день Кагсагсюк всю дорогу бежал, по обыкновению разбрасывая ногами камни направо и налево. Но дома он продолжал вести себя как обычно, и люди мучили его даже больше, чем прежде»²².

И вот, наконец, наступила зима. Мороз окончательно сковал море льдом, и охотиться на тюленей стало невозможно.

Однажды в селение прибежали взволнованные мужчины и сообщили, что на айсберге появились три медведя. Никто из охотников напасть на зверей не рискнул. И тогда Кагсагсюк понял: наступило время действовать. Он попросил у мачехи её меховые сапоги, сказав, что тоже хочет посмотреть на появившихся медведей. Старухе это не понравилось, но она всё же бросила ему сапоги и насмешливо добавила: «За это ты мне добудешь одну шкуру на лежанку, а другую на одеяло». Кагсагсюк обулся и, не обращая внимания на удивлённые и насмешливые возгласы зевак, помчался к айсбергу, да так быстро, что за ним потянулось целое облако снежной пыли.

Вот он добежал до ледяной горы и стал взбираться по её склону. Толпа удивлённо притихла. Всё выше и выше поднимается «заморыш»; вот он уже на вершине айсберга, вот подбежал к ближайшему медведю... И тут произошло то, что повергло всех в изумление и ужас: Кагсагсюк схватил медведя за передние лапы и ударил его об лёд с такой силой, что у того отлетели лапы задние! Он швырнул убитого зверя вниз и прокричал: «Обдирайте и делите!» Один из оставшихся медведей встал на дыбы и со страшным рёвом пошёл на отчаянного смельчака. Однако Кагсагсюк не испугался: он разделался с этим медведем точно так же, как с предыдущим, и сбросил его вниз. Затем схватил последнего зверя за задние лапы, спустился с ним с ледяной горы и, подбежав к толпе, принялся им дубасить ошеломлённых зевак. При этом

²² Ринк... С. 32–37.

приговаривал: «Этот парень плохо обращался со мной!.. И этот тоже!.. А этот ещё хуже!..» И толпу как ветром сдуло! Все в страхе спрятались в иглу.

Кагсагсюк освежал добычу, вошёл с двумя медвежьими шкурами в дом и крикнул: «Вот тебе, мать, шкуры! Одна на лежанку, вторая на одеяло». После этого он приказал разделить туши и приготовить мясо.

Потрясённые мужчины не знали, куда бесстрашного героя и усадить, а женщины не знали, как ему услужить! Но это их не спасло. Кагсагсюк расквитался со всеми своими обидчиками и в живых оставил только тех, кто относился к нему по-доброму.

Вот такой «урок вежливости» преподал людям маленький Кагсагсюк. А помог ему в этом великий и ужасный амарок.

Этот волшебный волк замешан ещё в одной истории. Называется она «Брат, который отправился на Алкилинек в поисках сестры». Легенда эта непростая. Датский учёный Хинрик Ринк, опубликовавший её в своей книге «Мифы и легенды эскимосов», пишет о ней так: «Мы считаем, что это одна из легенд, с наибольшей вероятностью имеющих под собой реальную историческую основу. В ней говорится об изобретении собачьей упряжки, о приручении и обучении дикого животного, от которого и произошли современные эскимосские собаки»²³.

А случилось это, как считают учёные, около 20 тысяч лет назад, в эпоху последнего Великого оледенения Земли, когда огромные площади Европы, Азии и Северной Америки были покрыты мощными ледниками. «Холодный арктический климат оледенелых пространств тысячелетиями формировал скудную растительность и своеобразный животный мир, приспособившийся к суровой жизни ледниковой эпохи. Огромные мамонты и шерстистые носороги, овцебыки и северные олени паслись на тундровых пастбищах. Полярные волки, песцы и шакалы сопровождали стада. Бродили хозяевами пещерные медведи. Среди хищников тех времён были в Евразии и дикие предки современных лаек. От этих предков у лаек остался целый ряд признаков, общий для всех собак этой группы пород.

...Когда началось потепление и ледяной покров отступил, вслед за ним переселилась и арктическая растительность. За привычной растительной пищей двинулись к северу животные, а за ними и люди, охотившиеся на этих животных. Эти миграции, длившиеся тысячи лет, подсказали людям мысль, что северных собак можно использовать не только для мяса и тёплой шкуры, но и ездить на них, впрягая в самую примитивную упряжь. Дело в том, что ступни лаек имеют между пальцами густое опушение с жёсткой шерстью, которое предохраняет лапы от мороза и помогает собакам не скользить на льду и не проваливаться в снег, действуя как кольца лыжных палок. Собаки были способны везти человека по льдам и снегам Арктики. Без них люди были бы обречены на смерть».

Родиной эскимосских лаек «считаются берега Баффинова залива в Америке. Оттуда эта мощная, сильная, выносливая и неразборчивая в пище собака, вслед за племенами эскимосов, распространилась в соседние полярные страны. Этим собак с полным правом можно назвать арктическими: они обитают там, где могут жить лишь белые медведи, моржи да тюлени. Сплошные льды, 50-градусные морозы и полярная ночь – условия их существования в Арктике»²⁴.

Для северных народов приручение собаки, как видим, стало событием поистине судьбоносным, и это не могло не отразиться в их устном народном творчестве. Согласно вышеупомянутой легенде о брате, искавшем свою сестру, именно этот безымянный эскимосский юноша подарил соплеменникам незаменимого друга и помощника – гренландскую ездовую лайку.

Родился он в простой охотничьей семье, в которой кроме него росли ещё две девочки. Мальчишка подрос и стал настоящим охотником – кормильцем всей семьи.

²³ Ринк... С. 166–167.

²⁴ Корабельников... С. 131, 136.

Однажды зимой случилась беда: пропала старшая сестра, с которой он по льду ушёл охотиться на дальние острова. Брат обшарил все окрестности, долго и громко её звал, но она так и не появилась. Наконец он заметил следы чьих-то саней и оленьих копыт, однако наступил вечер, быстро темнело, и ему пришлось одному возвращаться домой. С тех пор юноша ушёл в себя, стал молчаливым и задумчивым.

Прошло немного времени, и он попросил отца смастерить ему сани. Отец выполнил его просьбу. На следующий день юный охотник взял крепкие ремни и ушёл из дому. А вечером возле дома послышался какой-то шум. Любопытная младшая сестрёнка вышла на улицу и сразу же вбежала в дом. «Ой, мой братец привёл какое-то страшное чудовище!» – взволнованно сообщила она родителям. Оказалось, брат поймал медвежонка, чтобы запрячь его в сани. Отец сделал крепкую упряжь, и юноша несколько дней настойчиво приучал медвежонка таскать сани. Закончив обучение, он стал брать зверя с собой в поездки.

И вот одним ранним утром охотник взял очень прочные ремни и опять ушёл в тундру. Поздно вечером возле жилища послышался сильный шум. Сестрёнка выглянула из дому, затем подбежала к родителям и испуганно воскликнула: «Мой братец привёл домой ещё более страшное чудовище, чем в прошлый раз!» Когда охотник вошёл в дом, он сообщил, что на этот раз он в пару медведю поймал детёныша амарока.

Обучение зверей шло трудно: медведь и амарок часто дрались, и юному дрессировщику то и дело приходилось пускать в ход плеть, чтобы их разнять. Прошло немало дней, прежде чем удалось приучить эту пару дружно тащить сани.

И вот как-то вечером возле дома опять раздался страшный шум. Сестрёнка даже побоялась выглянуть и узнать, что же там происходит. А это сцепились три зверя: медведь, амарок и агшик. Редкого и опасного агшика охотнику посчастливилось отловить только после многих дней неустанных поисков.

С большим трудом удалось усмирить и обучить пойманных зверей. А когда обучение закончилось, юноша попросил отца сделать новые сани. И отец смастерил ему прочные сани из твёрдого дерева со множеством сучков и свилей.

Охотник запряг разношёрстную тройку и начал обкатку упряжки. Поездки были дальними и продолжительными. Вскоре выяснилось, что медведь быстро устаёт, и его приходилось часто брать в сани. А вот агшик оказался зверем неутомимым и тащил, что называется, за двоих. Но отличался скверным нравом: часто раздражался и впадал в ярость, поэтому был опасен для окружающих. В итоге, лучшим ездовым животным был признан амарок. Он-то и стал мифическим родоначальником славного племени северных собак, которые в любую погоду без усталости перевозят людей и грузы на бескрайних просторах Арктики.

А потерявшуюся сестру брат всё-таки нашёл. Она жила с мужем-похитителем в сказочной стране Акилинек. Туда упрямый охотник добрался на санях, в которые была впряжена его чудесная тройка: медведь, агшик и патриарх ездовых собак – амарок.

* * *

Собака – друг человека.

Пёс космат – ему тепло; мужик богат – ему добро.

Волк и в овечьей шкуре не укроется.

Не попало в рот – ин пёс найдёт.

Анубис

В египетской мифологии повелитель царства мёртвых, бог умерших. Согласно «Текстам пирамид», он считал их сердца. Эпитеты: «Хентиamenti» – «первый в стране Запада» (царства мёртвых), «Стоящий впереди богов», «Владыка Ра-Сетау», «Имиут».

Центр культа – г. Каса (греч. Кинополис) XVII Верхнеегипетского нома.

С конца III тыс. до н. э. Анубис уступает трон верховного бога мёртвых Осирису; при этом остаётся в его окружении покровителем умерших и некрополей, а также богом бальзамирования и мумификации. Его эпитет «Имиут» связан с бальзамированием. Анубис участвовал в поиске тела Осириса, был его бальзамировщиком. Возлагая руки на мумию, Анубис магически оживлял её, превращая в одну из сущностей человека Ах («просветлённый, блаженный»). В загробном мире (Дуате) на суде над умершими он взвешивал их сердца, определяя, кем умершие являлись: праведниками или грешниками. Анубис – брат бога Баты.

Древнеегипетская форма имени: Инпу, Анпу.

Ипостаси: мужчина с головой шакала (собаки) или лежащий чёрный шакал.

Отождествления: волк *Унут*, собака *Исдес*, древнегреческий бог Гермес.

Вся долгая и многотрудная жизнь Анубиса прошла на берегах Нила.

Эта река с высоты поднебесья подобна брошенному на песок цветку: русло – длинный стебель, а дельта – лепестки лотоса или султан цветущего папируса. Лотос с незапамятных времён был символом Верхнего Египта, а папирус – Нижнего, и оба цветка венчали корону Хапи – божества великой реки, которую древние египтяне так и называли: Хапи («река»).

Хапи берёт начало в африканских тропиках, в районе Великих озёр, и несёт свои воды в Средиземное море. По протяжённости (6671 км) это вторая река мира, которая лишь чуть-чуть уступает североамериканской Миссисипи.

Долина Нила зажата в тисках высоких скал, за которыми простирается безбрежное море раскалённого песка. В пределах Египта её протяжённость составляет примерно тысячу километров. Здесь почти никогда не бывает облаков. В сухом прозрачном воздухе отчётливо виден далёкий горизонт. И лишь внезапно налетающий из пустыни обжигающий хамсин всё скрывает за пеленой поднятого им песка. Это Верхний, или Южный, Египет.

А вот Египет Нижний, или Северный, – это дельта, образованная многочисленными рукавами, на которые разветвляется река перед впадением в Зелёные воды – так древние египтяне называли Средиземное море. Здесь много озёр и болот. Вся приморская низина в те далёкие времена была покрыта густыми зарослями папируса и тростника, в которых водилось множество диких животных. В отличие от долины, воздух в дельте насыщен влагой, и тут нередко идут дожди.

Люди, испокон веков населявшие берега реки, называли эти края Та-Кемет – «чёрная земля». Такое название стране дал слой плодородного чёрного ила, который оседает на почву во время ежегодных разливов. Этот бесценный дар Нила является основой жизни и могущества Египта. А за пределами Чёрной земли лежит враждебная человеку раскалённая рыжая пустыня – Красная земля.

Древний Египет – ветеран мировой цивилизации. Он возник в конце IV тысячелетия до нашей эры. За свою более чем трёхтысячелетнюю историю страна фараонов пережила многочисленные взлёты и падения – она возвышалась несокрушимым бастионом самодержавия и распадалась на осколки слабых миницарств, она поражала своей экономической и культурной мощью и прозябала в запустении, она покоряла многочисленных соседей и сама не раз стонала

под игом иноземных завоевателей. За её долгую историю на египетском троне успели побывать и чужеземцы: гиксосы, народы моря, ливийцы, нубийцы, персы. Правда, их владычество не было долговечным: свободолюбивые египтяне в конце концов изгоняли пришельцев-поработителей, и на трон правителя Египта вновь садился живой бог на земле – фараон. Однако Александр Великий в 332 г. до н. э. навсегда покончил с независимостью Египта, и страна на 300 лет ушла под власть греческой династии Птолемеев. В 30 г. до н. э. Египет стал провинцией Римской империи. Через 425 лет римлян сменили византийцы. А в 640 г. н. э. остатки некогда великого государства были растоптаны копытами арабской конницы.

Своеобразна и самобытна древнеегипетская культура. Она отличается рядом ярких особенностей. Одна из них – истовое солнцепоклонничество, не знающее себе равных во всём Старом Свете.

У жителей Та-Кемет каждый день начинался с маленького праздника: на востоке являл свой сияющий лик великий и древний бог Солнца Ра, создатель мира, богов и людей. Совершая ежесуточное плавание над и под Египтом, всемогущий Ра и его свита днём и ночью сражались с мировыми силами зла, которые жаждали поглотить Солнце и лишить людей света, тепла и самой жизни.

Утром, омыв своё чело в прозрачных водах священного озера, раскинувшегося среди гор на далёком востоке, Ра садился в дневную ладью Манджет, и плавание по Небесному Нилу начиналось. Вместе с ним на борту Ладьи Вечности находилась его верная команда. Восседавшего на золотом троне Верховного владыку окружали преданные соратники: писец и посыльный бог мудрости Тот, непобедимый бог-воин Хор Бехдетский, боги Шу, Онурис и другие. Богини Хатхор и Маат, стоявшие на носу ладьи, зорко следили за мировым порядком и неукоснительным соблюдением законов. Вёсла находились в крепких руках божеств Ху, Хека, Сиа и Сехема. На челе бога Ра красовалось волшебное Око Уаджет – вздыбленная голова змеи-урей, чей огненный взгляд готов был испепелить любого врага.

А врагов у солнечной команды было много, и самый грозный среди них – огромный змей Апоп, заклятый враг Солнца, пытавшийся его проглотить. Внезапно появляясь из бездонных вод Небесного Нила, он ежедневно нападал на Священную Ладью. Однако храбрая команда Ра в жаркой схватке отбивала его атаку, и израненный Апоп скрывался в глубинах речных вод. Залечив полученные раны, он повторял свою атаку – но уже ночью в Дуате, в водах Подземного Нила. Иногда мерзкому змею всё же удавалось проглотить Солнце, и тогда на земле наступало солнечное затмение. Но недолгим было торжество тьмы. После минутного замешательства боги произносили магические заклинания и в жаркой схватке одолевали ненасытное чудовище – и освобождённое Солнце вновь сияло на безоблачном небе Египта.

Вечером, преодолев свой дневной путь по небу, ладья Манджет подплывала к Западным горам. Здесь, у врат Дуата, под торжественное пение богов Ра пересаживался в ночную ладью Мескетет, и начиналось ночное плавание. Оно было намного опаснее дневного, и команде Ра приходилось пополнять свои ряды храбрыми бойцами, сторожившими вход в Дуат. На борт Священной Ладьи поднимались вооружённый луком и булавой бог-волк *Упуат* со своей воинственной супругой Нейт и змееголовый бог Нехебкау, а вокруг божественного трона обвивался гигантский змей Мехен.

Подземный Нил, струивший в Дуате свои воды с запада на восток, был разделён железными вратами на двенадцать участков. Врата охраняли свирепые страшилища. Заставить их распахнуть створки ворот можно было только с помощью волшебных заклинаний, которые знал бог магии и волшебства Хека. Но не железные барьеры были главной преградой на опасном пути. За каждым изгибом реки, за каждой прибрежной скалой таились свирепые чудовища: змеи-исполины Амихемф, Ререк, Сексек и Хаи, огромные ядовитые кобры, саблезубые огнедышащие крокодилы, кровожадный долгоносик Апшаит, ядовитая многоножка Сеп

и другие исчадия ада. И со всей этой ордой монстров приходилось сражаться бесстрашным воинам Ра. Сражаться и побеждать.

Однако главная битва, битва не на жизнь, а на смерть, разгоралась в конце ночи, когда перед Священной Ладьёй с леденящим душу рёвом из пучины выныривал сам змей Апоп. Дрожали прибрежные скалы, кипела нильская вода! В проклятого гада летели тучи стрел и дротиков. Око Уаджет испускало в него смертоносные лучи. И враг, не выдержав такого натиска, трусливо отступал. Не сумев одержать победу в открытом бою, змей прибежал к коварному приёму: он выпивал всю речную воду, и ладья Мескетет ложилась на обнажившееся дно Подземного Нила. Путь к восточному горизонту прерывался. А ведь до восхода оставалось менее двух часов! Тогда бог Хека произносил магические заклинания, и команда Ра, собрав все силы, самоотверженно бросалась на раздувшегося от нильской воды Апопа. Вонзившиеся в него копья и мечи принуждали змея изрыгнуть проглоченную воду, и он, выпустив из чрева воды Нила, уползал в прибрежное болото. Там Апоп зализывал раны и готовился к очередной, уже дневной, схватке.

А ликующие боги-победители славили своего предводителя:

Силён Ра – слабы враги!
Высок Ра – низки враги!
Жив Ра – мертвы враги!
Сыт Ра – голодны враги!
Напоён Ра – жаждут враги!
Вознёсся Ра – пали враги!
Есть Ра – нет тебя, Апоп!

Затем Ра со своей победоносной командой продолжал прерванный путь. Двенадцатый²⁵ час ночи ладья Мескетет проплывала в утробе безымянного гигантского змея, преодолевая последний отрезок подземного пути. Выйдя из его открытой пасти в одну из пещер Восточных гор, Ладья Вечности через распахнутые Двери Горизонта попадала на берег священного озера. Умывшись в его водах, бог Ра переходил на дневную ладью Манджет и отправлялся в очередное путешествие по Небесному Нилу. Над страной Та-Кемет вставало солнце.

И только оно успевало позолотить верхушки угрюмых скал на берегу Нила, как во дворе главного храма города Каса появлялась вереница наголо бритых мужчин в белоснежных одеяниях. Это были жрецы храма. Впереди шествовал главный жрец, а за ним, распевая гимны, шли остальные. В руках они несли цветы, сосуды и аккуратно сложенные льняные ткани. Кувшины были наполнены чистой водой и свежим молоком, а на медных позолоченных блюдах лежали фрукты, а также печень, сердце и рёбрышки только что принесённого в жертву чёрного ягнёнка. Торжественная процессия приближалась к святой святых храма – святилищу, в котором пребывал сам бог. Главный жрец, оmyв руки и прочитав заклинание, взламывал печати и медленно отворял дверь. Переступив порог, он падал ниц и благоговейно замирал. Его спутники опускались на колени перед святилищем – входить в него им было строжайше запрещено. К распростёртому жрецу, нетерпеливо повизгивая и помахивая хвостом, подбегал бог и лизал его в бритую макушку. То был добрый знак: значит, бог здоров и пребывает в хорошем расположении духа. Повеселевший жрец вставал с колен и приступал к ежеутреннему ритуалу омовения и кормления Анубиса, который весело прыгал рядом...

В отличие от других народов, упрямые египтяне никак не хотели расставаться со своими родоплеменными тотемами – священными животными, и их формировавшийся долгие столетия пантеон был густо заселён всевозможными зверобогам. Быки, львы, кошки, кроко-

²⁵ Ночь у древних египтян делилась на двенадцать одинаковых отрезков времени.

дилы, грифы-стервятники, мангусты, скорпионы – кого только не обожествляли жители Чёрной земли, удивляя своих близких и далёких соседей! «Кто не знает, – писал римский поэт-сатирик Ювенал, – каким чудовищам поклоняется этот помешавшийся Египет! Кто-то почитает крокодила, другому внушает благоговение ибис или змея... Целые города поклоняются кошкам, рыбам в реке, собакам...» А также шакалам и волкам, добавим мы, но уже без всякого сарказма. Потому что именно этим представителям семейства псовых подданные фараона доверили самую главную сферу своего бытия – загробную жизнь. Забота об умершем, точнее, о себе, любимом, после собственной смерти, занимала неоправданно большое место в их жизни, отвлекала огромные материальные и духовные ресурсы. Создаётся впечатление, что египтяне жили лишь для того, чтобы умереть, и всю свою жизнь старательно к этому готовились. Такой маниакальный интерес к посмертному существованию, наряду с культом солнца и животных, – ещё одна удивительная особенность древнеегипетской цивилизации.

Неуёмное желание египтян продлить свою жизнь за порогом смерти привело к созданию самого сложного на земле посмертного ритуала. Он должен был обеспечить сохранность тела усопшего в этом мире и помочь его душе преодолеть все превратности посмертного путешествия в мир загробный, чтобы там примкнуть к сонму богов. Для этого египтяне разработали сложную технологию бальзамирования трупов и стали возводить внушительные гробницы-пирамиды, в которых эти трупы хранились. Одна из таких пирамид, пирамида Хеопса (Хуфу по-египетски), до сих пор поражает воображение. Она и в наши дни является самым высоким в мире каменным сооружением – её высота равна 146,6 метра! Пирамиды – единственное из семи чудес света, сохранившееся до наших дней. Они – самое внушительное и наглядное свидетельство того, каким важным для древних египтян был вопрос их посмертной участи.

Но вот мёртвое тело египтянина, побывав в руках бальзамировщика, стало мумией и с соблюдением всех принятых канонов спрятано в надёжной гробнице. А его душа с помощью провожатого и многочисленных шпаргалок из «Книги мёртвых» добралась до суда Осириса и с радостью выслушала там оправдательный приговор. Получив статус праведной, или оправданной, душа обычно селилась на полях древнеегипетского рая – Полях Пару (Иалу) или присоединялась к команде бога-солнца Ра, совершавшего ежедневные кругосветные путешествия. Казалось бы, цель земной и загробной жизни достигнута: ты – в раю! После многочисленных посмертных мытарств можно расслабиться и зажить в своё удовольствие! И вот тут-то умерший египтянин демонстрирует ещё одну поразительную особенность своей культуры: он ничтоже сумняшеся заявляет, что полученный им статус праведника – это, конечно, хорошо, но он достоин и большего и не отказался бы, например, от высокого звания бога. Желательно верховного. Скажем, Амона-Ра или Птаха. На худой конец, какого-нибудь Хора Бехдетского. А в некоторых, правда, редких, случаях новопреставленная древнеегипетская душа, войдя в раж, пыталась даже верховодить всеми богами, невзирая на их чины и заслуги! Для этого надо было всего-навсего выразительно прочесть нужные заклинания из «Книги мёртвых» – настольного справочника умерших... Одним словом, у фараоновых покойников губа была не дура – пушкинская старуха из сказки о золотой рыбке нервно курит в сторонке.

И вот с таким беспокойным контингентом приходилось работать Анубису, богу-покровителю мёртвых.

Настоящее его имя Инпу или Анпу. Как на самом деле произносили это слово жители Та-Кемет, мы не знаем – их живая речь навсегда затихла более десяти веков назад. Анубисом его прозвали греки, переиначив исконное древнеегипетское имя на свой лад. У греков для подобного «улучшения» неудобопроизносимых древнеегипетских слов времени было предостаточно: их династия Птолемеев, как мы помним, правила страной фараонов целых триста лет. Эпизодически этим занимались и более ранние греки, которые путешествовали по этой далёкой и загадочной стране или бывали там по торговым делам. Под грецизированным име-

нем «Анубис» шакалоголовый бог вошёл в мировую культуру; этим именем будем пользоваться и мы.

Место рождения Анубиса – город Каса, столица XVII нома Верхнего Египта. (Ном – основная административно-территориальная единица, область этого древнего государства.) Греки, особо не вникая в тонкости чужого культа, назвали этот город Кинополисом (Собакоградом), хотя точнее было бы его назвать Шакалоградом. Кинополис располагался на левом берегу основного русла реки, примерно на середине водного пути, протянувшегося от первого порога до Средиземного моря.

Время рождения Анубиса, как это часто бывает у древних божеств, можно указать только приблизительно: IV тысячелетие до нашей эры.

А теперь обратимся к портрету нашего героя.

Во многих музеях мира, и в первую очередь – Египетском, хранятся многочисленные предметы древнеегипетского искусства: цветные рисунки на папирусе и дереве, барельефы на камне, небольшие скульптуры из камня и бронзы, ювелирные изделия. Руины величественных святилищ хранят колоссальные изваяния небесных и земных владык. Потолки и стены храмов и гробниц, крышки и стенки саркофагов расписаны красочными изображениями сцен земной и загробной жизни.

И в этом калейдоскопе иероглифов, богов, людей и животных особое внимание привлекает необычное существо: стройный широкоплечий мужчина с головой... А вот с головой у учёных-египтологов проблема: они никак не решат, чья она. То, что эта голова принадлежит кому-то из псовых, – бесспорно. Но кому именно? Прямых указаний на этот счёт, насколько известно автору этих строк, в древнеегипетских текстах не обнаружено. Свидетельства любопытных греков разнятся: одни видели в Анубисе шакала, другие – собаку, а некоторые – даже волка. Известны также погребальные фигурки, чьи головы очень напоминают лисьи. Римляне, завоевав Египет и переняв у них культ Исиды, признали Анубиса священной собакой. Раскопки некрополя в Ликополисе (Волкограде) показали, что среди многочисленных мумий шакалов попадаются и мумии собак.

В советской академической энциклопедии «Мифы народов мира» про Анубиса написано, что он «почитался в образе лежащего шакала чёрного цвета или дикой собаки Саб (или в виде человека с головой шакала или собаки). Анубис-Саб считался судьёй богов (по-египетски «саб» – «судья» писался со знаком шакала)»²⁶.

По поводу последнего утверждения необходимо заметить следующее: все попытки автора настоящей книги найти в литературе подтверждение того, что Анубис когда-нибудь где-нибудь судил богов, оказались безуспешными. Возможно, это оговорка автора энциклопедической статьи Р. И. Рубинштейна или опечатка, и тогда второе предложение приведённой цитаты следует читать так: «Анубис-Саб считался судьёй **среди** богов» и далее по тексту. Иными словами, Анубис был первым богом-судьёй, судившим в загробном царстве умерших людей за их земные поступки. Но в приведённой цитате для нас более интересным является признание равнозначности шакальей и собачьей природы Анубиса.

Такая разноголосица мнений заставляет внимательнее всмотреться в многочисленные изображения Анубиса. Так кто же он: шакал? собака? волк?

В настоящее время в Африке обитают четыре вида шакалов: обыкновенный, полосатый, чепрачный и эфиопский. У обыкновенного шакала внешность явно не «божественная»: короткая, широкая морда и небольшие уши. Из оставшейся троицы самым «анубисным» является эфиопский шакал, находящийся ныне на грани вымирания. По шакальим меркам, это довольно крупный зверь на высоких и стройных ногах, с острой вытянутой мордой. На голове у него торчат длинные остроконечные уши, а тыл украшает в меру пушистый хвост. И если этого

²⁶ МНМ. Т. I... С. 89.

шакала перекрасить в чёрный цвет – он будет достойным кандидатом в анубисы. А вот волк, который сейчас в Египте не водится, на звание такого кандидата явно не тянет. Как говорится, рылом не вышел. Как и местные лисы.

На этом шакальем выборе можно было бы и остановиться. Однако есть одно удивительное «но»...

Среди существующих ныне собачьих пород самыми древними на земле считаются две: фараоновы собаки и ивисские собаки. Обе они – ровесники древнеегипетской цивилизации. Пять тысячелетий назад с ними уже охотились первые фараоны и вельможи, о чём свидетельствуют многочисленные охотничьи сцены, запечатлённые на папирусе и камне. О том, насколько высоко уже в те далёкие времена ценились эти псы, говорит такой факт. В 1935 г. американская археологическая экспедиция проводила раскопки некрополя близ пирамиды Хеопса. В одном из захоронений учёные нашли табличку с надписью, которая гласила, что здесь со всеми почестями предана земле любимая собака владыки Верхнего и Нижнего Египта по кличке Абутью. Судя по всему, для фараона эта утрата была поистине горька, так как он не остановился ни перед какими затратами, чтобы достойно похоронить своего хвостатого друга.

Кроме высоких охотничьих и сторожевых качеств, этих собак отличает ещё одна особенность: они обладают изумительным экстерьером. Это высокие, стройные, с грациозной осанкой короткошёрстные псы песочно-коричневого окраса. Их головы будто списаны с портретов Анубиса: такие же сухие, точёные, длинные морды с выдающимися мочками носов, такие же большие стоячие уши. И без всякого преувеличения можно сказать: лежащая ивисская собака является живым воплощением статуэтки Анубиса, которая хранится в московском Пушкинском музее и по праву считается подлинным шедевром древнеегипетского искусства. Правда, кроме окраса, этих собак от Анубиса отличает ещё одна деталь: довольно тонкий хвост.

Впрочем, совсем не исключено, что древнему ваятелю «позировала» самая обычная бродячая чёрная собака с пушистым хвостом, бесчисленные стаи которых и сейчас рыщут в окрестностях египетских селений в поисках чего-нибудь съедобного.

Как бы там ни было, можно с уверенностью сказать: древнеегипетский художник легко мог найти живой прототип Анубиса. И, в конце концов, не так уж и важно, кто это был: шакал, фараонова собака или пёс с ближайшей помойки, – главное, это был представитель славного семейства псовых. А автор и далее будет придерживаться преимущественно «шакальей» версии, помня о её условности.

Изначально египтяне, как известно, поклонялись богам в образе животных. Это мог быть как живой зверь, отобранный по особым признакам, так и его изображение. И в том, и в другом случае жрецы своего бога кормили, поили, наряжали, пели ему гимны, просили у него помощи и защиты. Если же бог, по их мнению, не оправдывал людских надежд и плохо справлялся со своими обязанностями, его наказывали и даже могли убить. Убитого бога со всеми почестями хоронили, а затем искали ему замену. Собственно, убивали не самого бога, а то животное или его изображение, в котором, как считали жрецы, бог пребывал.

Шли века. Люди полнее и глубже познавали окружающий мир, расширяли свой духовный и культурный кругозор. Вместе с ними «умнели» и их боги, чьи обязанности постоянно усложнялись. Вскоре стало ясно, что справиться с новым кругом задач с помощью лап, копыт и рогов богам уже не под силу – для этого нужны человеческие руки. Тогда-то и появляются изображения богов в облике звероловцев: человеческое тело позволяло им выполнять любое физическое действие, а оставшаяся голова священного животного, наряду с другими атрибутами, служила им своеобразным удостоверением личности. Однако появление нового облика не отменило старого, чисто звериного. Поэтому и канонический образ Анубиса воплощался в двух ипостасях: существа с мужским туловищем и головой шакала и лежащего в позе сфинкса чёрного шакала. «Правда, эллины объясняли звероподобный облик египетских богов совсем по-другому: они считали, что бушевавший некогда по всему миру огнедышащий великан Тифон так

напугал всех богов, что они превратились в разных зверей, пытаясь спастись от своего грозного противника. Но когда Зевс одолел Тифона и похоронил его в глубине земли под вулканом Этна, эллинские боги вновь приняли человеческий вид, – а вот боги Египта превратились в людей только наполовину, сохранив головы львов, шакалов, орлов и обезьян»²⁷.

Но вернёмся к портрету Анубиса. Шакалобог одет по моде того времени: на нём простая набедренная повязка шендит, на голове – полосатый платок клафт или парик. Два конца того или другого ниспадают спереди на плечи, а третий спускается сзади ниже лопаток. Украшением служат богатое ожерелье, прикрывающее грудь, и браслеты на запястьях, плечах и лодыжках. В руках Анубис держит знак жизни анкх и, реже, скипетр в виде посоха или кнута. А вот наряд его второй ипостаси – лежащего шакала – намного скромнее. Это ошейник (иногда золотой) и (или) изящно повязанная на шее лента. Она, возможно, является символом тех лямок, с помощью которых Анубис и его друзья-шакалы тащили когда-то священную ладью бога Ра по мёртвым водам подземного Нила²⁸. (Ладья не могла плыть под парусом, так как в Дуате не было воздуха и, соответственно, ветра. Поэтому неутомимому Анубису и его команде приходилось становиться бурлаками на Ниле и помогать гребцам.) Завершая описание внешнего вида Анубиса, добавим, что внутреннюю поверхность ушей, брови и контур глаз изображения шакала часто покрывали золотом.

А теперь ещё раз внимательно посмотрим на Анубиса: гордая осанка, изысканные линии, отрешённый взгляд, благородное сочетание чёрного с золотом – во всём его облике есть что-то притягательно-мистическое, таинственное и волнующее...²⁹

Однако Анубис выделялся не только внешностью. Несмотря на то, что его часто изображали шакалом-лежебокой, он был очень активным и трудолюбивым богом. Об энергии Анубиса красноречиво свидетельствуют сцены заупокойных фресок: вот он заботливо склонился над мумией умершего; вот, широко шагая, ведёт его душу в загробное царство; там, в Великом Чертоге Двух Истин, присев на корточки, взвешивает его сердце; не забывает при этом побывать и на ладье бога Ра... Словом, наш пострел везде поспел.

Кто же были родители этого неутомимого бога с пёсьей головой?

История и тут не даёт однозначного ответа, предлагая на выбор несколько вариантов.

Самым спорным является тот, который утверждает, что Анубиса родила богиня-кошка Баст. Вы можете себе такое представить: у пса Анубиса мама – кошка?.. Даже робкое предположение подобного курьёза способно вызвать лишь негодующий лай и презрительное шипение!

Маловероятно также, что отцом Анубиса был всемогущий Ра, – фактов, подтверждающих отцовство солнечного бога, явно недостаточно.

Пожалуй, наиболее убедительным представляется такой вариант: Анубиса родила от своего брата Осириса Нефтида. Она была законной женой *Сета* и родной сестрой Исида, жены Осириса. (Чтобы прояснить кровнородственные связи богов, напомним, что, по гелиопольской версии, Нефтида, Осирис, Сет и Исида были детьми бога земли Геба и богини неба Нут. Осирис взял в жёны Исиду, а его младший брат Сет женился на Нефтиде.)

Говорят, Нефтида, боясь гнева ревнивого мужа, оставила родившегося малютку в тростниковых зарослях дельты. Там его с помощью собак случайно нашла Исида. Заметим, что ребёнок был зачат в любви, которую несчастная Нефтида давно и безнадежно питала к Осирису. А он, кстати сказать, и не подозревал, что изменил любимой жене. Потому что измученная неразделённой любовью Нефтида однажды решилась на отчаянный шаг: оказавшись наедине с Осирисом, она приняла облик Исида и разделила с ним ложе. Однако если супружескую

²⁷ Овчинникова... С. 23.

²⁸ Интерпретация автора.

²⁹ Апулей упоминает о двух ликах Анубиса: один чёрный, как ночь, другой золотой, как день.

измену Нефтиды ещё можно как-то понять (её рыжий муж был существом злобным, завистливым и коварным), то брошенный ребёнок – несмываемое пятно на её совести.

Впрочем, дело было, скорее всего, не совсем так. Есть свидетельства того, что, родив Анубиса, Нефтида убедила своего благоверного в том, что именно он является отцом ребёнка. Помогли ей в этом два обстоятельства: во-первых, бездетность их старшего брата Осириса, что в определённой степени снимало с него подозрения, и, во-вторых, псовые черты в облике самого Сета. Некоторые учёные считают, что прототипом его зооморфных изображений послужила давно вымершая порода борзых. Эта принадлежность Сета и его мнимого сына к семейству псовых, в конце концов, и усыпила обычную подозрительность рыжего бога. Между тем, если слегка напрячь воображение, то в облике Сета, кроме собачьих черт, можно разглядеть и классические черты обманутого мужа: на некоторых архаичных рисунках у него на лбу явно просматриваются выросты, весьма похожие на рожки, а хвост на конце имеет странное раздвоение, напоминающее то ли змеиный язык, то ли опять-таки небольшие рожки... Одним словом, настоящий рогоносец – как спереди, так и сзади.

Как бы там ни было, вскоре из шустрого щенка вырос популярный во всём Египте бог. О том, что священный шакал был всеобщим любимцем, говорит, например, такой факт: египтяне для игры, напоминающей наши шашки, вырезали фигурки в виде Анубиса и весёлого бога Бэса.

О личной жизни шакалобога мы практически ничего не знаем. Известно лишь, что его женой была собакоголовая богиня *Интут*. Она, так же как и её муж, подвизалась на поприще покровительства умершим – таким растерянным и беспомощным в первые дни после смерти. В этом многотрудном и ответственном деле им помогала их единственная дочь, змееподобная богиня чистой и прохладной воды Кебхут, совершавшая возлияния умершим. У Анубиса был также родной младший брат по имени Бата, один из древнейших богов, почитавшийся в образе могучего быка. (О нелёгкой судьбе братьев можно прочесть в сказочном детективе Нового царства «Два брата».)

С незапамятных времён Анубис был безраздельным владыкой царства мёртвых – Дуата. Однако поначалу ему приходилось часто кочевать вместе со своими владениями по древнеегипетской вселенной. Это было вызвано тем, что смертельно озабоченные жители Та-Кемет никак не могли определиться с местоположением своего загробного мира и его устройством.

На заре цивилизации, когда трупы людей перед захоронением в землю расчленялись и (или) сжигались, их души обречены были бродить среди собственных могил, часто бессильно наблюдая, как эти могилы пытаются разрыть голодные дикие звери. Покойников хоронили, как правило, на западном берегу Нила, в безжизненных, угрюмых местах среди дюн и скал. Эти места всегда считались опасными для людей, особенно ночью, когда к сонмищу неприкаянных душ, питавших к живым зависть и злобу, присоединялись снующие среди могил стаи шакалов и других ночных охотников. Кроме того, живые боялись, что мёртвые нашьют на них беду: порчу, болезнь, неудачу, а то и смерть.

С возникновением культа Осириса, когда люди стали предпринимать попытки спасти от тления тела умерших, надеясь таким образом обеспечить им вечную загробную жизнь, потусторонний мир переместился на небо. Блаженным краем для умерших стали незаходящие околополярные звёзды, на которых селились (или в которых воплощались) их души. Бедняки, согласно их земному рангу, могли рассчитывать только на крохотные, еле видимые звёздочки. А фараоны, вельможи и люди знатные занимали самые крупные, самые заметные звёзды, располагаясь рядом с богами. Боги, переселившиеся к тому времени на небеса, облюбовали в качестве собственной обители созвездие Большой Медведицы, которое в те далёкие времена в Египте было ещё незаходящим и называлось Бедром Коровы, или Гиппопотамом (см.: *Псовые на небе*).

Попасть в небесный Дуат можно было разными путями. Например, прийти по Дороге мёртвых (Млечному Пути) в сопровождении собаки или приплыть в серебряной ладье Тота (на Месяце). Можно было также прилететь на крыльях ибиса, в которого преобразался всё тот же Тот, или в крайнем случае бесстрашно вскарабкаться на небо по длинной лестнице. Однако добираться до царства мёртвых, расположенного на такой головокружительной высоте, было совсем не просто и даже опасно. Поэтому позже египтяне перенесли его на восточный край неба, где каждое утро появляется солнце. Теперь Дуат пребывал не на звёздах, а на полях тростника (Полях Пару), которые располагались на восточном горизонте.

На этом, однако, египтяне не успокоились и в конце концов переместили Дуат вместе с полями тростника на запад, опустив его в глубь земли, туда, где, собственно, царство мёртвых и должно находиться – ведь именно в землю закапывают люди своих покойников.

Размещение загробного мира под землёй было последней крупной операцией египтян по обустройству своей вселенной. Произошло это в конце эпохи Древнего царства. С этого момента к прежним титулам Анубиса («Владыка Ра-Сетау», «Стоящий впереди богов») добавляется ещё один: «Хентиаменти» – «тот, кто впереди Запада», «первый из западных». И души умерших египтян теперь отправлялись не на небо, а на запад, туда, где находился подземный Дуат. Там бог мёртвых Анубис «считал их сердца», то есть оценивал добрые и злые земные дела каждого покойника и определял его окончательную судьбу в Дуате.

Шло время. И на исходе Древнего царства (примерно в конце III тысячелетия до н. э.) в египетском потустороннем мире случилось редкое в традиции престолонаследия событие: отец сменил на троне сына. Осирис, постоянно пребывавший в Дуате и игравший там роль «свадебного генерала» (в него переселялись души умерших фараонов), сменил Анубиса и стал владыкой царства мёртвых. Никакого объяснения этому факту в истории не сохранилось. Скорее всего, это была инициатива самого Анубиса, перегруженного заботами об усопших, поток которых с каждым годом всё нарастал. Известно только, что смена власти произошла бескровно, по обоюдному согласию. Ведь кроме родственных и профессиональных уз Осириса и Анубиса связывали также и тёплые личные отношения. Переплетение их судеб началось очень давно, примерно за тысячу лет до описываемых событий. В те далёкие мифические времена, когда только закладывались основы заупокойного культа древних египтян, фараоном Египта был сам Осирис. Царский трон и двойную корону пшент он унаследовал от своего отца, бога земли Геба.

Правление Осириса было Золотым веком Египта. Он заложил основы древнеегипетской цивилизации. Диких жителей Та-Кемет, не брезговавших даже людоедством, он научил земледелию, ремёслам, почитанию богов и дал им справедливые законы общежития. Призванный им бог мудрости Тот подарил египтянам язык, письменность, разные искусства, привил умение строить жилища и храмы, лечить людей, проводить необходимые измерения и вычисления, определять по солнцу и звёздам время. В стране наступили мир и благоденствие. Однако Осирис не ограничился родным Египтом. Его благотворное влияние испытали и соседние племена, которых он также приобщил к основам человеческой культуры.

И вдруг на двадцать восьмом году правления Осириса случилось непоправимое: его сгубил родной брат Сет. Бог войны, пустыни и засухи, коварный Сет давно завидовал успехам и славе старшего брата, давно мечтал отобрать у него корону и трон владыки Египта. Чтобы добиться желаемого, он замыслил и совершил гнусное злодеяние. В 17-й день месяца Хатор Сет на устроенном им пиру представил сказочной красоты сундук и объявил, что подарит его тому, кому он придётся впору. Сундук, намеренно изготовленный по мерке Осириса, стал его гробом. Как только ничего не подозревавший фараон с целью примерки в него улёгся, Сет и его приспешники быстро захлопнули крышку, забили её гвоздями, залили щели свинцом и бросили сундук вместе с несчастным пленником в Нил.

Так трагически пресёкся земной путь благодетеля-фараона.

Узнав о гибели мужа, обезумевшая от горя Исида остригла волосы, облачилась в траурные одежды и отправилась на его поиски. «Она бродила по свету и без устали искала его. Она летала над землёй, издавая крики горя, и не опустилась на землю, пока не отыскала его»³⁰. А отыскала она его на берегу далёкой Финикии, куда сундук прибило ветром и течением. Оплакав находку, богиня доставила сундук с телом супруга в родной Египет и спрятала его в густых тростниках дельты, чтобы на следующий день приступить к похоронному обряду. Но увы! Злоключения несчастной Исиды на этом не закончились. Промышлявший в тех местах ночной охотой Сет случайно наткнулся на сундук и, открыв крышку, увидел тело ненавистного Осириса. В ярости он принялся кромсать мечом мёртвую плоть брата и разбрасывать её по всему Египту. Исстрадавшейся Исиде опять пришлось отправляться в далёкий путь, чтобы разыскать останки мужа. В этом трудном и опасном деле ей помогал Анубис. Их усилиями были собраны все части разрубленного тела, все, кроме фаллоса. Его успели сожрать рыбы (египтяне грешат на осетров). Искусные руки богини вылепили недостающий орган из глины и с помощью магических заклинаний прирастили его к телу Осириса. Более того, Исиде удалось совершить то, что она не успела при жизни мужа: забеременеть от него и родить сына. Но это будет потом. А сейчас необходимо было уберечь плоть Осириса от тления. Этим сложным и ответственным делом занялся Анубис. Он с помощью заклинаний и целебных трав срастил сложенные куски, осушил восстановленное тело содой, смазал его бальзамами и маслами. И через семьдесят дней мумия Осириса – первая мумия в мире! – была готова. Исида и Нефтида оплакали убитого мужа и брата и тайно его похоронили.

Для Исиды, испытавшей страшное потрясение, родившийся сын стал солнечным лучиком, пробившимся сквозь чёрные тучи горя и страданий. Она в него вкладывала всю свою нерастрченную материнскую любовь, всю свою нежность. Малыш Гор был для неё не только утешением, но и надеждой: Исида свято верила, что возмужавший Гор отомстит за убитого отца и по праву законного наследника займёт трон фараона. А пока все её силы уходили на то, чтобы надёжно спрятать сына в тростниковой чаще от злобного Сета и его лазутчиков. И в этом богине помогали её верные защитники: шакал Анубис, волк *Упуат*, чёрный пёс *Исдес*, а также божества из свиты Осириса: собакоголовый Имахуэманх, вооружённый двумя огромными ножами, и Джесертеп. Нефтида, покинувшая своего кровожадного супруга, тоже ни на шаг не отходила от малыша. А Сет и его приспешники, распугивая птиц и зверей, днём и ночью прочёсывали густые заросли, чтобы захватить Исиду с младенцем и мумию Осириса. И в дельте между сторонниками двух братьев-богов часто вспыхивали стычки, нередко перераставшие в настоящие сражения (см.: *Исдес*). Вот один из примеров.

Однажды Джесертеп заметил одного из приближённых Сета, демона Делиба, который по заданию своего главаря рыскал в поисках мумии Осириса. Почувствовав за собой слежку, Делиб бросился наутёк. Джесертеп кликнул находившихся поблизости Анубиса, Имахуэманха и Упуата, и отважная четвёрка ринулась в погоню. Затрещал тростник, взметнулись фонтаны брызг, взлетели из-под ног испуганные птицы! И как ни петлял вспотевший от страха Делиб, преследователи его догнали. Подбежавший первым Имахуэманх острым ножом срубил ему голову, и сражённый демон, оборвав свой предсмертный вопль, рухнул на смятый тростник и залил его кровью.

Однако на этом схватка не закончилась. Сет, узнав о гибели Делиба, решил выкрасть труп своего приспешника и захоронить его. Приняв облик Анубиса, коварный Сет беспрепятственно пробрался к останкам Делиба, собрал их в мешок и попытался незаметно скрыться. Но не тут-то было! Бдительный Анубис его выследил и настиг – завязался жаркий поединок. Однако силы были не равны. В отличие от Анубиса, Сет был профессиональным воином – недаром Ра ставил его во главе своей дружины, которая в Дуате билась с бесчисленными чудо-

³⁰ Текст Парижской стелы. Цит. по: Бадж У Древний Египет: духи, идолы, боги. М., 2009.

вищами. В тех битвах Сет побеждал самого Апопа! И туго бы пришлось шакалобогу, если бы ему на помощь не поспешил Тот. Бог мудрости и колдовства произнёс магические заклинания, и Сет был повержен! Анубис связал ему руки и ноги и по велению Ра отдал Осирису. Осирис использовал его в качестве живого трона. И пришлось посрамлённому Сету несколько лет служить опорой божественного сидалища.

«Красные дьяволы», узнав о позорной участи своего предводителя, кинулись ему на выручку. Однако им навстречу бесстрашно вышел Анубис и в одиночку изрубил вражеское войско! Кровь истреблённых приспешников Сета впиталась в землю Египта и превратилась в кроваво-красный минерал *шесаит*.

Древний папирус донёс до нас ещё один интересный рассказ о замечательном поступке Анубиса.

Однажды Сет похитил у солнечного бога Ра оба Ока Уаджет. (Учитывая преклонный возраст Владыки Всего Сущего, сделать это было нетрудно.) Злодей поместил похищенное в две шкатулки и спрятал их на высокой скале. А чтоб никто шкатулки не украл, Сет в облике огромного крокодила лёг рядом и стал их стеречь. Прознав о краже, Анубис по следу вышел на похитителя. Чтобы перехитрить грозного сторожа, Анубис превратился в крылатого змея и тёмной ночью неслышно забрался на скалу. Там он вскрыл шкатулки и забрал оба Ока. Затем незаметно ускользнул и в укромном месте зарыл спасённые реликвии в землю. И случилось чудо: оба Ока Уаджет проросли лозами белого и чёрного винограда! Так, благодаря храброму поступку Анубиса, на земле Та-Кемет появилась винная ягода.

Шли годы. Подрастал сын Осириса и Исиды. И вот наступил час, когда возмужавший Гор вступил в борьбу с Сетом. Эта тяжба была трудной, часто драматичной и длилась долгие восемьдесят лет. Эннеада, девятка старших богов во главе с Ра, долго не могла решить, кому же присудить двойную корону Египта. Гор и Сет сражались множество раз, нанося друг другу увечья. Чтобы доказать свою правоту, они состязались в беге, бились в облике бегемотов, плыли наперегонки на каменных ладьях... И всегда побеждал Гор!

Исида оказывала своему сыну посильную помощь. Однажды, когда Сет превратился в быка, богиня преобразилась в собаку с ножом на конце хвоста и смело ринулась на врага. Бык-Сет трусливо бежал.

Однако даже терпя поражение за поражением, проклятый узурпатор не хотел возвращать царский сан.

В конце концов боги всё же присудили победу Гору, и Сет вынужден был вернуть законному наследнику трон и корону фараона. Многолетняя вражда закончилась.

Но в самом её начале произошло весьма знаменательное событие. В одном из первых сражений Сету удалось вырвать у Гора, тогда ещё неопытного воина, глаз. Изрубив орган зрения на куски, Сет, по обыкновению, разбросал его по всему Египту. Однако благоволивший Гору Тот нашёл все фрагменты, собрал из них глаз, оживил его в виде Ока Уаджет и вернул Гору. Счастливый Гор отнёс спасённое Око отцу. Осирис проглотил его и воскрес! (И с тех пор в сердце каждого египтянина вспыхнул огонёк надежды на личное бессмертие. Для этого надо было повторить путь Осириса: после смерти сохранить тело, чтобы душа могла рассчитывать на жизнь вечную. С известным упрощением можно сказать, что Осирис своим воскресением победил смерть, и случилось это задолго до Иисуса Христа.) Воскресший великий бог благословил своего сына на праведную битву с Сетом и навсегда удалился в царство мёртвых...

Итак, победив Сета, Гор взошёл на престол и стал править Египтом. Его царствование длилось триста лет. За это время он восстановил в стране мир, спокойствие и порядок, поднял из руин разрушенные Сетом храмы и построил новые. Время его правления стало продолжением Золотого века Осириса. Гор был последним из богов, непосредственно правивших страной. После него трон правителя Та-Кемет занимали уже смертные, считавшие себя земным воплощением Гора. А Гор, оставив Египет на их попечение, занялся делами небесными

и загробными: его можно было встретить на Ладье Вечности в свите Ра или в Дуате, где он принимал деятельное участие в посмертной судьбе умерших.

Таким образом, в конце эпохи Древнего Царства египетский миропорядок обрёл законченные черты. Мир, окружавший египтянина, стал устойчивым и понятным.

... Каждое утро над землёй вставало солнце. Это бог Ра плыл в Ладье Вечности по Небесному Нилу на запад. Ночью, поразив многочисленных врагов, он возвращался по Подземному Нилу на восток, чтобы утром опять взойти над землёй. Далеко на западе, в Дуате, где катил свои воды Подземный Нил, на его многочисленных островах находились Поля Иару – блаженный край, где пребывали души умерших. Правил тем краем великий бог Осирис. А между небом и Дуатом располагался мир живых. В его центре лежала благословенная земля Та-Кемет. На этой земле в поте лица трудились земледельцы и ремесленники, в храмах и святилищах мудрые жрецы чтили богов, воины защищали страну от врагов. Повелевал всеми фараон – живое воплощение бога на земле. Он правил страной с помощью чиновников, свято исполнявших его волю. Ритм жизни всего Египта и каждого его жителя задавал великий Нил: разлив – посев – уборка урожая – подготовка к следующему разливу. И так из года в год, из века в век...

Но коротка человеческая жизнь. Кем бы человек ни родился – бедным издольщиком или богатым сановником, – смерть настигала всех. И ни горячие мольбы, обращенные к богам, ни груды золота, ни чудодейственное зелье – ничто не спасало от горького расставания с миром живых. И человек этот мир покидал. Однажды и навсегда.

... Плач и стелания слышны в доме царского писца Хеканахта. Он умер на рассвете, так и не увидев, как первые лучи солнца позолотили верхушки финиковых пальм. Годы и тяжкий недуг исторгли из его тела душу Ба³¹, похожую на сокола с головой умершего, и он отправился в Страну вечности «отдыхать от жизни». Путь туда был долгим и опасным. Одолеть его помогал шакалоголовый бог Анубис – защитник и помощник умерших, проводник в загробное царство. Там, в Великом Чертоге Двух Истин, Осирис вершил самый последний и самый главный суд в судьбе каждого человека – суд его земной жизни. Однако умерший мог рассчитывать на жизнь вечную только в том случае, если над ним исполнялись все обряды, с помощью которых когда-то был воскрешён сам Осирис. Поэтому каждый покойник уподоблялся владыке загробного мира и к его имени добавлялось слово «Осирис». (Египтяне придавали имени огромное значение. Они его считали одной из сущностей человека и твёрдо верили: узнавший имя человека или демона приобретает над ним власть.)

Когда первый взрыв горя утих, родственники отнесли покойника в «Добрый дом» к бальзамировщикам. Для Осириса а-Хеканахта началась новая жизнь – жизнь после смерти. И с этой минуты его добрым гением-покровителем стал Анубис. Он под именем Анубиса-Имиута («бальзамировщика») сразу же принялся за дело первостепенной важности: начал спасать тело от разложения. В этом ему помогали его семья, друзья и другие боги.

Дочь бога Ра, антилопорогая богиня чистой и прохладной воды Сатис, в четырёх сосудах омыла тело Осириса-Хеканахта водой Нила, и оно стало священным телом Сах. Его положили на стол, и Анубис, прочитав молитву, приступил к бальзамированию. Вначале Имиут с помощью расплющенной на конце медной спицы извлёк через ноздри мозг покойного. После этого кремнёвым ножом вскрыл ему живот и вытащил внутренности. Затем разрезал диафрагму и извлёк лёгкие. Сердце осталось нетронутым: оно, по верованиям древних египтян, являлось средоточием чувств, ума, памяти и совести человека и потому должно было оставаться в теле. Выпотрошенное тело писца Анубис-Имиут покрыл обильным слоем соды и оставил на семьдесят дней: именно столько времени ушло на изготовление мумии Осириса. За это время сода

³¹ По представлениям древних египтян, человек состоял из нескольких элементов: Ах («блаженный, просветлённый») – загробное состояние человека, его небесное воплощение (изображалось в виде хохлатого ибиса); Ба – душа (изображалась в виде птицы с головой человека); Ка – жизненная сила человека, его второе «я» (изображалась в виде человека, на голове которого располагались согнутые в локтях поднятые руки); Сах – священное тело, мумия. Были и другие элементы.

успевала вытянуть из мёртвого тела всю влагу, что обеспечивало ему в сухом климате Египта практически вечную сохранность. Извлечённые внутренности бальзамировщик тоже обильно пересыпал содой и поместил в четыре сосуда-канопы, чьи крышки были изготовлены в виде голов божеств-хранителей, детей Гора. Имсет, имевший человеческую голову, охранял печень, Хапи с головой шакала – лёгкие, павианоголовый Дуамутеф – желудок, а Кебексенуф, обладавший головой сокола, – кишки.

Последний, семидесятый, день бальзамирования был самым трудным и ответственным: соблюдая все каноны обряда, необходимо было высушенное тело Осириса-Хеканахта превратить в мумию. И ошибиться было нельзя: любая оплошность, малейшее небрежение могли разгневать душу-двойника умершего Ка, превратить её в злобного демона, который будет мстить живым родственникам покойного и их потомкам. Обычно Анубис с этой задачей справлялся с помощью супруги и друзей. Если же умершим был знатный сановник, а то и сам фараон, то задача мумифицирования усложнялась многократно, и для её успешного решения приходилось призывать на помощь других богов – покровителей умерших: богиню-целительницу Нейт, ибисоголового бога мудрости Тота, бога Абидосского некрополя – чёрного пса Хентиаментиу, Исиду, Нефтиду...

Для изготовления мумии требовалось много ткани. И бог ткачества Хедихати доставил несколько тюков белоснежного льняного полотна. Бог виноделия Шесему прислал сосуды с различными маслами и благовониями. Недалеко от мастерской помощники развели костёр и в медном котле расплавили битум.

Анубис кисточкой осторожно очистил тело писца от соды, нарумянил покойнику щёки, подкрасил губы, навёл сурьмой брови и надел ему парик. На опущенные веки наклеил искусственные глаза, изготовленные из белой эмали с накладными камешками-зрачками. После этого всё тело тщательно смазал бальзамными маслами. В брюшную полость положил четыре восковых фигурки детей Гора и набил её кусочками ткани, пропитанными благовониями. Разрез на животе тщательно заклеил акациевым клеем. На шею Осириса-Хеканахта он надел широкое, богато украшенное ожерелье, а также амулет в виде стебля папируса, изготовленный из полевого шпата. Амулет символизировал рост и развитие новой жизни, зелёные побеги воскресающей природы. На левую сторону груди шакалобог положил украшенного магической надписью лазуритового скарабея, защищавшего сердце от похитителей, а на живот – символ жизни анкх. Уложив амулеты, Анубис обернул тело писца первым слоем пелён и на груди умершего поместил ещё один важный амулет – изготовленное из цветной эмали и золота Око Уаджет, всемогущее Око Гора. Узкими полосками ткани был обернут каждый палец на руках и ногах; руки прибинтованы к туловищу, связаны ноги. Между слоями пелён укладывались всё новые и новые амулеты. Дважды поверхность мумии смазывалась горячим битумом. При остывании он придавал мумии жёсткость и препятствовал проникновению воздуха к плоти...

Солнечная ладья Ра, преодолев половину Небесного Нила, заскользила к западному краю неба. С уставшего Анубиса в три ручья лил пот. Его сменил Упуат, затем Исдес. Но вот запасы ткани, подаренные богом Хедихати, истаяли, превратившись в многослойные пелены мумии. Отдохнувший Анубис-Имиут покрыл спелёнатого писца полотнищем, на котором искусной рукой художника был нарисован Осирис, и края полотнища зашил на спине. Мумия Осириса-Хеканахта была готова! Анубис омыл руки, напевно произнёс заклинание и в торжественной тишине возложил руки на мумию. С этого мгновения умерший обретал Ах – загробное воплощение – и становился блаженным! Затем мумию уложили в гроб, который был изготовлен из душистого кедра в форме человеческого тела. Гроб накрыли крышкой, украшенной цветным изображением Осириса во весь рост. Стенки гроба были красочно расписаны сценами Загробного суда и иероглифами заклинаний. И на закате гроб с мумией и ящик с канопами передали родственникам писца.

Всю ночь многочисленная семья Хеканахта не отходила от гроба, скорбя по умершему. А с наступлением нового дня печальная процессия покинула усадьбу покойного и потянулась к берегам Нила. Переправившись на западный берег, она направилась к вырубленной в скале гробнице. Знойный воздух оглашался воплями плакальщиц. Впереди шли жрецы, они воскуряли фимиам и пели гимны, посвященные Анубису и Осирису. За жрецами рабы тащили на полозьях повозку с фобом. Затем шли родственники и друзья покойного. Замыкали шествие слуги, которые несли ящик с канопами, а также то, что требовалось покойному на том свете: еду, одежду, украшения и предметы повседневного быта.

Но вот траурное шествие подошло к гробнице. В её сумрачной глубине виднелся установленный в центре погребальной камеры массивный каменный саркофаг, рядом лежала крышка. Под усилившийся плач мумию Хеканахта извлекли из фоба и поставили у входа в вечный приют. Её поддерживал стоявший позади Анубис. Перед мумией установили жертвенный столик с дарами. Возле него, лицом к мумии, стали два жреца Анубиса-Имиута с перекинутыми через плечо леопардовыми шкурами, а позади них – жрец со свитком молитв и заклинаний. Он подал знак, и воцарилась тишина. Начался главный обряд над мёртвыми в мире живых – обряд отверзания уст. Зазвучали слова священного гимна, в воздухе поплыл сизый дымок воскурений, запахло ладаном. Один из жрецов окропил душистой водой мумию и разложенные на столике богатые дары, а второй – торжественно поднял правую руку с бронзовым жезлом, наконечник которого был выполнен в форме головы барана, и коснулся им уст мумии. С этого мгновения уста Осириса-Хеканахта могли есть, пить и говорить! Затем жрец прикоснулся священным жезлом к его ноздрям – и он мог дышать, прикоснулся к его глазам – и он мог видеть, прикоснулся к его ушам – и он мог слышать!

Эти магические прикосновения вернули Осирису-Хеканахту покинувшую его жизненную силу Ка, и он воскрес для новой жизни в царстве Осириса. Как воскрес когда-то сам Осирис, которому Гор дал проглотить своё спасённое Тотом око, вложив его в уста отца. И отныне воскресший Осирис-Хеканахт обретал возможность полноценной жизни в зафобном мире.

А его мумию по окончании обряда положили обратно в гроб. Гроб опустили в саркофаг, саркофаг накрыли крышкой. Рядом Анубис поставил ящик с канопами, а у стен пофобальной камеры установил фигурки Амсета, Хапи, Кебексенуфа и Дуамутефа: они будут охранять вечный покой усопшего. Затем шакалобог велел слугам разложить в фобнице принесённые вещи Хеканахта и расставить деревянные раскрашенные фигурки людей-ушебти. Именно ушебти, повинувшись заклинаниям умершего, будут прислуживать ему на том свете и выполнять за него различные работы. Слуги внесли также столик с жертвенными приношениями: цветами, фруктами, лепёшками, жареной дичью и кувшинами с пивом. И последнее, что сделал шакалобог, – он установил в пофобальной камере свидетельство того, что над покойником были выполнены все предписанные ритуалы. Это была шкура жертвенного быка, спелёная особым образом и привязанная к шесту, вставленному в глиняный сосуд.

Похороны закончились. Анубис внимательно осмозрел покинутую людьми фобницу, проверил, всё ли сделано. Затем произнёс заклинание, запер входную дверь и опечатал её собственной печатью, на которой были изображены девять пленников и лежащий над ними шакал. Участники похорон тщательно замаскировали вход в фобницу, завалив его камнями и засыпав щебёнкой. И ушли домой, на восток, оставив за спиной бафовое вечернее солнце и упокоившегося среди скал царского писца Хеканахта.

На землю опустилась ночь. Потемневшее небо украсилось россыпью ярких звёзд. Возшедшая щербатая луна осветила мёртвым светом безрадостную картину: среди застывших песчаных волн громоздились угрюмые скалы и каменные глыбы. Между ними в лунном свете мелькали похожие на тень тёмные силуэты, там и сям вспыхивали зловещие огоньки. Это вышли на охоту ночные хищники: волки, гиены, шакалы. Их жуткий вой и безумный хохот взрывали гнетущее безмолвие ночи и, подхваченные эхом, долго метались среди скал, мед-

ленно затихая. В этот бесовский хор временами вплетались предсмертные хриплые вопли очередной жертвы, и тогда над скалами на мгновение повисала зловещая тишина.

Многие звери, поодиночке и стаями, осторожно подкрадывались к свежей гробнице, источавшей соблазнительные запахи. Но все их попытки пробраться внутрь оказывались тщетными: каменные стены и нагромождение камней у входа были надёжной защитой от непрошенных гостей.

Для Хеканахта наступила роковая ночь. Пока не взошло солнце нового дня, ему надо было добраться до того места в Дуате, где волею богов во главе с Осирисом должна решиться его судьба: или он обретёт жизнь вечную, или умрёт вторично и уже окончательно.

Внезапно гробница озарилась призрачным сиянием, и Хеканахт увидел над собой тёмный лик Анубиса и услышал его тихий голос:

– Вставай, нам пора. Путь далёк и труден, и нам его надо осилить до рассвета.

Поднявшийся с погребального ложа Хеканахт не поверил своим глазам: на нём были не бесчисленные пелены, а праздничные одежды. И он ещё больше удивился, когда оглянулся и увидел нетронутый саркофаг. Впрочем, изумляться времени не было, надо было торопиться на запад, в Дуат. Писец почувствовал в своей руке сильную руку Анубиса, и страх его растаял. Затем они шагнули в ночную тьму...

После долгих часов утомительного путешествия по опасным горным тропам путники подошли ко входу в Дуат. Это были огромные бронзовые ворота в каменной оправе неприступных скал. Здесь на страже стояли грозный змей Нехебкау, чей огненный взгляд мог испепелить любого врага, и волк Упуат с луком за спиной и тяжёлой булавой в лапах. Рядом с ним находилась его жена – устрашающая богиня Нейт. Волк издали заметил приближавшиеся фигуры и окликнул их. Услышав условленный ответ Анубиса, он повернулся к воротам и произнёс краткое заклинание. Створки ворот медленно, со скрипом отворились, и шакалобог с писцом вошли в Дуат.

Перед ними открылась широкая панорама потустороннего мира, от которой у Хеканахта захватило дух. Впереди, до самого горизонта, раскинулась дельта Подземного Нила с многочисленными рукавами и озёрами. Среди блестящей живым серебром воды виднелись многочисленные острова.

Взор писца привлекла свинцовая туча слева. Её брюхо озарялось багровыми отблесками плавающих на земле огненных озёр. То там, то здесь к небу поднимались клубы чёрного жирного дыма. Между сполохами огня в оранжево-коричневом мареве металась чьи-то страшные тени, и оттуда доносились еле слышные крики и вопли. В них было столько боли и отчаяния, что Хеканахта охватил страх. И он поспешил перевести взгляд на группу красивых зданий, возвышавшихся справа от того ужасного места. Одно из них привлекло особое внимание писца. Его огромные пилоны и стены были сложены из какого-то необычного голубовато-серого камня, а перед входом устремились к небу два блестящих золотом столба. На их верхушках реяли длинные чёрные и красные полотнища. Писец почти не сомневался: поразившее его своей холодной красотой и строгим величием здание является храмом. И чем дальше Хеканахт им любовался, тем сильнее в нём крепла уверенность, что этот храм – именно та цель, ради которой ему пришлось преодолеть долгий и мучительный путь. Но тут он заметил, что дорога, на которой он стоял и которая вела к желанной цели, очень скоро упиралась в ещё одни ворота. Сторожили эти ворота три страшных демона. От одного взгляда на них у бедного писца перехватило дыхание, а ноги стали ватными.

Вдруг Хеканахт испуганно вздрогнул – кто-то коснулся его плеча. Это был Анубис – о нём ошарашенный писец просто забыл.

– Успокойся и внимательно меня выслушай, – произнёс шакалобог, крепко сжав плечо похолодевшего от страха Хеканахта. – Мы почти у цели. В том храме, который ты с таким интересом разглядывал, тебя ждут боги. Уверен, ты преодолеешь все трудности и скоро окажешься

у его стен. Дальше пойдёшь один – таков закон. Я буду ждать тебя у храма. Тебе осталось пройти через семь таких ворот и миновать десять обелисков, расположенных вдоль дороги. У каждого из семи ворот ты увидишь трёх демонов с головами священных животных. Один из демонов – стражник, второй – привратник, а третий – глашатай. Ты должен каждого назвать по имени и принести им в жертву свежую кровь. Только тогда они тебя пропустят. Затем на твоём пути встретятся десять священных обелисков. Ты обязан произнести имя каждого обелиска и имя бога, который его охраняет. Вот корзина, в ней семь кувшинов с жертвенной кровью. А это – папирус со всеми именами и заклинаниями. Тот самый, который тебе положили в гроб в день похорон. И запомни: произносить все имена и заклинания необходимо громко и уверенно, подавив в душе страх и сомнения. Да укрепит твоё сердце Всемогущий Ра, Повелитель вечности, Владыка всего сущего! Да хранит тебя Великая богиня Исида, единственная, существующая с начала времён! А теперь ступай!

Слова Анубиса придали писцу решимости, и он, преодолевая страх, зашагал вперёд. Дойдя на негнущихся ногах до первых ворот, Осирис-Хеканахт под холодным прицелом змеиных, львиных и крокодильих глаз упал на колени, развернул дрожащими руками свиток и, стараясь не глядеть на демонов, произнёс:

– Я знаю твоё имя, привратник! Твоё имя – Атек-тау-хак-Херу!
Я знаю твоё имя, стражник! Твоё имя – Атес-ари-хра-ше!
Я знаю твоё имя, глашатай! Твоё имя – Сехет-хра-ашт-ару!

После этих слов привратник распахнул ворота, стражник освободил дорогу, а глашатай прокричал:

– Держит путь славный своими делами Осирис-Хеканахт!

Писец оставил первой троице кувшин с кровью и направился к следующим воротам. Там его уже поджидали сокологоловый привратник Хесепф-хра-ашт-Херу, собакоголовый стражник Атес-хра-ше и зайцеголовый глашатай Ам-хуат-ент-пехфи...

Пройдя через все ворота, вспотевший писец подошёл к первому обелиску и громко прочитал по папирусу:

– Я прошёл путь свой. Я знаю тебя. И мне ведомо имя твоё, и я знаю имя бога, охраняющего тебя. Имя твоё – Госпожа страха с высокими стенами, верховная правительница, Госпожа разрушения, которая повелевает заклинаниями, прогоняющими ураган и бурю, и которая спасает от разрушения того, кто находится в пути. Имя охранника твоего – Ертат-Се-банка.

И Ертат-Се-банка сказал ему:

– Проходи!..

Благополучно миновав последний, десятый, обелиск, писец увидел у входа в храм ждавшего его Анубиса. Шакалобог ободряюще улыбнулся и произнёс:

– Ты достоин имени Осириса, Хеканахт! Однако впереди ещё одно испытание, последнее и самое трудное. За этим порогом, который мы сейчас перешагнём, находится Великий Чертог Двух Истин. В нём тебя ждут боги и повелитель царства мёртвых Осирис. Папирус с именами богов и нужными заклинаниями в твоих руках. Да укрепит твоё сердце Всемогущий Ра, Повелитель вечности, Владыка всего сущего! Да хранит тебя Великая богиня Исида, единственная, существующая с начала времён!

С этими словами Анубис взял писца за руку, и они переступили порог храма. Войдя в Великий Чертог Двух Истин, Анубис громко произнёс:

– Взыскующий справедливого суда богов Осирис-Хеканахт явился!

То, что открылось взору писца, заставило его на мгновение зажмуриться и крепче сжать руку провожатого. Он увидел перед собой уходящий вдаль, утопающий в золотистом сиянии огромный зал. Его потолок подпирали два ряда высоких колонн. Каждая колонна была изваяна

из малахита и напоминала связанные стебли папируса. Потолок и стены переливались искусно выполненными разноцветными росписями. Стены вверху опоясывал карниз в виде бесконечного ряда уреев – вздыбленных кобр с солнечными дисками на головах. Пол был выложен плитами из чистого серебра. В противоположном конце зала на возвышении на троне восседал повелитель царства мёртвых Осирис. Его голову украшала высокая белая корона Верхнего Египта с двумя перьями по бокам. Позади трона стояли богини Исида и Нефтида, а слева и справа – охранявшие Осириса дети Гора: Амсет, Хапи, Кебексенуф и Дуамутеф. По всей длине зала вдоль колонн восседали боги, представлявшие все номы и крупные города Египта. В центре зала стояли большие весы. К их вертикальной стойке с помощью кольца крепилось подвижное коромысло с двумя чашами на концах. На коромысле имелась стрелка, указывавшая на положение чаш. Возле весов стояли ибисоголовый бог мудрости и письма Тот с табличкой и палочкой для письма, богиня правды Маат, покровитель людей бог Шаи и богиня судьбы Рененут. На стойке весов сидел сокол с головой, похожей на голову Хеканахта. Это была его душа Ба. Здесь же стоял небольшой столик с серебряным блюдом, на котором покоилось сердце писца. Возле столика сидела «пожирательница умерших» Аммит – полувльвица-полубегемотиха с крокодильей пастью. Она жадно глядела на сердце и плотоядно облизывалась. Именно это чудовище пожирало сердца умерших, которых признавали недостойными вечной жизни в обители Осириса. А самих грешников демоны сжигали в огненных озёрах Дуата. Эта смерть была окончательной, и её египтяне боялись больше всего на свете.

Анубис освободил свою руку из крепко сжатой ладони писца и тихо произнёс:

– Смелее, Хеканахт! Сначала – к Осирису, затем – к богам. Ступай! – И легонько его подтолкнул.

Ошеломлённый Хеканахт, не чуя под собой ног, прошёл через весь зал и опомнился лишь тогда, когда увидел перед собой бесстрастный лик Осириса. Он упал на колени и произнёс:

– Привет тебе, о Великий бог, Владыка Чертога Двух Истин! Я пришёл к тебе, о мой повелитель, я явился, чтобы узреть твоё величие. Я знаю тебя, я знаю твоё имя, я знаю имена сорока двух богов, которые пребывают с тобой в этом чертоге. Воистину Рехти-Мерти-Неб-Маати – твоё имя! Вот я пришёл к тебе с правдой. Ради тебя я уничтожил свой грех.

Я не творил зла людям.
Я не убивал.
Я не приказывал убивать.
Я никому не причинял страданий.
Я не творил дурного.
Я не поднимал руку на слабого.
Я не делал мерзкого перед богами.
Я не кощунствовал.
Я не совершал прелюбодеяния.
Я не отнимал молока от уст детей.
Я не прибавлял к мере веса и не убавлял от неё.
Я не преграждал путь бегущей воде.
Я не нанёс ущерба скоту.
Я чист, я чист, я чист, я чист!

Да не случится со мной ничего дурного в этой стране, в Великом Чертоге Двух Истин, ибо я знаю имена сорока двух богов, пребывающих в нём, спутников Великого бога Осириса!

Произнеся последнее слово, Хеканахт припал челом к полу. Осирис хранил молчание. Наконец писец встал и, пятясь, отошёл от престола Владыки мёртвых. Затем он обратился к каждому из сорока двух богов, присутствовавших в зале:

– О Усех-немтут, являющийся в Ану, я не чинил зла!
О Хепет-седежет, являющийся в Хер-аха, я не крал!
О Денджи, являющийся в Хемену, я не завидовал!
О Акшут, являющийся в Керерт, я не грабил!
О Нехехау, являющийся в Ра-Сетау, я не убивал!..

Но вот исповедальный обход богов закончен. К растерявшемуся Хеканахту подошёл Ану-бис, взял его за руку и подвёл к весам. Предстоял «допрос» главного свидетеля – сердца писца. Свидетеля бесстрастного и неподкупного, знающего о подсудимом всё. И Хеканахт обратился к нему с горячей мольбой:

– О моё сердце! Не свидетельствуй против меня на суде! Пусть никто не выступит против меня! Не отворачивайся от меня перед стражем весов Анубисом! Пусть не станет моё имя зловонным. Да не прозвучит обо мне ложь перед великим богом Хентиamenti! Да войдём мы с тобой в страну счастья!

Наступила напряжённая тишина. Анубис взял с подноса сердце и положил его на чашу весов. На другую чашу богиня правды, справедливости и правосудия Маат положила страусиное перо. Если чаша с сердцем поднимется, значит, на весах невесомое сердце легкомысленного, пустого и безответственного человека. Если же чаша опустится, станет ясно: сердце наполнено свинцовым грузом зла, ненависти и эгоизма³². И в том и в другом случае обладатель такого сердца будет признан грешником, и ему придётся умереть навсегда.

Немного поколебавшись, чаши весов успокоились. Взоры всех присутствовавших обратились к стрелке весов. Хеканахт смотрел на неё с надеждой и ужасом. Аммит, предвкушая возможную поживу, лязгала челюстями и нетерпеливо переступала с лапы на лапу. Анубис присел на корточки и внимательно изучил положение стрелки. Вскоре он убедился: стрелка располагалась строго отвесно – значит, сердце и перо уравнили друг друга. Облегчённо вздохнув, Анубис сообщил об этом Тоту. Тот записал показания Анубиса в табличку и обратился к собранию богов:

– О боги! Внимайте этому суду! Сердце Осириса-Хеканахта было воистину взвешено. Оно было признано праведным после испытания на великих весах. В нём не было найдено никакого зла.

И собрание богов вынесло окончательный вердикт:

– То, что вышло из твоих уст, Тот, живущий в Хемену, подтверждается. Осирис, писец Хеканахт победоносный, божествен и правогазен. Он не грешил, не творил зла против нас. Пожирательнице Аммит не будет дано торжествовать над ним. Да будут дарованы Осирису-Хеканахту пища богов и место для вечной жизни на Полях Иару, как и всем почитателям Гора. Да предстанет он перед Великим Осирисом!

Услыхав эти слова, Анубис взял за руку писца, подвёл его к Осирису и промолвил:

– Я явился перед тобой, Хентиamenti, я привёл к тебе Осириса-Хеканахта. Весы показали, что его сердце праведно. Собрание богов объявило его маа-херу, правогазным. Молю тебя, да будет дана ему милость твоя!

При этих словах Анубиса писец упал на колени, воздел руки и воззвал к Осирису:

– Воистину, я перед тобой, Владыка Аменти. На мне нет греха. Позволь мне быть одним из тех, к кому ты проявил милость, мне, любящему тебя писцу Хеканахту, чьё слово есть правда перед Осирисом!

³² Интерпретация автора.

Хеканахт с воздетыми руками замер перед царём мёртвых. В Великом Чертоге Двух Истин повисла звенящая тишина. Лик Осириса по-прежнему был бесстрастен, уста его сомкнуты, а очи глядели вдаль. И вдруг под высокими сводами раздался торжественный голос: – Да будет так!

И с этой минуты Осирис-Хеканахт стал полноправным обитателем счастливой страны праведников – Сехет Иару, Полей Тростника.

Жизнь на Полях Тростника была прекрасной и счастливой. Там не было зла, не было горя и голода, не было болезней. Там плодородные поля всегда приносили богатый урожай, а на сочных пастбищах тучнел плодовитый скот. Ячмень там рос в четыре локтя, а полба – в девять локтей. Там много напитков и еды. Живущие там вкушали блаженство! И именно туда лежал теперь путь праведного Хеканахта. Однако, чтобы попасть на Поля Иару, нужно было преодолеть последнюю преграду – водную.

...Нос папирусной ладьи мягко уткнулся в прибрежный песок. Хеканахт выбрался на берег. Перед ним начиналась тропинка, вившаяся через золотое поле созревшего ячменя. В его высоких стеблях легко мог затеряться любой человек. Увидев налитые колосья выше своей головы, писец замер от удивления. Придя в себя, он сделал несколько шагов по тропинке. Но перед тем как войти в этот сказочный ячменный лес – обернулся. На носу ладьи стоял Анубис и смотрел ему вслед. Его острые зубы белели в улыбке. А в бездонных чёрных глазах таилась неизбывная грусть. Шакалоголовый бог улыбался ещё одной спасшейся душе, которой помог пройти через все испытания. И грустил, прощаясь с нею навсегда.

Аралезы

(«Беспрестанно лижущие»).

В армянской мифологии небесные священные собаки, зализывающие раны павшим воинам и оживляющие их.

Время неумолимо стирает из людской памяти события прошлого. Всё меньше остаётся носителей древних верований, обрядов и мифов. Всё труднее составить из уцелевших осколков правдивую картину ушедших эпох. Вот и о наших героях осталось очень мало надёжных сведений, поэтому о многом приходится только догадываться и строить предположения.

...Давным-давно, в незапамятные времена, великой Ассирией правила царица Семирамида. Это была красивая, умная и страстная женщина. К тому же воинственная и жестокая – она вела частые войны с соседями. Как-то раз царица прослышала о необыкновенной красоте и редком мужестве царя Армении Ара Прекрасного, и в её сердце вспыхнула к нему горячая любовь. Пламя этой любви с каждым днём разгоралось всё сильнее и сильнее, и однажды не выдержала гордая ассириядка – отправила в Армению посольство. Она просила Ара Прекрасного прибыть в Ниневию и стать её супругом, а заодно и повелителем всей Ассирии. Или же, удовлетворив её страсть, с миром и богатыми дарами вернуться на родину. Однако благочестивый царь отверг её просьбу. И тогда взбешённая Семирамида во главе огромного войска выступила против армян. Но даже оскорбительный отказ Ара Прекрасного не погасил в её груди огонь сладострастия, и она накануне решающей битвы горячо молила богов, чтобы они сохранили жизнь её возлюбленному, а своим военачальникам строго-настрого приказала не убивать армянского царя, но во что бы то ни стало захватить его живым.

Увы, боги не вняли мольбам царицы. Когда сражение затихло, Семирамида узнала, что Ара Прекрасный погиб, а его тело с поля боя унесли армянские воины. В ярости и отчаянии она велела отрубить своему военачальнику голову.

После битвы армянские витязи сняли с убитого царя оружие и доспехи и уложили его на вершине высокого холма. Над мёртвым Ара Прекрасным, чьё тело было обезображено глубокими ранами, в небесной выси проплывали окрашенные закатным солнцем облака, а внизу, у подножия холма, в скорбном молчании застыли воины.

Наступила ночь. Её тишину нарушали только голоса цикад да безумный хохот шакалов. Тревожно тянулось время. Вдруг над холмом промелькнули быстрые тени. Это с ночного неба бесшумно слетели священные собаки-аралезы. Окружив Ара Прекрасного, они принялись его тщательно вылизывать. Неумолимо работают красные языки волшебных собак. Лижут, лижут аралезы грудь армянского царя. Омытые целебной слюной, исчезают кровоподтёки и одна за другой закрываются глубокие раны – остаются лишь едва заметные шрамы. И вот послышались первые удары сердца. Не ослабляют своих усилий священные собаки – всё громче и увереннее стучит сердце бесстрашного героя. Наконец приподнялась от первого вздоха его грудь, на смуглых щеках проступил слабый румянец и порозовели губы. Вечный сон смерти уступил место сну жизни. Долго будет длиться этот целительный сон – до тех пор, пока к воскрешённому царю не вернуться прежние силы.

А сердобольные аралезы, убедившись, что жизни Ара Прекрасного больше ничто не угрожает, тихо взмыли в небо. В ту ночь им пришлось ещё много и напряжённо трудиться, ведь вся долина была усеяна телами убитых.

Говорят, первым эту удивительную историю поведал сирийский писатель Мар Абас Катина³³, живший в конце III – начале IV вв. Однако его труды до нас не дошли. Зато с

³³ Исследования...

ними были хорошо знакомы другие средневековые авторы, например, Мовсес Хоренаци. Этот армянский христианский просветитель V в. в своей «Истории Армении» тоже рассказал о страстной любви Шамирам к Ара Гехецику. Правда, Мовсес, в отличие от своего сирийского предшественника, ни разу не употребил слово «аралезы». По его мнению, армянскому царю зализывали раны некие боги. И автора можно понять: зачем лишний раз напоминать про языческих богов, с которыми молодая армянская церковь³⁴ вела непримиримую войну. А на войне, как известно, все средства хороши. В том числе – искажение языческих преданий и осмеяние прежних кумиров. Вот почему легенду о Семирамиде и Ара Прекрасном Мовсес Хоренаци изложил совсем по-другому – в разоблачительно-критическом ключе. По его версии, тело погибшего армянского царя в конце концов разложилось и было предано земле, а коварная Шамирам, чтобы успокоить взбунтовавшихся армян, распустила ложные слухи о его чудесном воскрешении. Впрочем, предоставим слово автору.

«После победы царица отправляет на место сражения расхитителей трупов искать между телами павших (своего) многожеланного любимца. Находят Арая мёртвым между (падшими) храбрецами. Царица приказывает положить его в горнице дворца.

И когда армянские войска снова восстали войною против царицы Шамирам на отмщение за смерть Арая, она сказала: «Я приказала моим богам лизать раны, и он оживёт». В то же время она, обаянная безумною страстью, надеялась оживить его чарами своего волшебства. Но когда труп его разложился, она приказала бросить его в глубокий ров и засыпать; и об одном из своих любимцев, втайне облечённом в пышную одежду, распустила такую молву: «Боги, обливав Арая, оживили его и тем исполнили наше страстное желание. Посему отныне они, как угождающие нам, исполняющие нашу волю и доставляющие усладу, достойны большего от нас поклонения и прославления». Она воздвигла во имя (этих) богов какое-то новое изображение и торжественно чествовала (его) жертвами, желая показать всем, что сила этих богов возвратила Арая к жизни. Таким образом, Шамирам, пустивши в ход эту молву по земле армянской и убедив (в том) всех, положила конец войне»³⁵.

Активно разоблачал языческие предрассудки и писатель V в. Фавстос Бузанд. В своём сочинении (тоже «История Армении»)³⁶, в главе под красноречивым заголовком «О нелепом понятии, существовавшем у родственников Мушега и у других людей» он пишет о трагической судьбе Мушега Мамиконяна – спарапета царя Варздата.

Этот талантливый и храбрый полководец по навету врагов был убит на царском пиру – по условленному знаку царя ему отрезали голову. «И когда тело спарапета Мушега понесли в его дом, к его семье, то родственники его не верили его смерти, хотя и видели голову, отрезанную от туловища. Они говорили: «Он бесчисленное множество раз бывал в боях и ни одной раны не получил, ни одна стрела не попадала в него, и никаким другим оружием он не был ранен». Другие же надеялись, что он воскреснет, и потому приставили голову к туловищу, пришили и поместили на кровле одной башни. Они говорили: «Так как (Мушег) был муж храбрый, то арлезы³⁷ сойдут и воскресят его». Поставили стражу и ждали его воскресения, пока, наконец, разложился труп его. После того снесли его с той башни, оплакали и погребли, как надлежало».

А вот другой христианский богослов, Езник Кохбацци, живший всё в том же V в., сражался с нелепыми выдумками о небесных псах с помощью безжалостной логики. В своей «Книге опровержений» он утверждал, что аралез не мог произойти от собаки, «ибо от плоти не может возникнуть бесплотное, как и от незримого – нечто во плоти. Не могло произойти от собаки существо, называемое аралез, обладающее якобы неведомой силой и оживляющее павших на

³⁴ Армения первой в мире приняла христианство в качестве государственной религии.

³⁵ История Армении...

³⁶ Фавстос...

³⁷ Так в тексте.

войне, зализывая им раны». Но упрямых язычников, которые «всё же спорят и настаивают на своём», переубедить было не так-то просто. И Езник в пылу полемики язвительно вопрошает: «Неужели и об аралезах кто-либо может сказать, что действительно видел его? И если в прежние времена аралезы зализывали раны и оживляли, почему же теперь они не зализывают и не оживляют? Разве не те же теперь войны и не так же падают раненые?»³⁸.

Церковники прилагали все усилия, чтобы в глазах народа посрамить прежних богов, показать, что аралезы никого не оживляют, а вера в них поддерживается мистификациями вроде той, которую проделала царица Шамирам. Однако простой люд не спешил расставаться с верой предков. Многие армяне соблюдали христианские предписания формально и, несмотря на запреты и гонения, продолжали верить в старых богов. Особенно сильным был культ аралезов. И тому есть убедительные свидетельства.

В богатом событиями V веке собор Армянской церкви принял постановление, запрещавшее под страхом смерти привлекать к участию в погребальных обрядах актёров-гусанов. Их ещё называли дзайнарку-гусаны, что в переводе с древнеармянского значит «вопящие» или «голосящие» гусаны. Они во время похорон разыгрывали сценки из жизни усопшего, воспевали его заслуги, утешали родных и близких покойника. Непременным атрибутом этих ритуальных лицедеев, являвшихся духовными наследниками языческих жрецов, были маски аралезов. «Надо полагать, что изображения аралезов выносились на всякие похороны, а не только в тех случаях, когда были основания ожидать вмешательства богов, т. е. когда умирал воин-герой»³⁹. Со временем «собачья голова – маска бога аралеза, во-первых, перешла с руки дзайнарку-гусана на кончик палки. Затем эта палка превратилась в псоглавую змею, которая оставалась в руках актёра древне армянского театра до XVIII века. Во-вторых, собачья маска оставалась на голове у актёра, который выступал в качестве псоглавца. Так было и в XI, XIII, XV и в XVII веках»⁴⁰. Наглядным доказательством вышесказанного могут служить миниатюры средневековых армянских рукописей, хранящиеся в Матенадаране (Ереван). На них изображены яркие, многоцветные фигурки актёров-гусанов и их театральные атрибуты, в том числе и бутфорские головы собак.

Историк конца IX – начала X вв. Товма Арцруни сообщает, что Ара Прекрасный был воскрешён аралезами на вершине холма у селения Лезуо. Указанное селение располагалось недалеко от города Ван и существовало ещё в начале XX столетия.

К материальным свидетельствам культа аралезов армянский учёный Г. Гоян причисляет и загадочные бронзовые скульптурки, найденные во многих местах Кавказа. Они являются памятниками прикладного искусства Кобанской археологической культуры, которая процветала в кавказском регионе в эпоху бронзы и железа (XIII–III вв. до н. э.). Каждая статуэтка, а их к настоящему времени найдено 57 штук⁴¹, представляет собой стоящую на округлом пьедестале грубо слепленную фигурку мужчины с обнажёнными гениталиями и приподнятыми руками. В правой руке он держит некий продолговатый предмет. Все фигурки похожи друг на друга и различаются лишь формой головного убора. Одну из таких фигурок можно увидеть в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. Ещё шесть подобных изображений спрятаны в запасниках Государственного исторического музея и взору посетителей, к сожалению, недоступны.

В монографии «2000 лет армянского театра» Г. Гоян предлагает оригинальную, хотя и не бесспорную, трактовку этих таинственных фигурок. На его взгляд, статуэтки изображают жреца, исполняющего древний языческий обряд. На правую руку священнослужителя надета маска в виде собачьей головы. Это символ аралезов – священных небесных существ, оберегаю-

³⁸ Езник...

³⁹ Гоян...

⁴⁰ Гоян...

⁴¹ Брилева...

щих и возвращающих к жизни богов и людей. Популярная легенда об Ара и Шамирам является отголоском распространённого на Востоке культа умирающего и воскресающего божества, в судьбе которого, по представлениям древних армян, принимали деятельное участие аралезы. В том же духе Г. Гоян трактует и рельеф на серебряном сосуде, известном как чаша царя Паткора III. По его мнению, на чаше изображена сцена из древне армянской трагедии, в которой наряду с обычными персонажами показаны и аралезы, представленные в виде двух собак.

Култ аралезов отразился и в творчестве других народов Кавказа. Например, в кабардинском нартском эпосе есть такой любопытный эпизод.

Один из его героев по имени Шужей, будучи ещё совсем ребёнком, оседлал коня и отправился на поиски пропавшего отца. В пути он встретил двух собак. Это были самиры – волшебные крылатые псы. Они были чем-то взволнованы; от тяжёлого, хриплого дыхания их бока ходили ходуном, с огненных языков клочьями падала пена. Шужей достал из сумки с дорожными припасами кусок варёной телятины и бросил псам. Однако те даже не посмотрели на угощение и, проскочив мимо, нырнули в лесную чащу. Юный всадник подумал: «Эти собаки, наверно, нуждаются в помощи. Мать наказывала: «Не оставляй тех, кто попросит тебя помочь им». Надо исполнить наказ матери, нельзя мне осрамить имя моего отца!»⁴². Шужей стегнул своего серого, и тот поскакал за самирами. И вот впереди показался невысокий холм. На нём лежал раненый витязь, кровь ручьями струилась из его многочисленных ран. Шужей быстро спешился и спросил: «Чем я могу тебе помочь, славный воин?» Раненый, преодолевая боль, ответил: «Раздень меня, мальчик, и приложи к моим ранам траву, которую держат в зубах собаки». Шужей так и сделал, и вскоре целебное зелье, смоченное живительной слюной самиров, залечило все раны и вернуло витязю прежнюю силу. Он вскочил на гнедого коня и сказал: «Поедем вместе, юный наездник! Я вижу из тебя получится настоящий мужчина, как из твоего коня получился настоящий скакун». И оба всадника отправились в путь. Впереди их ждали многочисленные и опасные приключения...

Однако вернёмся в Армению. Много загадок оставили нам аралезы. Не утихают споры по поводу их внешнего облика. На кого они были похожи: на крылатых собак? на кинокефалов? а может, на собак с человеческими головами? Увы, молчат старинные рукописи, молчит народная память...

Не менее загадочно и само появление небесных собак в армянской культуре.

Одни видят истоки их культа в верованиях народов Месопотамии, которые с незапамятных времён знали о целебной силе собачьего языка (не зря же шумерскую Гулу, богиню врачевания, всегда сопровождала собака, и её символом являлась собачья голова, а богиня-целительница Нинкаррак из соседнего Аккада нередко изображалась в виде собаки, см.: *Священные псовые*). Другие усматривают корни аралезов в древней религии персов (см.: *Введение*). Третьи – в культуре хеттов, хурритов или ассирийцев (так что, возможно, Мовсес Хоренаци и не лукавил, когда писал про неких ассирийских богов, которые, «облизав Арая, оживили его»). А четвёртые, и таких большинство, считают, что о лечебных свойствах псов знали все народы во все времена. Об этом, в частности, свидетельствуют мифы и предания Юго-Восточной Азии. Там одна собака зализала незаживающую кровоточащую рану на ноге дочери первой на земле человеческой пары (народность пайван), другая собака излечила принцессу от проказы (кетан-галан), а священный белый пёс (или шакал) избавил королеву народности насу от слепоты.

Приведённые выше примеры симбиоза божества-врачевателя и собаки – не единственные. Скажем, в античном мире священным животным Асклепия-Эскулапа тоже была собака, а в Древнем Китае, как мы знаем, монаха-лекаря Вэй Шанцзюня повсюду сопровождал его верный пёс *Чёрный дракон*. И в таком соседстве нет ничего удивительного: люди давно уже подметили благотворное воздействие собаки на здоровье человека и, в частности, её слюны (недаром

⁴² Нарты... С. 202.

молвится в русской поговорке: «У кошки во рту сто болезней, а у собаки – сто рецептов»). В том же Древнем Китае, например, держали специальных «лечебных» собак, которые зализывали воинам раны. В Англии, на берегу реки Северн, в лазарете при храме Ноденса, обученные собаки своими языками тоже заживляли раны и язвы больным и раненым⁴³. Да и само слово «лазарет», как известно, произошло от имени нищего Лазаря, чьи струпья старательно зализывали псы – бесплатные и безотказные лекари (Евангелие от Луки, XVI, 20-21). И в наши дни можно встретить немало сообщений о том, что собаки могут лечить различные кожные заболевания, в том числе и грибковые, а также зализывать язвы, раны, царапины и ушибы.

В чём же сила собачьей слюны?

Секрет хвостатых лекарей удалось раскрыть только в XX веке. Английский микробиолог лауреат Нобелевской премии Александр Флеминг (1881 – 1955 гг.) в слюне, слезах и крови собак обнаружил неизвестное ранее вещество – лизоцим, которое, как выяснилось, обладает сильными антисептическими и ранозаживляющими свойствами.

Так учёные подтвердили то, что давным-давно было известно нашим далёким пращурам и что гений армянского народа явил миру в образе летающих собакоподобных божеств-целителей, имя которым – аралезы.

⁴³ Каррен... С. 121.

Аргус

В греческой мифологии собака Одиссея.

Свою известную кличку охотничья собака Одиссея получила в память о стооком великане Аргусе Паноптесе («всевидящем»), сыне финикийского царя Агенора. Он слыл образцом зоркости и бдительности – даже во время сна часть его глаз всегда бодрствовала.

Стоокий Аргус был поставлен Герой стеречь очередную любовницу Зевса, красавицу Ио, которую мстительная богиня превратила в белоснежную корову. Выкрасть свою возлюбленную из плена царь богов и людей поручил своему сыну Гермесу. Тот усыпил неусыпного сторожа игрой на волшебной свирели и отрубил ему голову. (Напомним, что так же вероломно Аргус когда-то убил спящую полудеву-полузмею Ехидну, мать известных псов *Кербера* и *Орфа*.) Огорчённая Гера глазами Аргуса украсила хвост павлина – своей ездовой птицы.

...Десять лет сражался царь Итаки Одиссей вместе с ахейцами против Трои (Илиона). После её падения ещё десять лет скитался по свету, пытаясь вопреки гневу Посейдона добраться до родного дома. Там он оставил молодую жену Пенелопу и младенца Телемаха.

И вот, двадцать лет спустя, после тяжких испытаний и невероятных приключений, потеряв всех своих друзей, Одиссей – на родной Итаке. Постаревший, оборванный, никем не узнаваемый, он по дороге к дому встретил свинопаса Евмея, который принял своего давно уплывшего на войну господина за нищего бродягу. Мирно беседуя, Одиссей и Евмей подошли к родной обители.

Уши и голову, слушая их, подняла тут собака
Аргус; она Одиссеева прежде была, и её он
Выкормил сам; но на лов с ней ходить не успел, принуждённый
Плыть в Илион. Молодые охотники часто на диких
Коз, на оленей, на зайцев с собою её уводили.
Ныне ж забытый (его господин был далёко), он, бедный
Аргус, лежал у ворот на навозе, который от многих
Мулов и многих коров на запас там копили, чтоб после
Им Одиссеевы были поля унавожены тучно;
Там полумёртвый лежал неподвижно покинутый Аргус.
Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся,
Тронул хвостом и поджал в изъявление радости уши;
Близко ж подползть к господину и даже подняться он не был
В силах. И, вкось на него поглядевши, слезу, от Евмея
Скрытно, обтёр Одиссей, и потом он сказал свинопасу:
«Странное дело, Евмей; там на куче навозной собаку
Вижу, прекрасной породы она, но сказать не умею,
Сила и лёгкость её на бегу таковы ль, как наружность?
Или она лишь такая, каких у господ за столами
Часто мы видим: для роскоши держат их знатные люди».
Так, отвечая, сказал ты, Евмей свинопас, Одиссею:
«Это собака погибшего в дальнем краю Одиссея;
Если б она и поныне была такова же, какую,
Плыть собираясь в троянскую землю, её господин мой
Дома оставил, – её быстроте и отважности, верно б,
Ты подивился; в лесу ни в каком захолустье укрыться
Дичь от неё не могла; в ней чутьё несказанное было.

Ныне же, бедная, брошена; нет уж её господина,
Вчуже погиб он; служанки ж о ней и подумать ленятся;
Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмётся охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нём половину Зевес истребляет».
Кончил и, в двери светло-населённого дома вступивши,
Прямо вошёл он в столовую, где женихи пировали.
В это мгновение Аргус, увидевший вдруг через двадцать
Лет Одиссея, был схвачен рукой смертоносною Мойры.

(Гомер. Одиссея. XVII, 290 – 327. Пер. В. Жуковского)

Рассказанный Гомером случай Аргусовой верности поразителен!

Средний срок собачьей жизни составляет десять-пятнадцать лет, и возраст собаки за двадцать – факт весьма редкий. Но в приведённом эпизоде удивляет не мафусаилов век Аргуса – удивляет другое. Закону старения подвластно всё живое. И в таком возрасте собака, в лучшем случае, уже полуслепа и полуглуха, а чутьё её сильно ослаблено. Поэтому по облику (причём, сильно изменившемуся) и по голосу она Одиссея вряд ли могла узнать. По запаху? Но запах ещё надо уловить, а перед этим двадцать лет хранить в памяти! Возможно ли такое? А может, и вправду наши четырёхлапые друзья обладают неким шестым чувством, о котором современной науке пока ещё ничего не известно?

Впрочем, главное в этой истории то, что после долгих лет разлуки судьба подарила человеку и собаке хоть и краткий, хоть и тайный, но счастливый миг неожиданной встречи. Встречи перед расставанием навсегда.

Асар и Васар

Собаки, популярные персонажи тюрко-монгольского эпоса. Другие имена: Азар; Басар, Казар.

Эти собаки встречаются во многих легендах и сказках монголов и тюрков. Они – любимые собаки Чингис-хана и вместе с ним сражаются с многочисленными врагами. Они – грозные стражи ламаистских божеств. Они – неутомимые охотники, спасатели и проводники. Они, наконец, – просто умные и добрые псы.

...В созвездии Ориона великий небесный охотник Кокедей-Мерген со своими богатырскими собаками Асаром и Васаром преследуют маралух.

...На Алтае, в благословенном краю богатыря-алыпа Маадай-Кара, растёт священный тополь. У него

На верхней ветви золотой,
Окружены листвой густой,
Кукушки вещие сидят,
Пути грядущего следят.

...

В середине тополя того,
На ветке бронзовой его,
Два чёрных беркута сидят,
В глубины трёх небес глядят,
За край земли бросают взгляд,
Пути и тропы сторожат,
Чтобы покой родной земли
Враги нарушить не смогли.

...

У основания ствола,
Чтоб нечисть злая не смогла
Пройти, вселить в народы страх.
Сидят на кованных цепях.
Шулмусам тропы заступив.
Путь Эрлик-бия преградив.
Два чёрных пса сторожевых –
Тайгыла – неусыпно злых.
Альпу верен пёс Азар.
Альпу предан пёс Казар,
Кровавоглазые, они.
Клыками клацая, лежат
В злато-серебряной тени,
Алтая земли сторожат.

(Маадай-Кара. Пер. А. Плитченко)

...Одолев в многолетних сражениях предводителя китайцев Мангытхая, Чингис-хан захватил восемь китайских провинций. Но вскоре на покорённых землях вспыхнуло восста-

ние. И Чингис-хан без войска, с одним только младшим братом Хавот-Хасаром и собаками Асаром и Васаром, наголову разбил отряды восставших и уничтожил их. (По свидетельству очевидцев, в монгольском войске было много собак – незаменимых помощников на охоте, в бою и на привале.)

...Предводитель джунгаров Галдан-Бошоктай пошёл войной на Тибет и дошёл до монастыря Эрдени-Цзу, в котором пребывало ламаистское божество Гомбо-Гура. Божество охраняли свирепые псы Асар и Васар. Галдан-Бошоктай отстрелил одному из них лапу, а затем превратил обоих в каменных собак. И до сих пор окаменевшие львоподобные тибетские овчарки, одна из которых трёхлапа, охраняют монастырь Эрдени-Цзу.

...Злобные псы Асар и Васар стерегут дворец повелителя Харакчи-Хуна, чья любимая дочь расцвела словно сказочный цветок. Прослышав о её дивной красоте, царевич Мунгун-ху оседлал своего скакуна и отправился в путь. Долго пришлось ему ехать, наконец вдали он увидел дворец Харакчи-Хуна. Царевич остановился в лесу и подождал наступления ночи. Когда стемнело, он пошёл во дворец, надеясь увидеть невесту. Внезапно на него напали ужасные и свирепые псы Асар и Васар! И они бы разорвали царевича в клочья, если бы он не вспомнил о чудесной косточке, которую ему в дороге подарил старик-чародей. Мунгун бросил косточку псам, и они, забыв обо всём на свете, принялись её глотать. Царевич прошёл во дворец, встретил там свою суженую и благополучно её умыкнул.

Косточка и собаки фигурируют и в сказании об Онохор-Турлектэ-хане.

...Спасаясь от происков злокозненной мачехи, дети хана бегут из родного царства далеко на восток, к святому человеку Цок-Цаган-хутухты.

«...Уже около трёх лет были они в пути, когда мальчик заболел. Несколько дней шёл он и, наконец, лёг и просил сестру оставить его и дать ему спокойно умереть.

Девочка не знала, что делать, но вдруг увидела на востоке какое-то сияние. Поняв, что это и есть жилище святого хутухты, к которому они шли, она дала брату косточку, чтобы он мог играть, и побежала вперёд. Вдруг она увидела двух свирепых собак и очень испугалась их. Но собаки подбежали к ней, поласкались, а затем, схватив её, понесли на восток к хутухте. Когда они донесли её, силы окончательно покинули её, и она только успела сказать: «Там, сзади, умирает брат, спасите его...» – и умерла.

Хутухта немедленно велел своим собакам принести царевича, который к тому времени уже умер. Когда его принесли, святой окропил его и его сестру живой водой, и они встали совершенно здоровыми.

Воскрешённых им детей хутухта принял, как своих. Мирно и счастливо жили они у него...»⁴⁴.

А вот, что можно услышать среди дархатов Монголии.

...Многое пришлось пережить дочери хана, красавице Ханчин гэсэг, которую неотступно преследовал старый лама-мангас. Спасли ханскую дочь её верные друзья: летучий серый конь и собаки Хасар и Басар. Когда конь состарился, он превратился в мясное обо и велел своей хозяйке вместе с ребёнком, которого она к тому времени родила, забраться на его верхушку. Однако лама разыскал их и там и с помощью сабли стал карабкаться на обо. Несчастную мать с ребёнком попыталась спасти лиса – она обманом завладела саблей и выбросила её в море. Но это не остановило упрямого старика – он начал вгрызаться в мясо зубами. И тогда Ханчин гэсэг в отчаянии стала кликать своих собак. Прибежавшие на её зов Хасар и Басар, не раздумывая,

⁴⁴ Повелители... С. 419–420.

накинулись на преследователя, однако тот с помощью колдовства скинул их в море. Собаки выбрались на берег и снова напали на ламу. На этот раз старику пришлось туго, и он уже сам нырнул в морские глубины. Хасар и Басар предупредили свою хозяйку: если море станет красно-коричневым – значит, лама-мангас их одолел, а если цвет воды не изменится – значит, победили они. Ожесточённая схватка возобновилась под водой и была долгой. Закончилась она полной победой собак – Хасар и Басар разорвали злобного ламу на куски, и красавица Ханчин гэсэг была спасена.

Вот такими были псы по кличке Асар и Васар.

* * *

Приведи бог и собачке свою конуру!

У нашей хозяйшки все в работе: и собаки посуду моют.

Кто вперёд суется, того и собаки едят.

Починил дед клетку, что и собаки лазят.

Баргест

В английском фольклоре нечистый дух, который обычно принимает облик чёрной собаки с огромными горящими глазами.

Обретается этот зверь в глухих лесах Северной Англии, чаще всего в Йоркшире. Знающие люди говорят, что он является воплощением *буги* – духа зловредного, но мелкого, и потому не особо опасного.

Те, кому «посчастливилось» увидеть баргеста, описывают его как большую чёрную лохматую собаку с пылающими глазами-плошками. Кое-кто успел разглядеть у призрачного зверя также огромные клыки. Некоторые уверяли, что у него имеются длинные когти (что для собак нетипично) и даже острые рога (чего у псовых отродясь не бывало). Впрочем, к показаниям свидетелей следует относиться осторожно, ведь каждый из них пережил сильный страх. А у страха, как известно, глаза велики – не меньше баргестовых «плошек». Кроме того, было бы большой ошибкой причислять всех, кто встречался с баргестом, к убеждённым трезвенникам. Чрезмерное же употребление крепких напитков, как мы знаем, часто приводит к искажённому восприятию окружающей действительности.

Как и всякий мелкий бес, баргест причинить человеку большого зла не может. Поэтому достоверных сведений о том, что он кого-то покусал или тем более загрыз, нет. Его главная цель: испугать и напакостить. А это он делает мастерски, проявляя завидное упорство, выдумку и вредность. Фольклор старой Англии пестрит рассказами о его проделках. Типичный случай выглядит примерно так.

Некий джентльмен (фермер, моряк, мастеровой), побывав в городе и справив там деловую нужду, поздним вечером, а то и ночью, возвращается домой. Родной дом находится обычно в нескольких милях от города. Перед тем, как отправиться в путь, джентльмен для храбрости выпивает в пабе несколько кружек доброго эля. Вскоре торопливо идущий по пустынной ночной дороге путник слышит позади себя странные звуки. Они похожи на чьи-то быстрые шаги и слабое позвякивание цепи. Крепко сжимая в руках суковатую палку, джентльмен прибавляет шагу, но звуки не отстают. Тогда он, собравшись с духом, оглядывается, но на дороге никого не видит. Приободрившись, путник шагает дальше. Однако вскоре он опять слышит те же самые звуки и чувствует, как рубашка прилипает к его вспотевшей спине, а под шляпой начинают шевелиться волосы. Когда до дома остаётся всего двести-триста ярдов, джентльмен не выдерживает и пускается наутёк. Но в конце пути его ждёт новое испытание. Добежав до родного крыльца, он видит на нём какую-то чёрную тушу, которая быстро принимает вид большого лохматого пса. В темноте красным пламенем горят его глаза-блюдца, а в оскаленной пасти белеют острые клыки. Отчаяние придаёт джентльмену смелости, и он, не помня себя, замахивается на пса и кричит: «Проваливай отсюда! Слышишь? Проваливай!» Однако наглый зверь даже не шевелится. Потрясённый джентльмен в испуге продолжает на него орать и размахивать палкой. К счастью, на его крик из дому выходит жена. Эта дородная леди, о крутом норове которой знает вся округа, набирает полную грудь воздуха и... При первых же звуках её оглушительно-визгливой тирады глаза пса сужаются до красных точек, а сам он, позвякивая невидимой цепью, галопом убегает прочь. Взволнованные супруги, выигравшие схватку с нечистой силой, единодушно признают в ней баргеста.

Следует сказать откровенно: не всегда встреча с баргестом заканчивалась столь безобидно. Иногда она имела последствия самые печальные: человек, повстречавший на своём пути призрачного пса, со страху умирал. Такой трагический исход породил слухи о том, что встреча с баргестом предвещает скорую смерть. Но это не так: испуганные люди часто путаются в причинно-следственных связях и выдают предполагаемое за действительное. Впрочем, есть

сообщения о том, что в окрестностях Лидса баргест появляется перед смертью выдающегося человека, и за ним с лаем и воем следуют все собаки селения⁴⁵.

Как бы там ни было, но и в наши дни, а точнее ночи, в Йоркшире можно услышать заунывный вой. Это воеет в тоске и печали баргест. Он, как известно, преследует лишь тех, кто его боится. А таких в современной Англии почти не осталось. Кроме, может быть, непослушных детей, которых взрослые пугают большой чёрной собакой с огромными огненными глазами. Но дети по ночам не гуляют, а спят в своих уютных кроватках.

Вот почему так грустно воеет всеми забытый баргест.

⁴⁵ Волшебные существа... С. 260.

Белая лисица

Персонаж японского фольклора: лиса-оборотень, ставшая женой человека.

Героиня японской сказки «Жена-лисица»⁴⁶ – волшебная лиса *кицунэ*, причём *кицунэ*, если так можно выразиться, самого высокого ранга: белоснежная девятихвостая лиса, прожившая на свете более тысячи лет.

Ниже приводится фрагмент сказки в переводе В. Марковой.

«В старину, в глубокую старину, были у одного *микадо* охотничьи угодья на горах, богатые зверем и птицей. Как-то раз устроили для него *кэраи* облаву на лисиц.

Вдруг выскочила из кустов тысячелетняя белая лисица, притаилась у самых ног одного *кэрая*, по имени Ясунари, и просит-молит его со слезами:

– Смилуйся, пощади меня! Оставь мне жизнь хоть до того дня, когда я от бремени разрешусь.

Пощадил Ясунари белую лисицу, отпустил её на свободу. Узнал про это *микадо* и сослал виновного в далёкий пустынный край. Была у Ясунари молодая жена, по имени Кудзуноха – Листок плюща. Не поехала она вслед за мужем в изгнание, осталась в столице. А Ясунари так по ней тосковал, что занемог тяжёлым недугом. Десять верных слуг, не покинувших его в беде, заботливо за ним ухаживали, но помочь ничем не могли. Ясунари словно таял. Видно было, что уж немного дней осталось ему жить на свете, но жена всё не приезжала.

Узнала про это белая лисица, приняла образ его молодой жены и отправилась к больному. Но только хотела она войти в дом, как замерла у порога. Амулет, наклеенный на двери, заградил ей путь.

Стала она просить слуг: «Сорвите амулет!» Сняли амулет – и только тогда смогла лисица-оборотень войти в дом. Обрадовался Ясунари, что жена наконец-то к нему приехала, и с того часа начал быстро поправляться. Через год родился у белой лисицы сынок, и назвали его Досимару⁴⁷.

Прошло немало времени с тех пор, как сослан был Ясунари, и вот *микадо* даровал ему долгожданное прощение. Только тогда приехала Кудзуноха навестить своего мужа. И что же! Видит: место занято. Живёт в доме другая Кудзуноха, похожая на неё, как одна капля воды. И сынок у мужа от той женщины родился: Досимару.

Глядя на них обеих, никто – даже сам Ясунари – не мог понять, которая же из двух настоящая его жена.

Тогда велел им Ясунари считаться годами. Сочли обе жены свои годы, и вышло, что лисице Кудзуноха исполнилось тысячу три года, а настоящей Кудзуноха всего тридцать три года.

Пришлось белой лисице уходить. Написала она со слезами прощальное письмо:

Кому я ещё дорога,
Тот в дальнем лесу Синода
Пускай навестит меня.

Досимару любил белую лисицу, ведь она была его родной матерью. Он пошёл навестить её в лесу Синода. Радостно выбежала к мальчику белая лисица:

– Добро пожаловать, сынок! – и подарила ему камышовую палку.

⁴⁶ Золотая книга... С. 236 – 238.

⁴⁷ По другим источникам, сыном лисы Кудзуноха был знаменитый мистик эпохи Хэйан (VIII – XII вв.) Абэ-но Сэймэй.

С тех пор Досимару с этой палкой не расставался».

Палка была не простой, а волшебной. С её помощью сын белой лисицы преодолел множество, казалось бы, непреодолимых препятствий, одержал победу над злым чародеем и вылечил от тяжелой болезни самого микадо. А в конце – с богатыми дарами вернулся домой.

Рассказ о несчастной любви кицунэ к Ясунари не должен вызывать особого удивления: сожительство лисицы и человека – сюжет в японской народной мифологии (а также в китайской и корейской) давно и широко известный (см.: *Хули-цзин*; *Кицунэ*; *Кумихо*). Удивляет другое: почему белая лисица не смогла спастись от стрел охотников без посторонней помощи, куда делась её магическая сила. Скорее всего, виноват сильный стресс – растерялась бедная лисица перед лицом смерти, запаниковала. И эта присущая всем живым существам слабость лишней раз указывает на двойственную природу кицунэ – земную и потустороннюю – и вызывает у читателя чувство симпатии и сострадания к белой лисице, которой так и не удалось стать настоящей женой человека.

Белая сука

Мифологический персонаж.

Образ белой суки встречается в мифологиях многих народов и особенно часто – в кельтской культуре. Этот образ, как правило, причастен миру сакральному, мистическому, потустороннему. Вот несколько примеров.

Царевича Килуха, мчащегося на белом коне к своей возлюбленной, сопровождают две ослепительно-белые суки в ошейниках-самоцветах; здесь белые животные – знак того, что целомудренного юношу впереди ждут сверхъестественные приключения и всепобеждающая любовь (см.: *Дридвин*)...

Свора Аннуина, врывающаяся по ночам в земной мир, – тоже сплошь белая, и только огненно-красные уши и глаза выдают её загробное происхождение (см.: *Кон Аннон*)...

Предметом всеобщего поклонения жителей Холодной Страны является белоснежная красавица – волшебная собака *Файл Иннис*, за обладание которой вынуждены сражаться ирландские братья-витязи...

Издавна белый цвет символизирует такие понятия, как чистота, святость, девственность, мудрость, правда. Он – непрменный атрибут многих ритуалов и религий. Белоснежные одежды носили жрецы Осириса и Зевса, древнеримские весталки, кельтские друиды и славянские волхвы. В православии белый используется во всех богослужениях от Пасхи до Троицы. Повседневный наряд папы – тоже белого цвета. Белые лилии – символ непорочной Девы Марии. Белыми были священные лошади у греков, римлян, кельтов и германцев, белыми были и священные слоны в странах Юго-Восточной Азии. В добрых зверей – французского *Белого волка* и ирландского *Белого пса* – превратили злые волшебницы славных рыцарей. Белая сука вскормила похищенного сатаной малютку – будущего св. Стефана (см.: *Кормилицы*). И подобных примеров можно привести много.

Однако есть на земле культуры, которые не придерживаются указанной традиции. Например, китайцы и японцы считают белый цвет цветом скорби. В японской сказке добрый пёсик, погибший мученической смертью, носит кличку Белый пёс (см.: *Дух Белого пса*). А люди племени пампальякта (Южная Америка) уверены, что белая собака – это собака-изгой и ей доверять нельзя.

Образ Белой суки как носительницы женского начала несёт в себе идею продолжения жизни, плодородия, рождения нового. Это можно проиллюстрировать мифом о возникновении виноделия у древних греков.

После потопа, устроенного разгневанным Зевсом, на земле уцелели только праведный Девкалион да его жена Пирра. У них родилось трое сыновей. У младшего, царя озолийских локров Оресфея, была белая сука, которой он очень дорожил. Однажды, ко всеобщему удивлению, сука оценилась некоей деревянной палочкой. Прозорливый Оресфей велел посадить деревяшку в землю и регулярно её поливать. Вскоре диковинный прутик пустил корни, и из него вырос незнакомый куст – первый виноградный куст на земле. Так, благодаря щедрому подарку Белой суки, в Элладе появился виноград и люди научились делать из него вино, а локры с тех пор стали называться озолийскими (греческое слово *озой* означает «побег, отросток»). Кстати сказать, старший брат Оресфея Амфиктион продолжил семейную традицию: он подвизался в свите «пьяного» бога Диониса и был первым, кто смешал вино с водой. Безусловно, это было полезное изобретение, потому что полученный коктейль лучше утолял жажду, был мягче на вкус, а самое главное, не доводил пьющего до скотского состояния. Некоторые, правда, оспаривают приоритет Амфиктиона – они утверждают, что подлинным автором указанного изобретения был безымянный мошенник-виноторговец. Как бы там ни было, но пить неразбавлен-

ное вино считалось у эллинов дурным вкусом – по их мнению, так поступали только грубые варвары северных окраин.

Греческий миф о Белой суке, родившей виноградную лозу, вызывает закономерные вопросы. Если с окрасом собаки всё ясно (сакральная роженица должна быть в белом), то видовой выбор культурного героя, точнее, героини, загадочен: действительно, почему родоначальницей винограда стала именно собака, а не женщина или тесно связанная с миром растений дриада, или, на худой конец, корова. Какая связь между собакой и виноградом?

Существует ещё один миф о появлении вина в Греции. В нём рассказывается о трагической гибели первого винодела Эллады Икария, получившего виноградную лозу от бога Диониса, а также о смерти его дочери Эригоны и их белоснежной собаки *Майры*. Несчастному Икарию пришлось напоить землю собственной кровью, чтобы «кровь земли» – вино – стало достоянием людей. В этой печальной истории, как и в предыдущей, переплелись судьбы людей, собак и виноградной лозы.

Анализ обоих мифов позволяет сделать предположение, что они являются отголоском древних тотемистских верований индоевропейских племён – предков ахейцев. На рубеже III – II тысячелетий до н. э. протогреки мигрировали из-за Дуная на Балканы и Пелопоннес. Земли, через которые они проходили, были местами исконного произрастания дикого винограда. И вполне возможно, что тотемом одного из таких племён, которое раньше других освоило процесс виноделия, как раз и была Белая сука.

Впрочем, спорность такого предположения очевидна, и мы вряд ли когда-нибудь узнаем, как развивались события на самом деле.

Сакральная Белая сука, кроме всего прочего, была прекрасной охотницей. Её можно было встретить во многих местах Земли. В лесах Кавказа она с доблестным Амирани охотилась на золоторогих туров (см.: *Курша* и *Гошия*). В Ирландии она привела в изумление суровых фениев, когда выпорхнула из-под юбки Красной Дамы, своей хозяйки, и завалила огромного оленя, которого безуспешно пыталась загнать вся знаменитая свора Финна (см.: *Бран*). А на соседнем острове Великобритания, в Уэльсе, на глазах короля Артура и его рыцарей Белая сука догнала волшебного белоснежного оленя и вцепилась ему в ногу. Это была удивительная история, и о ней стоит рассказать подробнее.

Произошла она на свадьбе короля Артура и красавицы Гвиневеры, дочери короля Лодегранса. После венчания король и новоиспечённая королева вместе с гостями пировали за Круглым Столом – подарком Лодегранса своему будущему зятю. Внезапно в самый разгар шумного веселья послышался многоголосый собачий лай и в пиршественную залу ворвался белый олень, которого преследовали тридцать пар чёрных как смоль гончих. Впереди всей своры неслась белая сука. Влетев в залу, она впиалась оленю в бедро, и тот, обезумев от страха и боли, скакнул через Круглый Стол. Один из рыцарей поймал на лету белую суку и выбежал с нею из замка. Через мгновение в залу на белом коне въехала раскрасневшаяся дама и, обращаясь к Артуру, взволнованно произнесла:

– Сэр, я прошу у вас защиты и справедливости! Белая сука, которую только что похитил рыцарь, по праву принадлежит мне. Велите её вернуть!

Ещё не успели затихнуть её слова, как в залу на могучем коне ворвался некий рыцарь. Он схватил даму и, несмотря на её крики и плач, силой увёз с собой.

Когда изумлённые рыцари пришли в себя, король Артур по совету Мерлина решил разобрататься в этих загадочных событиях до конца. Он поручил сэру Гавейну изловить и вернуть белого оленя, королю Пелинору – разыскать и доставить в замок даму и её похитителя, а сэру Тору – найти белую суку.

Получив наказ своего сюзерена, каждый из трёх рыцарей облачился в крепкие доспехи, взял оружие и отправился навстречу многочисленным и опасным приключениям – первым приключениям рыцарей Круглого Стола.

Сэр Гавейн понимал, что без собак все его попытки найти и догнать оленя обречены на неудачу, поэтому прихватил с собой свору гончих. Хвостатые следопыты напали на след зверя и стали его преследовать. Погоня длилась долго. Наконец собаки загнали оленя в какой-то замок и там его загрызли.

Внезапно из внутренних покоев замка вышел с обнажённым мечом рыцарь и на глазах Гавейна зарубил двух его собак.

– Зачем вы убили моих собак? – гневно спросил Гавейн. – Ведь они лишь сделали то, что положено им по природе. Лучше бы вы выместили свою злобу на мне, а не на бессловесной твари.

– Ты тоже получишь своё! – прорычал разъярённый рыцарь. – Сейчас ты сполна заплатишь за то, что затравил моего белого оленя, которого подарила мне моя госпожа.

И с этими словами он бросился на сэра Гавейна.

Сражение было упорным и жестоким. Рыцари разили друг друга с такой силой, что раскололи щиты, рассекли шлемы, разрубили кольчуги и кровь струилась по их ногам. Наконец сэр Гавейн изловчился и нанёс такой страшный удар, что рыцарь рухнул на землю и запросил пощады.

«– Нет, ты умрёшь, – отвечал сэр Гавейн, – за то, что убил ты моих собак.

– Я возьму урон, – сказал рыцарь, – по мере сил моих.

Но сэр Гавейн слышать не хотел о пощаде и отстегнул ему шлем, дабы отрубить голову.

Но тут из покоев выбежала дама и упала, закрыв его своим телом, и Гавейн, по воле несчастного случая, отсёк голову ей»⁴⁸.

Все были потрясены случившимся, особенно Гавейн. Он горько сожалел о том, что стал невольным убийцей преданно любившей дамы. Наконец, придя в себя, Гавейн заставил поверженного рыцаря под страхом смерти отправиться к королю Артуру и велел ему положить впереди седла одну убитую собаку, а позади – другую...

Приключения короля Пелинора, посланного на поиски похищенной дамы, были, надо признать, не менее кровавыми и постыдными. Цена его рыцарского подвига была такова: зарубленный в схватке рыцарь и оставленная в беде невинная дева, на коленях которой умирал её возлюбленный, получивший рану от некоего коварного рыцаря. Спешивший на подвиг Пелинор не помог им и на обратном пути увидел их мёртвые тела. Судьба жестоко отомстила Пелинору: Мерлин объяснил ему, что дева, напрасно взывавшая к нему о помощи, была его родной дочерью, которую родила владелица Рульская, и что, попав на закате жизни в злейшую беду, он будет предан своим лучшим другом.

А вот приключения сэра Тора, обещавшего королю Артуру привезти белую суку, не были омрачены столь низкими поступками, хотя тоже были обильно политы кровью.

В пути рыцарю Круглого Стола повстречался некий карла, который вынудил его сразиться с двумя неизвестными рыцарями. Сэр Тор не заставил себя долго ждать и смело вступил в поединок. Одержав двойную победу, он отправил поверженных соперников к королю Артуру, а сам продолжил путь. Но уже не один, а в компании карлы, который вызвался быть его слугой и обещал кратчайшим путём привести своего нового господина к вожделенной цели.

И действительно, вскоре путники подъехали к монастырю, у стен которого виднелись два шатра. Заглянув в один из них, рыцарь Круглого Стола увидел трёх спящих дев, а в другом – почивающую даму, у ложа которой лежала белая сука. Заметив чужака, собака громко залаяла. Обрадованный сэр Тор схватил её и передал карле. На шум из шатров вышли сонные девушки и дама. Увидев на руках у карлы белую суку, дама недовольным голосом спросила рыцаря:

– Сэр, неужели вы хотите отнять у меня мою собаку?

– Увы, это так. Я должен это сделать, ибо такова воля моего господина – короля Артура.

⁴⁸ Здесь и далее цитаты из кн.: Т. Мэлори. Смерть Артура. Пер. И. Бернштейн. М., 2007.

– Ну что ж, – раздражённо воскликнула дама, – вы об этом горько пожалеете, и очень скоро.

– Я готов отвечать за свои поступки, леди, и не боюсь ваших угроз, – с этими словами сэр Тор сел на коня и вместе с карлой и белой сукой отправился в обратный путь.

«Долго ехали они и вдруг слышат: нагоняет их рыцарь и громко их сзади кличет:

– Рыцарь, стой! Верни мне суку, что увёз ты у моей дамы!

Обернулся сэр Тор и увидел рыцаря, собой ладного, на добром коне и в полном вооружении. Тут загородился сэр Тор щитом своим и взял в руки пику. И ринулись они друг на друга, словно бы и не с дальней оба дороги, и сшиблись так, что рухнули оба наземь, и кони, и всадники. Но тут же вскочили на ноги, свирепые, точно два льва, обнажили мечи, заслонились щитами и ударили по щитам так, что во все стороны посыпались осколки. Разрубили они один другому шлемы, и вытекла горячая кровь наружу, и толстые кольчуги рассекли и разорвали, и побежала горячая кровь на землю. Множество нанесли они друг другу ран и оба обессилили.

Видит сэр Тор, что противник его слабеет, стал преследовать он его ещё неотступнее и удвоил свои удары, и вот повалился тот боком на землю. Говорит ему сэр Тор: «Сдавайся!»

– Не бывать тому, – отвечал Абелеус, – покуда есть во мне жизнь и душа остаётся в моём теле, не сдамся, если не возвратишь ты мне мою суку.

– Не бывать и этому, – отвечал сэр Тор, – ведь такой мне был назначен рыцарский подвиг, чтобы привезти собаку, или тебя, или вас обоих.

Вдруг скачет к ним, торопится, девица на лошади и громким голосом кличет сэра Тора.

– Что надобно вам от меня? – спросил её сэр Тор.

– Молю тебя, – отвечала девица, – заклинаю именем короля Артура, обещаю, если ты настоящий рыцарь, дать мне то, о чём я попрошу, благородный витязь!

– Ладно, – сказал сэр Тор, – спрашивайте, и вы это получите.

– Грамерси, – отвечала девица. – А теперь прошу у вас голову этого лживого рыцаря Абелеуса, ибо он – недостойнейший из живущих на земле рыцарей и величайший убийца...

– Мне не хотелось бы отдавать вам обещанный дар, – сказал сэр Тор. – Пусть лучше этот рыцарь возместит вам всё, в чём он против вас повинен.

– Нет, – отвечала девица, – это невозможно, ведь он у меня на глазах зарезал моего родного брата, который был рыцарь получше, чем он, – не из тех, что не ведают милосердия; я же целых полчаса простояла перед ним в грязи на коленях, думала, спасу жизнь брата, который ничем перед ним не провинился, но сражался с ним в поединке, положившись на бранную удачу; но, как я ни молила, он всё равно отсёк ему голову. И потому я требую от тебя, как есть ты настоящий рыцарь, отдай мне то, что посулил отдать, иначе я опозорю тебя перед всеми при дворе короля Артура, потому что этот рыцарь – лживейший из живущих на земле и злейший губитель людей, в особенности же – славных рыцарей.

Когда услышал всё это Абелеус, то испугался и поспешил сдаться, прося пощады.

– Нет, теперь это невозможно, – отвечал ему сэр Тор, – иначе выйдет, что я не держу своих обещаний. А ведь раньше, когда я предлагал вам сдаться, вы не пожелали просить у меня пощады, пока я не верну вам белую суку, которую мне было назначено достать.

И с этими словами сорвал он с него шлем, а тот поднялся на ноги и побежал, но сэр Тор нагнал его и отсёк ему голову долой».

Это было последнее приключение сэра Тора на его пути к замку Камелот. И уже на следующий день он с белой сукой на руках въехал во двор замка, где его радостно встретили король Артур, королева Гвиневера, рыцари и придворные дамы.

Так закончилось первое приключение рыцарей Круглого Стола.

Как видим, Белая сука артуровских времён тоже хранит в себе немало тайн. Создаётся впечатление, что известные нам средневековые истории с её участием – это небрежно склеенные фрагменты каких-то других, неведомых нам преданий и легенд. И, как знать, может, в

архивах какого-нибудь монастыря пылятся старинные манускрипты или инкунабулы, которые когда-нибудь расскажут нам о новых удивительных приключениях известных и неизвестных героев, среди которых мы встретим и загадочную Белую суку.

Белый волк

В сказочном французском фольклоре зверь, в которого злокозненная фея превратила молодого рыцаря.

Однажды, в разгар праздничного веселья в рыцарском замке, злая фея обратила всех гостей в колючий куст роз, а гостеприимного хозяина-рыцаря – в большого белого волка. По прихоти феи белый волк должен был охранять розовый куст и только по ночам он мог принимать свой прежний облик молодого рыцаря.

Ветви заколдованного куста были усыпаны алыми бутонами – казалось, в тёмно-зелёной листве горят огоньки невидимых свечей. Бутонов было ровно столько, сколько гостей веселилось в замке в ту злополучную ночь. Однако истинным украшением куста был единственный распутившийся цветок – душистая белоснежная роза. Она удивляла не только своей чарующей красотой, но и умением говорить. Это была говорящая роза! Днём она пела и беседовала с безмолвными бутонами, и её песни были полны тоски и печали, словно жалобные стоны осеннего ветра. А по ночам она лишь горестно вздыхала и тихо роптала на жестокую судьбу. Её головка всегда была опущена, на её нежных лепестках не просыхали росинки-слёзы – потому что она знала о страшном заклятье феи: злые чары рассеются лишь тогда, когда на кусте распустятся все бутоны. А это произойдёт лишь в том случае, если в замок явится дева с чистым сердцем и доброй душой и полюбит белого волка. Однако было ещё одно условие: дева должна хранить в тайне всё, что увидит и услышит в замке. И это условие, как вы понимаете, было невероятно трудным – практически невыполнимым. Вот отчего так печалилась белая роза.

Однажды, в один из летних дней, во дворе замка раздалось громкое рычание – это белый волк кинулся на того, кто посмел сорвать белую розу. Наглым вором оказался седой старик. Он побелел от ужаса, когда увидел перед собой оскаленную пасть зверя, и его рука, сжимавшая сорванный цветок, забилась крупной дрожью.

– Как ты посмел забраться в мой двор и сорвать белую розу! – прорычал белый волк. – За это ты заплатишься собственной жизнью, я разорву тебя на куски!

Воришка, дрожа и заикаясь, с трудом выдавил:

– Ради бога, отпустите меня! Я верну вам розу.

– Нет-нет, – ответил волк, – ты умрёшь!

– О бедный я, несчастный! – простонал старик. – В тот самый миг, когда я наконец-то раздобыл для своей младшей дочери говорящую розу, я должен умереть. О горе мне, горе! – И по его морщинистому лицу потекли слёзы.

– Для твоей младшей дочери? – переспросил волк и после небольшой паузы добавил: – А теперь успокойся и расскажи всё по порядку. Только говори правду!

Старик сглотнул подступивший к горлу ком и начал свой рассказ.

– Я – купец, родом из Тулузы, – сказал он. – Перед тем как уехать по торговым делам из дому, я спросил у дочерей, что им привезти в подарок. «Привези мне, отец, нарядное платье», – ответила старшая дочь. «А мне – колечко с голубым камешком», – попросила средняя. «А что же ты молчишь?» – обратился я к самой младшей. «Мне ничего не надо», – ответила она. «Как ничего не надо? Я привезу твоим сёстрам подарки, а ты останешься ни с чем? Так не годится». – «Ну, хорошо, отец, – сказала она, – привези мне говорящую розу». – «Да разве есть на свете говорящая роза?» – удивился я. Но дочь мне ответила: «Хочу только эту розу».

И вот, закончив все свои дела, я отправился на поиски говорящей розы.

Однако, где бы я ни был, кого бы ни спрашивал, – никто ничего не слышал про говорящую розу. Я был в отчаянии. Мне казалось, я никогда не исполню просьбу дочери.

А вчера я прибыл в ваши края. Побродив по городу, я убедился, что и здесь никто не знает, где найти этот волшебный цветок. И вот сегодня утром я отправился за город и увидел

ваш замок. Я решил рассмотреть его поближе и подошёл к ограде. И вдруг я услышал песню. Это была грустная песня. Её пел тонкий серебряный голосок. Меня одолело любопытство, и я заглянул в щёлочку. То, что я увидел, заставило меня застыть от удивления: песню пела белая роза! Не может быть, подумал я, наверно, мне всё это снится. Затем, придя в себя, я собрался с духом и пробрался во двор.

Старик умолк, обречённо опустил голову и тихо добавил:

– Остальное вы знаете, господин волк...

Наступила тишина. Её нарушил голос волка:

– Ну хорошо, – задумчиво произнёс он. – Я, пожалуй, тебя помилую и даже позволю тебе оставить белую розу у себя. Но с одним условием: ты вернёшься домой, подарить цветок дочери, а затем приведёшь её в этот замок. И никому об этом не скажешь. Поклянись, что всё в точности исполнишь, и тогда я тебя отпущу.

Бедняга старик поклялся и отправился в обратный путь.

Через несколько дней в ворота постучали. Это вернулся купец. Рядом с ним стояла его младшая дочь. В руке она держала белую розу. Волк их приветливо встретил и проводил в замок.

И тотчас во дворе распустились три душистые алые розы. Они нежными голосами запели весёлую песенку.

В гостиной замка белый волк пригласил купца и девушку к столу с изысканными кушаньями, и проголодавшиеся гости с удовольствием приступили к трапезе.

После сытного обеда белый волк повёл такую речь:

– Вы, очевидно, догадались, что находитесь в заколдованном замке. Его опутала чарами коварная фея. Меня, хозяйина замка, она превратила в белого волка, а моих гостей – в розовый куст. К счастью, по ночам я могу принимать свой истинный облик. А утром я вновь превращаюсь в зверя и сторожу розовый куст.

Затем волк обратился к дочери купца:

– Однако твоё появление, о прекрасная дева, избавит нас от колдовского гнёта, и мы станем теми, кем были раньше. Посмотри в окно: сегодня на кусте расцвели первые розы. Это добрый знак! Когда распустятся все бутоны, страшное волшебство утратит свою силу и розы вновь станут кавалерами и дамами, я – рыцарем, а под сводами замка заиграет весёлая музыка. И тогда, о несравненная дева, я отдам тебе своё сердце и ты станешь хозяйкой этого замка. Однако это сбудется лишь при одном условии: если ты никому не расскажешь о том, что происходит в замке. Посмотри, что выложено разноцветными камнями на полу и написано на стенах: «Храни тайну!» Поклянись же, что ты сохранишь всё в тайне!

– Клянусь! – взволнованно произнесла девушка.

Ночью поражённая гостья увидела перед собой стройного молодого рыцаря, необычайно красивого и галантного, и страстно в него влюбилась. А утром услышала за окном тоскливый волчий вой и расплакалась.

Вернувшийся домой купец был атакован любопытными домочадцами. Однако на все их вопросы глава семейства отвечал лишь одно: младшая дочь находится в замке своего возлюбленного. И как ни старались жена и дочери, но выпытать у него больше ничего не смогли. Когда же неудовлетворённое женское любопытство достигло предела, мать с дочерьми обратились к местной ворожее. Седая горбунья раскинула карты и сообщила им, в каком месте находится беглянка.

Первой в заколдованный замок отправилась средняя дочь. Но все её старания были напрасны: ни слёзные просьбы, ни уговоры, ни угрозы – ничто не могло заставить младшую сестрицу нарушить клятву. Таким же неудачным был и визит старшей дочери. И тогда в путь отправилась мать. Прибыв в замок, она стала настойчиво расспрашивать дочь, что с нею про-

изошло. Девушка долго крепилась, но мать её так просила, так умоляла, что она в конце концов не выдержала и открыла тайну.

«Тотчас у двери послышался страшный вой. Девушка в страхе вскочила. Но едва она успела добежать до порога, как белый волк упал мёртвым у её ног»⁴⁹.

А во дворе посыпались лепестки алых роз...

⁴⁹ Французские... С. 293.

Белый пёс

В ирландском фольклоре пёс, в которого королева волшебной Страны Юности превратила одного рыцаря.

Это был белоснежный красавец-пёс, настоящий ирландский волкодав – сильный, храбрый и умный. Именно в него превратила мстительная королева Страны Юности прекрасного рыцаря. Никто уж теперь и не вспомнит, чем её прогневил несчастный воин. Но по её злой воле суждено ему было полжизни пребывать в облике пса, если не найдёт он себе в Ирландии жены и не проведёт с нею три ночи подряд в доме её отца. И ещё было условие: если до истечения этих трёх ночей собачью шкуру рыцаря сожгут, то он должен будет вернуться в Страну Юности и жениться на тамошней королеве.

В те времена в Десмонде, одном из королевств Ирландии, правил король О’Хара, счастливый отец трёх дочерей. Принцессы были уже на выданье, хотя в душе ещё оставались шаловливыми девчонками. Вот и сейчас, когда родители с большой свитой отправились по государственным делам к соседнему королю, они пробрались в королевскую гардеробную и стали примерять отцовскую волшебную мантию.

Первой её накинула на себя старшая дочь и загадала: «Пусть моим мужем будет самый красивый мужчина, который когда-либо жил под солнцем!» И вот к парадному подъезду королевского замка четвёрка чёрных лошадей лихо подкатила золотую карету. Из неё вышел писанный красавец. Он галантно подал старшей принцессе руку, усадил её в карету, и они умчались.

Проводив завистливым взглядом укатившую в золотой карете сестру, средняя королевская дочь торопливо накинула на себя волшебную мантию и тоже загадала самого красивого мужа. И тотчас к крыльцу подъехала запряжённая парой чёрных и парой белых лошадей золотая карета. Вышедший из неё красавец пылко поцеловал принцессу и увёз её с собой.

Воодушевлённая увиденным, самая младшая из принцесс накинула на плечи волшебную мантию и прошептала заветное желание: «Хочу, чтобы у меня был самый лучший белый пёс на свете!» И чудо случилось: подкатила запряжённая четвёркой белых лошадей золотая карета. Из неё выскочил невиданной красоты белоснежный пёс. Он нежно облизал руки счастливой принцессы, проводил её в карету, и они умчались вдаль.

Вернувшийся домой король узнал, что его младшая, самая любимая, дочь выбрала себе в мужья белого пса, и страшно разгневался, но поделать уже ничего не мог.

Писанный красавец-муж привёз молодую жену домой и спросил её:

– Каким ты хочешь видеть меня днём – таким, каков я сейчас, или таким, каким я бываю ночью?

– Таким, каков ты сейчас, – ответила старшая дочь короля.

И её муж днём был распрекрасным красавцем, а ночью превращался в тюленя.

То же произошло и с мужем средней дочери короля: по её выбору, днём он был красавцем, а ночью – неуклюжим тюленем.

Спросил и белый пёс свою жену, каким бы она хотела его видеть днём.

– Таким, каким я вижу тебя сейчас, – ответила она.

И днём белый пёс оставался белым псом, а ночью превращался в прекраснейшего из мужей.

Шло время. Утих гнев короля, и королевская чета решила пригласить своих дочерей с мужьями в гости и устроить в их честь пышный праздник.

Дочери с радостью приняли приглашение и в условленный день и час прибыли с мужьями во дворец. Когда все собрались, король, который не мог смириться с позором младшей дочери, решил прогнать белого пса из королевской залы. Разумеется, принцесса вступилась за своего мужа и не отпускала его от себя ни на шаг, делаясь с ним праздничным угощением.

Но вот отгремела музыка, разъехались гости и погасли свечи – праздник закончился. Дочери с мужьями разошлись по своим опочивальням.

Поздно ночью любопытная королева решила посмотреть, как устроились её дети. Они уже спали. Войдя к старшей дочери, бедная королева чуть не лишилась чувств – рядом с её дочерью в постели лежал настоящий тюлень! Не меньший испуг она испытала и в комнате средней дочери, возле которой тоже храпел тюлень! Потрясённая королева направилась к самой младшей из дочерей и застыла в изумлении – рядом с дочерью спал самый красивый мужчина, которого ей когда-либо доводилось видеть в своей жизни! Возле него на полу лежала шкура белого пса. Обрадованная королева тихонько велела служанке бросить шкуру в горящую печь. Но стоило шкуре попасть в огонь, как она оглушительно затрещала и разбудила всех обитателей замка. Вскочивший муж младшей принцессы, поняв, что произошло, схватился за голову и тяжело застонал. Встревоженная жена спросила его, что случилось.

– Случилось непоправимое, – горько произнёс муж. – Если бы я три ночи провёл с тобой под крышей твоего отца, то навсегда вернул бы себе прежний облик и был бы человеком как ночью, так и днём. А теперь, когда до этого срока сгорела моя собачья шкура, я должен вернуться в Страну Юности к околдовавшей меня королеве и стать её мужем. Увы, не в моей власти остаться с тобой, и мы должны расстаться навсегда.

Рыцарь подошёл к своей любимой, нежно обнял её и, глотая слёзы, прошептал:

– Прощай. Мы никогда больше не увидимся.

Затем крепко её поцеловал и стремительно покинул замок.

Безутешно рыдала потрясённая принцесса, ибо потеряла самое дорогое на свете – своего Белого пса. Не мыслила она жизни без любимого и отправилась на его поиски.

Её долгий и трудный путь был обильно полит горячими слезами. Не раз холодное отчаяние и чёрная тоска впивались острыми льдинками в её сердце, не раз доводилось ей спать на сырой земле, мёрзнуть и голодать. Но сквозь все невзгоды и испытания, сквозь все лишения и страдания её вели два великих чувства – надежда и любовь! И ещё доброта. С кем бы судьба ни сводила принцессу на её долгом пути, она всегда находила в себе силы, чтобы помочь слабому и обиженному, бедному и униженному, и люди платили ей добром за добро.

Наконец мучительный путь остался позади. И вот утомлённая принцесса растерянно смотрит на неприступные стены замка, в котором злая королева-колдунья недавно сыграла свадьбу с Белым псом. Но как пробраться в замок, как повидать любимого? Не найдя ответа, отчаявшаяся странница бессильно опустилась на землю и горько заплакала. Вдруг сквозь слёзы она увидела, как на ветку шиповника села какая-то пичужка и, распустив крылья, громко засвистела. И тут принцесса вспомнила про волшебный свисток, который ей подарила нищая старуха.

...Однажды в пути принцесса присела, чтобы отдохнуть и подкрепить свои силы. И только она достала из корзинки последнюю лепёшку, как перед нею возникла грязная, оборванная старуха. Она дребезжащим голосом пожаловалась, что уже третий день у неё во рту маковой росинки не было и что она в своём дырявом рубище сильно озябла. Принцесса сняла с себя дорожную шаль и набросила на костлявые плечи продрогшей нищенки, а затем отдала ей лепёшку. Благодарная старуха подарила принцессе волшебный свисток и сказала, что стоит только в него посвистеть, как тут же явится множество птиц и зверей, чтобы помочь ей в трудную минуту...

Вытерев слёзы, принцесса достала из корзинки свисток и свистнула. Сразу же к ней слетелись птицы и сбежались звери, и она спросила у них, как ей быть.

– Не просто справиться с королевой-колдуньей, – ответил ей мудрый ворон.

Затем добавил:

– Убить её может только собственный муж. Только он может срубить могучий дуб, что растёт перед замком. В его дупле живёт баран, в баране – утка, в утке находится яйцо, а в яйце – сердце и жизнь королевы.

Поблагодарив мудрого ворона, принцесса написала записку и попросила горлицу незаметно её доставить Белому псу.

На следующий день, рано утром, принцесса свистнула в свисток, отобрала из явившихся зверей и птиц лису и ястреба, уложила их в корзину и спряталась за дубом.

Ждать пришлось недолго. Вскоре послышались шаги, и принцесса увидела идущего с топором на плече Белого пса. Он несколько раз ударил топором по дубу, и тот раскололся. Из дупла выскочил баран, его догнала лиса и растерзала на куски. Из барана вылетела утка, и на неё набросился ястреб. Из утки выпало яйцо и разбилось о землю. Раздался истошный вопль злой королевы, и стены замка рухнули!

А на зелёной лужайке слились в сладком поцелуе счастливая принцесса и счастливый Белый пёс.

Бисклавре

Бисклаврет («оборотень» по-бретонски). Персонаж бретонского фольклора; герой лэ Марии Французской.

Старинную бретонскую легенду об оборотне-бисклавре поведала великая поэтесса Средневековья Мария Французская.

О её жизненном и творческом пути, к сожалению, почти ничего не известно. Лишь два документальных свидетельства о ней дошли до наших дней: короткая запись в одном из манускриптов да строчка в эпилоге авторского сборника басен «Изопет». Первое свидетельство поистине бесценно – благодаря ему мы узнали её имя и место рождения: «Меня зовут Мария, я родом из Франции». А в эпилоге поэтесса уточняет, что родилась она в Иль-де-Франс (историческая область с центром в Париже). Впрочем, есть веские основания полагать, что её родиной является всё же Нормандия – северо-восточная часть Франции, завоёванная и заселённая в X в. викингами. А большую часть жизни она, скорее всего, провела в Англии при дворе королевы Альеноры Аквитанской, супруги английского короля Генриха II. Было это во второй половине XII – начале XIII веков.

Кроме упомянутых басен, поэтесса написала ряд других прозаических и поэтических произведений, в числе которых знаменитые лэ, принёсшие ей прижизненный успех и посмертную славу.

Слово «лэ» – кельтское; первоначально оно обозначало музыкальное сопровождение выступлений бардов, декламировавших свои стихи. Затем так стали называть небольшую стихотворную новеллу лиро-эпического характера. Самые ранние дошедшие до нас лэ (а они, как полагают, принадлежат перу Марии Французской) являются поэтическим переложением бретонских преданий и легенд.

Одна из таких легенд повествует о безымянном рыцаре-бароне из Бретани, чья судьба, как и судьба рассказавшей о нём поэтессы, окутана покровом тайны и вызывает множество вопросов. Как звали героя? Когда и где он жил? Какому королю служил? Что заставило его стать бисклавре: божья кара? чужая злая воля? собственное извращённое желание? С помощью каких заветных слов и действий превращался он в кровожадного волка? Зачем открылся любимой супруге?.. Подобные безответные вопросы можно множить и множить.

... Судьба была благосклонна к молодой баронессе. Совсем недавно она стала женой зеленоглазого, рыжебородого красавца – владельца богатого замка и окрестных земель, любимца короля, смелого воина и азартного охотника. Счастливый барон не чаял в ней души и потакал любым её прихотям и желаниям. Одно лишь омрачало безмятежное счастье баронессы: каждый вторник, рано утром, когда сон особенно сладок, барон куда-то исчезал. Исчезал быстро и незаметно, не сказав никому ни слова. И так же скрытно, без всяких объяснений, каждую пятницу появлялся в замке вновь. С виноватой улыбкой он подходил к жене и дарил ей утренний поцелуй, а в его глазах читались напряжённое ожидание и затаённый страх. Баронесса в ответ вежливо улыбалась и делала вид, что ничего необычного не происходит. Хотя в её душе пылал настоящий пожар – там были и обида, и недоумение, и горечь, и просто женское любопытство. А ещё ревность – жгучая и всепоглощающая, от которой темнеет в глазах и перехватывает дыхание. Где этот рыжий повеса пропадал? С кем проводил время? Кого ласкал в своих жарких объятиях? А может, женщина здесь ни при чём? Тогда что же? Колдовство? Чёрная магия? Сатанинские утехы? Но баронесса умела скрывать свои чувства, и с её уст не слетало ни единого слова упрёка. Только глубокий вздох вырывался у неё из груди, когда она женским глазом замечала перемены в облике мужа: его мятый костюм, усталую походку, осунувшееся лицо, лихорадочный блеск зелёных, как крыжовник, глаз. Даже в его запахе, таком привычном и родном, она чувствовала что-то чужое и тревожное.

Шло время. И однажды баронесса не выдержала. Собравшись с духом, она спросила своего господина, куда он уходит, отчего покидает свою супругу. Быть может, он её разлюбил и нашёл себе другую? Барон, хоть каждый раз со страхом и ожидал этого вопроса, явно растерялся и смущённо попытался отшутиться. Но баронесса была настойчива, она вопрошала вновь и вновь. И вот услышала в ответ:

«Тебе то знание лишь во вред.
Я оттолкну любовь твою,
Коль расскажу, что я таю».⁵⁰

Однако баронесса была непреклонна: она заклинала мужа именем их любви, в тоске и муке заламывала руки, хваталась за сердце, а затем пустила в ход грозное оружие – женские слёзы. Барон был в отчаянии, он упал перед супругой на колени и стал её умолять ни о чём его не спрашивать. Наконец, не выдержав пытки женскими слезами, открыл ей страшную тайну:

«Я бисклавретом обратясь,
Бегу в лесов густую вязь,
Чащоб любимых синеву.
Своей добычей там живу».

Услыхав признание мужа, баронесса оцепенела от ужаса. Когда к ней вернулась способность говорить, она стала выпытывать у него, где он прячет свою одежду:

«Где, ради бога, ваш наряд?»
«Мадам, о том не говорят.
Ведь коль потеряна моя
Одежда будет, знаю я,
Что бисклавретом обращен
Останусь я до тех времён,
Как вновь её не получу.
Я рисковать так не хочу».

Но барона-бисклавре хватило ненадолго – вопли и упрёки супруги лишили его последних крох твёрдости и благоразумия, и он промолвил:

«Мадам, у той тропы лесной,
Которой я хожу домой,
Часовня старая одна.
Частенько служит мне она:
Лежит там камень у куста,
Под этим камнем пустота.
Под ним костюм я прячу мой
Доколе не пора домой».

Выведав главный секрет мужа, баронесса без промедления начала действовать. Она послала пажа к рыцарю-соседу, который давно и безнадежно её любил. Когда сосед явился, баронесса призналась ему в ответной любви и рассказала про супруга-оборотня. Хорошо всё

⁵⁰ Мария Французская. Лэ о Бисклаврете. Пер.: Нумие.

обдумав, любовники решили погубить Бисклавре, чтобы затем обвенчаться и прибрать к рукам его богатство.

Так они и поступили. Рыцарь-преступник выкрал из тайника одежду Бисклавре и принёс её баронессе-сообщнице.

Так Бисклавре на жизнь зверей
Был обречён женой своей.

Пропавшего барона искали долго и упорно, но, увы, безуспешно – он словно в воду канул. И через несколько месяцев бесплодные поиски прекратили.

Прошёл год, и в тех краях решил поохотиться король. Гончие взяли след огромного рыжего волка и гнали его целый день. Погоня завершилась на берегу залива: матёрого зверя окружила свора охотничьих собак. И тут на глазах у подъехавшего короля произошло чудо: волк присел на задние лапы, передние скрестил на груди и поднял к небу морду. Из его утробы вырвался невыразимо печальный, похожий на рыдание вой, а из его зелёных глаз покатались слёзы. Казалось, зверь в тоске и отчаянии оплакивает свою судьбу. Всё вокруг замерло, перестали даже деревья шуметь на ветру, и в наступившей тишине раздавался только щемящий голос зверя да испуганный храп лошадей. Но вот вой затих. Волк лёг на брюхо и пополз к королю. Оказавшись возле него, зверь робко привстал, заглянул венценосному всаднику в лицо и, не сводя с него глаз, стал лизать его сапог.

Король испуган, поражён.
Не медля, свиту кличет он:
«Идите все скорей сюда!
Дивитесь чуду, господа,
Как человек, смиренен зверь!
Он просит милости теперь.
Собак велите отвести,
Удар не смейте нанести!»

На том охота и закончилась. Король со свитой поспешил ко двору, рядом бежал Бисклавре.

С того дня волк стал всеобщим любимцем, так как повёл себя удивительно кротким и ласковым зверем. Особенно он привязался к королю и, как верный пёс, везде следовал за ним. Король тоже полюбил своего необычного друга и не отпускал его ни на шаг. Даже ночью не расставался с ним – Бисклавре спал в королевской опочивальне.

Однажды король по какому-то случаю устроил пир и пригласил всех своих вассалов. Прибыл и тот рыцарь, который женился на супруге пропавшего барона. Бисклавре, увидев своего обидчика, с яростью набросился на него, и, если бы не вмешательство короля, рыцарю-преступнику пришлось бы совсем худо. Все были изумлены неожиданным поступком волка, всегда такого добродушного и незлобивого, и долго ломали голову над тем, почему он напал на гостя, однако разумного объяснения так и не нашли. А израненный и испуганный рыцарь поспешно покинул королевский замок.

Как-то в один из погожих летних дней король со свитой отправился на прогулку. Местом прогулки был выбран лес, который когда-то принадлежал исчезнувшему барону. Как всегда, рядом с королём неотступной тенью бежал Бисклавре. Баронесса, узнав, что король появился в её владениях, решила выразить ему своё почтение и преподнести подарок. И вот она, наряженная и взволнованная, предстала перед властелином. Но не успела дама раскрыть рта, как на неё Бисклавре

В безумье прынул, как стрела –
Прекрасна месть его была:
Он откусил каналье нос.
Позорней рану кто б нанёс?

Все были поражены и напуганы поступком Бисклавре, а разгневанный король, не помня себя, велел зарубить наглого и жестокого зверя.

Волка спас мудрый советник. Он напомнил королю, что зверь кидался только на эту даму и её второго мужа.

«Та дама – рыцаря вдова,
Что прежде был так дорог вам,
Кто так давно потерян был.
Не знаем мы его судьбы.
Велите даму допросить,
Тогда откроем, может быть,
За что её не терпит зверь.
Коль знает, скажет пусть теперь.
В Бретани странные порой
Дела творятся, мой король».

Остыв, король повелел привести мужа пострадавшей дамы и учинил им обоим суровый допрос. Не долго упорствовала вероломная баронесса и вскоре во всём созналась. А в конце добавила: «У меня нет сомнения в том, что королевский любимец волк является тем самым оборотнем». Затем по приказу короля она принесла одежду Бисклавре. Однако когда костюм барона положили перед волком, тот только виновато заскулил и опустил голову. И тут ещё раз вмешался советник. Он сказал, что зверя с одеждой следует запереть во дворце в пустой комнате, ведь его превращение в человека сопряжено со стыдом и мучениями, поэтому он не хочет это делать при всех. Король последовал мудрому совету, и все поспешили во дворец. А там, выждав некоторое время, король и два его верных барона вошли в комнату, в которой был заперт волк с костюмом барона-бисклавре, и увидели то, что потрясло их до глубины души: на постели, разметавшись, сладко спал некогда пропавший барон. Король с радостным воплем бросился к своему любимцу, крепко его обнял и расцеловал.

Молва о чудесном преображении мигом разнеслась по всему замку, и все стали бурно выражать свою радость. По такому случаю счастливый король закатил пир! На пиру Бисклавре поведал свою печальную историю, у которой оказался такой счастливый конец. Затем король вернул своему преданному другу замок и все его земли и одарил богатыми дарами.

В конце своего лэ Мария Французская пишет, что вернувшийся домой Бисклавре изгнал из своего поместья баронессу и того, с кем она предала мужа. У преступной пары родилось потом немало детей.

Они известны меж людей
Их внешностью, чертами их:
Немало женщин той семьи
Без носа были рождены.
И это так! Дела дивны,
О коих рассказала я,
Но вся правдива песнь моя,

О Бисклаврете⁵¹ сложена,
В веках чтоб помнилась она.

⁵¹ Так в тексте.

Благоверная

Яблоко раздора между философом Ксанфом и его рабом Эзопом.

Давным-давно, ещё в VI в. до н. э., жил малоизвестный философ Ксанф.

Однажды он вместе со своими учениками побывал на невольничьем рынке и купил там себе раба. Это было настоящее страшилище: горбатое, с огромным животом, на тоненьких, кривых ножках, с рожей, на которую без слёз и смеха нельзя было взглянуть. Под стать внешности был и характер раба: въедливый, злопамятный, хитрый и упрямый. Звали его Эзоп. Тот самый Эзоп, который снискал в веках всемирную славу «отца мировой басни», великого мудреца и знатока человеческих душ.

В позднеантичное время неизвестным автором было написано «Жизнеописание Эзопа». Ниже приводится фрагмент из этого произведения (пер. М.Л. Гаспарова).

«...Однажды кто-то из учеников задал обед и позвал на него Ксанфа и других учеников. Ксанф говорит Эзопу:

– Возьми всё, что нужно для обеда, и ступай за мной. «Всё, что нужно» – это значит: корзину, блюдо, полотенце, сандалии, факел и ещё всё, что я мог забыть.

Эзоп собрал что надо и пошёл за ним.

За едой Ксанф выбрал несколько кусков и передал Эзопу; Эзоп их взял и положил в корзину. Ксанф обернулся и спрашивает:

– Всё у тебя есть: и первое, и второе, и третье?

– Всё, – говорит Эзоп.

– Отнеси теперь всё это моей благоверной, – говорит Ксанф.

– Ладно, – отвечает Эзоп.

Пошёл он прочь, а сам думает: «Вот теперь я могу отплатить моей хозяйке. Ничем ей не угодишь: когда меня купили, она надо мной смеялась и ругалась, а когда огородник подарил мне овощи, она их расшвыряла и растоптала, так что я даже не мог сделать приятное хозяйну. Вот теперь я покажу ей, что против верного раба жена ничего не стоит. Зря, что ли, мне хозяин сказал: «Отнеси моей благоверной»; посмотрим теперь, кто у него благоверная!»

Пришёл Эзоп домой, вошёл, поставил перед собой корзинку и кликнул Ксанфову жену. Показал ей на куски и говорит:

– Смотри, хозяйка, я тут ничего не потерял и не подъял.

– Вижу, – говорит хозяйка, – всё на месте и всё в порядке. Так это мне посылает хозяин?

– Нет, – говорит Эзоп.

– Кому же, коли так? – спрашивает хозяйка.

– Своей благоверной, – отвечает Эзоп.

– Ах ты разбойник, – говорит жена Ксанфа, – так кому же это, как не мне?

– Вот обожди немного, – говорит Эзоп, – и посмотрим, кто его благоверная.

Тут увидел он домашнюю собаку, что у них выросла, кликнул её и говорит:

– Сюда, Волчок, на, на!

Собака подбежала, и Эзоп скормил ей всю еду. Наелась собака, а Эзоп вернулся на пирушку и встал у Ксанфа в ногах.

– Ну как, – спрашивает Ксанф, – отдал?

– Отдал, – говорит Эзоп.

– Съела? – спрашивает Ксанф.

– Всё съела, – отвечает Эзоп.

– И не лопнула? – спрашивает Ксанф.

- Нет, – говорит Эзоп, – она была голодная.
- С удовольствием съела? – спрашивает Ксанф.
- Ещё как! – говорит Эзоп.
- И что она сказала? – спрашивает Ксанф.
- Ничего не сказала, – говорит Эзоп, – но всем видом выражала благодарность.
- Ну и я её отблагодарю, – говорит Ксанф.

Между тем жена Ксанфа сказала своим служанкам:

– Ну, девушки, больше я с Ксанфом оставаться не могу. Забираю моё приданое и уйду. Как? Чтоб я жила с ним, когда ему собака дороже меня! – И она в ярости затворилась у себя в спальне. <...>

Кончилась пирушка, все разошлись, и Ксанф отправился домой. Входит к себе в спальню и начинает приставать к жене с нежностями и поцелуями. А она от него отворачивается и говорит:

– Прочь от меня! Любишь себе со своими рабами, целуйся со своими псами, а мне отдавай моё приданое.

- Вот тебе раз! – говорит Ксанф. – Что мне тут ещё натворил мой Эзоп?
- Прочь! – кричит жена Ксанфа. – Ты эту суку кормишь, ты с ней и живи!
- Ну вот, – говорит Ксанф, – говорил я, что это Эзоп заварил кашу! Позвать сюда Эзопа! Эзоп явился. Ксанф к нему:

– Эзоп, ты кому еду отдал?

– Ты же сам мне сказал, – отвечает Эзоп, – отнеси моей благоверной.

– Ни крошки он мне не дал! – кричит жена Ксанфа. – Вот он стоит, пусть только попробует отпереться!

– Видишь, разбойник, – говорит Ксанф, – а она говорит, что ты ничего ей не дал!

– Постой, – говорит Эзоп, – ты кому велел отдать еду?

– Моей благоверной, – отвечает Ксанф.

– Так это она-то твоя благоверная? – спрашивает Эзоп.

– А кто же, по-твоему, злодей ты этакий! – кричит Ксанф.

– А вот сейчас увидишь, – говорит Эзоп. Подзывает собаку и показывает Ксанфу: – Вот кто у тебя благоверная! Жена у тебя тоже притворяется благоверной, но это ложь: из-за крошки еды она требует обратно приданое и хочет от тебя уйти, – и это, по-твоему, верность? А собаку ты можешь бить, лупить, драть и гнать, и она тебя не бросит, а всё простит, прибежит к хозяйину и будет вилять хвостом. Ты должен был сказать: «Моей жене», а не «Моей благоверной», потому что благоверная у тебя не жена, а собака.

– Видишь, голубушка, – говорит Ксанф, – вовсе это и не я виноват, а всё этот пустобрёх. Ты не сердись, я тебя не дам в обиду, а этот малый у меня ещё дождётся порки.

– Нет! – кричит жена. – С сегодняшнего дня ноги моей не будет у тебя в доме! – И, выскользнув вон, она убежала жить к своим родителям.

Прошло несколько дней, а жена Ксанфа всё упрячилась и упрячилась. Ксанф подсылает к ней приятелей – уломать её вернуться, а она не идёт. Видит Эзоп, что от такой беды хозяин совсем приуныл, подходит и говорит:

– Не горюй, хозяин! Завтра я устрою так, что она сама к тебе прибежит!

Взял он денег, пошёл на рынок, купил кур, гусей и прочей снеди и пошёл со всем этим восвояси, словно невзначай, мимо того дома, где жила Ксанфова жена. Тут он повстречал кого-то из челяди её родителей и спрашивает:

– Слушай, братец, у вас тут не продают ли гусей, кур и что там ещё подаётся на свадьбе?

– А на что тебе? – спрашивает тот.

– Мой философ Ксанф завтра женится! – отвечает Эзоп.

Тот бегом к Ксанфовой жене и обо всём ей докладывает. Только она это услышала, как бросилась со всех ног к философу и кричит на него:

– Ксанф, пока я жива, не бывать в этом доме другим женщинам!»⁵².

⁵² Эзоп... С. 56 – 61.

Благодарная лиса

Японская легенда о благородной лисе, которая пожертвовала своим лисёнком, чтобы спасти жизнь ребёнку, чей отец когда-то защитил от грозящей беды её детёныша.

У торговца Цунэмото заболел сын. Это был единственный ребёнок в семье. Ему не исполнилось ещё и десяти лет. Мальчишке становилось всё хуже и хуже. Врачи, испробовав всевозможные средства, бессильно разводили руками – болезнь казалась непобедимой. Наконец один старый доктор сказал, что ребёнка может спасти лишь свежая лисья печень. А если и она не поможет, добавил он, тогда уж не помогут никакие лекарства на свете.

Убитые горем родители не знали, что и делать. И тут Цунэмото вспомнил, что в горах живёт его давний знакомый Дзинсиро, и обратился к нему за помощью:

– Наш сынишка тяжело болен, и его может излечить только печень лисы. Но мы с женой не станем лишать жизни живое существо, даже если нашему ребёнку суждено умереть. Однако в тех местах, где вы живёте, часто охотятся на лис. Поэтому я прошу вас купить нам лисью печень – за любые деньги, сколько бы она ни стоила.

Дзинсиро принял беду Цунэмото близко к сердцу. Он высказал ему слова поддержки и утешения и заверил, что приложит все силы, чтобы в ближайшее время выполнить его просьбу.

На следующий день, поздним вечером, в дом Цунэмото постучали. Хозяин вышел и увидел незнакомого мужчину. После взаимных приветствий незнакомец представился посыльным Дзинсиро и сказал:

– Вчера вечером господину Дзинсиро удалось раздобыть печень лисы, и он послал меня, чтобы я её вам передал. О цене он сообщит позже.

И с этими словами мужчина вручил Цунэмото кувшин с содержимым. Торговец взял драгоценный груз, прижал его к груди, и сердце его наполнилось радостью. Он позвал жену, и они принялись благодарить посыльного за проявленную любезность, выразив надежду, что доставленное лекарство спасёт их сыну жизнь. Затем Цунэмото с женой стали обсуждать, какой подарок они могли бы вручить посыльному, оказавшему столь ценную услугу. Однако тот вежливо, но твёрдо от подарка отказался, заявив, что ему за всё уже заплатили. Отказался он и от предложения хозяев у них переночевать, объяснив, что поблизости живут его родственники, которых он уже давно не видел. После этого мужчина распрощался и растаял в ночной темноте.

К счастью, печень лисы оказалась настоящим спасением для больного ребёнка, и он стал быстро поправляться. Радости родителей не было предела!

На четвёртый день в дом Цунэмото заглянул Дзинсиро. Увидев дорогого гостя, супруги принялись его горячо благодарить за спасение сына, который уже начал вставать с постели. Однако обескураженный Дзинсиро никак не мог понять, за что его благодарят:

– Погодите! – воскликнул он. – Никакой я вам печени не посылал. Я пришёл сообщить, что ваша просьба осталась невыполненной: мне не удалось достать лисьей печени. Поэтому приношу свои извинения за то, что не смог вам помочь.

– Как же так?! – удивились супруги. – Три дня назад к нам явился человек и сказал, что он по вашему поручению принёс лисью печень. И, слава богам, она спасла жизнь нашему мальчику!

– Поразительно... Ничего не понимаю... – растерянно произнёс гость. А затем добавил: – Но я действительно не имею ни малейшего представления о том, кто послал вам печень.

Наступила неловкая пауза: все были поражены и смущены случившимся.

Наконец Дзинсиро промолвил:

– Здесь, должно быть, какая-то ошибка. Мне кажется, в этом деле надо хорошенько разобраться. – Он поспешно распрощался и ушёл, оставив в полном недоумении Цунэмото и его супругу.

В ту же ночь жену Цунэмото разбудили какие-то странные звуки. Она повернулась к мужу и увидела, что он сидит на постели и, обхватив голову руками, приглушённо стонет. Удивлённая женщина тронула его за плечо и спросила, что случилось. Цунэмото упал лицом на постель и, кусая подушку, горько зарыдал. Затем немного успокоился и, вытирая слёзы и всхлипывая, рассказал встревоженной жене следующее:

– Сейчас к моему изголовью явилась незнакомая женщина лет тридцати и сказала: «Я – лиса, живу у подножья холма за болотом. Прошлой весной, когда я вывела поиграть своих лисят, одного из них поймали какие-то мальчишки, и он спасся только благодаря вашей доброте. Желание заплатить за такую доброту не оставляло меня ни на минуту. Наконец, когда в ваш дом пришла беда, я подумала, что смогу воспользоваться этим. Болезнь вашего сына могла излечить лишь печень, взятая у живой лисы. Поэтому, чтобы отплатить за добро, я вынула печень у своего лисёнка, тем самым убив его, а затем мой муж, приняв облик посыльного, принёс её в ваш дом»⁵³. И когда она это говорила, по её щекам текли слёзы.

Цунэмото закрыл руками лицо и замолчал: ему было трудно говорить. После небольшой паузы он продолжил:

– Я тебе как-то уже рассказывал эту историю. Прошлой весной мы с товарищем пошли на болото собирать папоротник и вдруг увидели у подножья холма лисиц – они вывели своих детёнышей поиграть. Внезапно из-за холма выбежали трое мальчишек с бамбуковыми палками в руках. Взрослые лисицы бросились наутёк, а ребята окружили лисят и стали бить их палками. Те прыгнули во все стороны, однако одному лисёнку убежать не удалось: двое мальчишек схватили его за загривок и с радостными криками потащили прочь. Я спросил, что они собираются с ним делать. Старший из мальчишек ответил, что они продадут зверька своему соседу, который его сварит и съест. Мне стало жаль лисёнка, и я попросил ребят продать его мне. Ребята не соглашались. Но когда я выяснил, за какую плату они предполагали сбыть его в деревне, и предложил им вдвое больше, они согласились. Мальчишки привязали к шее пленника обрывок верёвки и передали его мне. Мы с другом осмотрели дрожавшего от страха лисёнка и заметили на его лапе рану. После недолгих поисков мы нашли целебную траву «лекарь Накасэ», скатали её листики пальцами и приложили к ране. Затем предложили лисёнку горсть варёного риса, но он есть не стал – очевидно, был сыт, а может, просто боялся. Тогда мы стали гладить пушистого малыша по спине и всячески его ласкать. Но тут прямо перед собой мы увидели взрослых лисиц, которые наблюдали за нами, сидя возле скирды рисовой соломы. «Смотри-ка, – сказал я другу, – мать и отец лисёнка вернулись из-за страха за его жизнь. Давай же освободим его!» Мы сняли с шеи лисёнка верёвку и повернули его головой туда, где ждали взрослые лисицы. Вырвавшись на свободу, малыш, чуть прихрамывая, помчался к родителям. Подбежав к ним, он от радости стал их облизывать, а лисицы, казалось, кивали нам в знак благодарности.

Цунэмото умолк и несколько минут молчал. Затем посмотрел на жену, по лицу которой катились слёзы, и задумчиво произнёс:

– Я только не могу понять, как лисицы узнали про нашу беду. – И, тяжело вздохнув, добавил: – А впрочем, это не так уж и важно. Главное то, что мы с тобой до конца своих дней будем помнить: жизнь нашего сына оплачена жизнью безвинного лисёнка.

Ещё немного помолчав, супруги встали, зажгли лампу на полке, где стояло семейное божество, и остаток ночи провели в благодарственных молитвах.

⁵³ Митфорд... С. 298.

Рассказывают также, что сын Цунэмото, когда вырос, установил в самом красивом уголке сада святилище, посвящённое лисьему божеству Инари, и совершал там жертвоприношения своим спасительницам-лисам.

Печальная история. Страшная история. Невероятная история.

Нам, европейцам, очевидно, никогда не понять ту мать, которая жертвует своим ребёнком ради чужого. Возможно, в буддийской традиции такие поступки смотрятся по-другому. Возможно, лиса предполагала, что её жертвенный лисёнок возродится в более высокой инкарнации – например, в следующей своей жизни будет человеком или даже святым. Так это или нет – тут можно только гадать: Восток, как известно, дело тонкое...

Бран

В ирландском эпосе собака предводителя фениев Финна, обладавшая человеческим разумом.

В те далёкие времена (около III в. н. э.) верховным королём Ирландии был Кормак Мак Арт, правивший страной мудро и справедливо.

Служившие ему фении обороняли страну от многочисленных внешних врагов. Предводителем фениев был Финн. Его отец Кумхал ранее тоже был вождём фениев, но погиб от рук соплеменников ещё до рождения сына.

Мать Финна Муирне Белая Шея, скрываясь от безжалостных убийц мужа, ушла в леса Слиаб-Блойм и там родила сына, которого назвала Демне. Боясь за жизнь своего первенца, она отдала его на воспитание двум жившим в лесу старухам. Демне рос очаровательным мальшом, не по годам смыслённым и сильным. За ослепительно-белую кожу и золотые волосы его прозвали Финном («светлым»).

Став подростком, Финн отправился набираться уму-разуму к жившему на берегу реки Бойн друиду Финнекесу.

Друид долгих семь лет пытался поймать водившегося в реке Лосося Мудрости, который поедал Орехи Познания, падавшие в воду с прибрежных кустов. Наконец удача улыбнулась ему, и он велел Финну сварить пойманную рыбу, при этом строго-настрого приказал не пробовать кушанье. Вскоре мальчишка принёс готовое блюдо, и Финнекес заметил, что выражение его лица стало иным. «Ты пробовал лосося?» – сурово спросил наставник. «Нет, – ответил Финн, – но когда я вынимал рыбу из котла, то обжёг себе палец и сунул его в рот». Тогда друид ему сказал: «Бери Лосося Мудрости и ешь его, ибо исполнилось пророчество. А затем уходи – мне больше нечему тебя учить». Финн съел лосося и обрёл мудрость многих веков.

И с тех пор, когда он хотел вспомнить или узнать что-либо важное, он всегда засовывал палец в рот. Привычку Финна в минуту глубоких размышлений сосать палец переняли и другие люди, и она дошла до наших дней. Правда, далеко не всегда высосанное нами из пальца можно уподобить мудрости Финна.

Став столь же мудрым, сколь он был смелым и сильным, юноша отправился в столицу Ирландии Тару. Там он дал клятву верности королю и поступил к нему на службу.

Вскоре Тару постигла беда. Некий демон с наступлением ночи являлся к городским стенам и забрасывал город огненными шарами. В страшных пожарах гибли люди, скот и жилища. И не было на демона никакой управы, так как всех храбрецов, выходивших с ним на битву, он убаюкивал волшебной игрой на золотой арфе. Музыка была столь нежна и чарующа, что слышавшие её воины погружались в сладкие грёзы и забывали обо всём на свете. Узнав об этом, Финн явился к королю и поклялся убить ненавистного демона. Растроганный король обещал молодому воину награду: победив чудовище, Финн волей короля станет вождём фениев.

В то время в рядах королевской гвардии служил Фиак – друг Кумхала, отца Финна. Прослышав о предстоящей битве, он подарил сыну покойного друга чудесное копье. Стоило приложить бронзовый наконечник копья ко лбу, как человека охватывала боевая ярость, его тело наливалось невероятной силой, и он становился непобедимым.

Вооружившись мечом и волшебным копьем, Финн в сумерки взобрался на защитный вал и стал ждать демона. Вскоре опустился густой туман, и сквозь его плотную завесу воин увидел приближавшуюся огромную тень и услышал звуки волшебной арфы. Финн почувствовал, как по его телу разливается приятная истома, как его душу наполняют радость и несказанное блаженство. Голова воина невольно опустилась, и остриё копья коснулось лба. Финн мгновенно очнулся, стяхнул с себя наваждение и бросился на врага. Демон в страхе бежал. Однако у

сида Слиаб-Фуайт воин настиг чудовище, снёс ему голову и положил окровавленный трофей к ногам короля.

На следующий день Кормак собрал фениев и объявил Финна их предводителем. Воины принесли ему клятву верности. С того дня и до самой смерти Финн оставался их вождём.

Трудна и опасна служба фениев. Но во все времена первейшей обязанностью мужчины являлась защита семьи и родины, поэтому много было охочих вступить в ряды защитников Ирландии. Правда, далеко не все выдерживали многочисленные и суровые испытания. А те, кому это удавалось, обязаны были подчинить свою жизнь строгим законам фениев. Вот главные из них:

Будь скромнен при дворе и суров на поле битвы.
Не бей без вины свою собаку.
Не обвиняй жену, пока не убедишься в её провинности.
Две трети доброты отдавай женщинам, детям и поэтам.
Не предавай своего повелителя.
Не бросай того, кому обещал свою защиту.
Будь храбрым.
Береги своё оружие.
Не скупись, щедро раздавай то, что имеешь...

Все тяготы и лишения воинской службы с фениями делили их собаки: вместе они воевали и охотились, вместе радовались и горевали.

У Финна была дюжина собак. Их имена, как и имена героев, пережили века: Конбег, Ломир, Брод, Фуайн, Ломлуат, Феарагайн, Буглен... Как настоящий кельт Финн любил своих собак и заботился о них. Однако среди этой дюжины выделялись два пса, которые ему были особенно дороги. Звали их Бран и Скеолан. Удивительным и необычным было их появление на свет.

...Однажды мать Финна Муирне вместе со своей сестрой Туирен приехала к сыну в родовое поместье Алмуин. В то время там находился вождь уладских фениев Эолан. Увидев Туирен, он без памяти в неё влюбился и, получив её согласие на свадьбу, увёз возлюбленную к себе домой. Но перед отъездом Финн взял с Эолана клятву, что в случае надобности тот вернёт Туирен живой и здоровой. Поручителями Эолана стали его друзья, среди которых был и Лугайд Ламха.

Недолгим было семейное счастье супругов. О женитьбе Эолана узнала его прежняя возлюбленная, волшебница Ухдеалб Белогрудая, и в её белой груди вспыхнула чёрная ревность, не дававшая ей ни минуты покоя. Наконец у неё созрел план мести. Приняв обличье гонца Финна, Ухдеалб явилась к Туирен и под благовидным предлогом выманила её из дому. Затем, воровато оглядевшись, ревнивица вытащила из-под плаща верёвку и ударила ею несчастную Туирен. В то же мгновение жена Эолана превратилась в самую прекрасную гончую на свете. Ухдеалб привязала к её шее верёвку и повела к Фергусу Фионнлиату, королю Галима, который терпеть не мог собак.

Удивился король неожиданному визиту. Но он ещё больше удивился, когда услышал слова Ухдеалб: «Финн приветствует тебя, о король, и желает тебе здоровья! И просит тебя позаботиться о своей гончей, пока он сам не прибудет за нею. Береги её, потому что она носит в себе щенков, и не бери её на охоту, когда придёт её время. Финн отблагодарит тебя за это». С трудом подавив в душе вспыхнувшее раздражение, Фергус произнёс: «Странная просьба. Финн ведь знает, как я отношусь к собакам. Впрочем, если вождь фениев просит об этом... Что ж, я не откажу ему».

Однажды, преодолевая себя, король взял гончую на охоту и не мог надивиться её умению, уму и азарту, с которыми она добывала дичь. Домой охотники вернулись с небывалыми трофеями. С тех пор Фергус Фионнлиат по-настоящему полюбил собак и не мог нахвалиться удивительной гончей.

Но вот пришло время, сука оценилась двумя щенками, и всю свою материнскую любовь и нежность она отдала этим двум беспомощным пушистым комочкам.

А страшная весть об исчезновении Туирен из дома Эолана дошла в конце концов до Финна, и он потребовал от вождя уладских фениев ответа. Эолан, ни днём ни ночью не прекращавший поиски супруги, попросил у Финна отсрочки и поклялся, что если не найдёт её, то отдаст себя в руки Финна.

Шло время. Однако Туирен словно в воду канула, и отчаявшийся Эолан обратился за помощью к своей бывшей возлюбленной.

«Что ж, – злорадно ухмыльнулась Убдеалх Белогрудая, – если ты поклянёшься любить меня до конца жизни, я, так уж и быть, отведу от тебя беду». И, выслушав клятвенные заверения Эолана в вечной любви, она отправилась к Фергусу Фионнлиату. Забрав у него гончую, она вернула Туирен её прежний облик и вместе со щенками отправила к Финну.

После радостных приветствий Финн бережно взял из рук Туирен щенков и, полюбовавшись ими, нежно прижал к себе. Огрубевшую душу воина захлестнула волна невыразимого счастья, когда он почувствовал на своей груди живое тепло малышей и биение их маленьких сердец. И с тех пор они всегда были вместе – Финн, Бран и Скеолан! А Туирен, придя в себя после выпавших на её долю испытаний, стала женой фения Лугайда Ламха.

Прошёл год, и стараниями природы и Финна из неуклюжих увальней выросли два красавца-пса – сильных, умных и смелых. Вот как барды описывали в своих песнях Брана: «Свирепый, с маленькой головой, с белой грудью, с тонкими бёдрами, с глазами дракона, с когтями волка, с силой льва, с ядом змеи»⁵⁴.

Много необычайных, захватывающих и часто опасных приключений довелось испытать знаменитым псам на своём веку. Они сыграли огромную роль и в личной жизни Финна: благодаря их стараниям, он встретил свою любовь и обрёл долгожданного сына.

А дело было так.

Однажды, когда Финн и его воины возвращались с охоты, перед ними внезапно появилась молодая олениха и охотники устремились за нею. Погоня была долгой, и все, кроме Финна, Брана и Скеолана, безнадежно отстали. Вдруг случилось невероятное: оказавшись в прекрасной долине, олениха сбавила скорость, а затем и вовсе остановилась и легла на траву. Догнавшие её Бран и Скеолан, радостно повизгивая, стали вокруг неё прыгать и лизать ей морду и шею. Придя в себя от удивления, Финн позвал собак и поехал домой, в Алмуин: не поднялась у него рука на этого зверя. Но – о чудо! – вместе с собаками за ним последовала и олениха, которая затем смело вошла в его дом.

Поздно вечером, когда Финн остался один, к нему явилась прекрасная дева в богатом одеянии и сказала ошеломлённому вождю фениев:

– О Финн! Моё имя – Саба. Я отвергла любовь Чёрного друида из племени сидов, и он силой заклятья обратил меня в олениху. С тех пор три года охотились на меня в дальнем лесу. Но однажды один из слуг Чёрного друида пожалел меня и открыл тайну: злые чары спадут с меня, если я доберусь до ирландских фениев. Целый день, не останавливаясь, бежала я в твой край. И смогла прилечь лишь тогда, когда рядом остались только Бран и Скеолан. Я не боялась их, ибо знала, что у них разум человека и сердце собаки и они поймут меня.

Жалость, вспыхнувшая в душе Финна к прекрасной незнакомке, очень скоро переросла в горячую любовь, и он взял её в жёны. И была их любовь так велика, что дни и ночи они

⁵⁴ Уайльд... С. 224.

проводили вместе, не отходя друг от друга ни на шаг. И только вероломное вторжение воинов Лохландии разлучило их любящие сердца. Спешно собрав фениев, Финн отправился в поход против захватчиков.

Через семь дней воины с победой вернулись домой. У ворот крепости Финна встречали опечаленные домочадцы и слуги, и не было среди них Сабы. А случилось вот что...

Проводив Финна на битву, Саба каждый день вглядывалась в даль, нетерпеливо ожидая возвращения любимого супруга. И вот однажды на дороге, ведущей к крепости, показался некий муж с двумя собаками. Он был очень похож на Финна, а собаки – на Брана и Skeолана. Обрадованная Саба, не слушая ничьих просьб и предостережений, кинулась за ворота крепости и помчалась к ним. Вдруг она остановилась и отчаянно закричала. Тот, кто имел облик Финна, занёс над нею ореховую ветвь и коснулся её головы – и несчастная Саба вновь превратилась в олениху. Она испуганно бросилась к крепости, но на неё накинудись кровожадные псы и заставили её бежать за колдуном. Слуги, схватив оружие, помчались выручать свою госпожу. Но, увы, дорога уже была пуста, и только где-то вдали слышался затихающий стук копыт и лай собак.

Ничего не сказал почерневший от горя Финн, а только со стоном схватился за грудь и ушёл в свои покои.

Целых семь лет Финн неутомимо прочёсывал горы, долины и леса Ирландии, пытаясь найти любимую Сабу. И никогда не брал с собой других собак, кроме Брана и Skeолана. Но всё было тщетно. Холодное отчаяние всё сильнее и сильнее сжимало его сердце, всё призрачней становилась надежда отыскать ту, что была для него дороже самой жизни. И он в конце концов смирился с потерей и вернулся к своим обычным занятиям.

Вскоре в жизни Финна произошло ещё одно удивительное событие.

Однажды фении охотились в Бен-Булбане и услышали, как привычный лай гончих сменился злобным рычанием и пронзительным визгом. Все кинулись на эти звуки и увидели необычную картину: под сводами раскидистого дуба стоял обнажённый мальчик с длинными золотистыми волосами, а возле него, заняв круговую оборону, метались Бран и Skeолан – они яростно отбивали атаки остальных собак. Поразило охотников и другое: несмотря на кровавую грызню собак у его ног, странный мальчик был совершенно спокоен и с интересом следил за происходящим. Услышав команду, гончие присмирели, а Бран и Skeолан, радостно повизгивая, принялись вылизывать найдёныша, который на все вопросы только удивлённо мычал.

Прошло немного времени, мальчик подрос, научился человеческой речи и уже ничем не отличался от остальных детей, разве что острым умом и необыкновенной красотой. Его верными друзьями стали Бран и Skeолан, с которыми он готов был резвиться дни и ночи напролёт. Финн, у которого жил мальчик, привязался к нему всей душой и всякий раз испытывал радостно-тревожное волнение, когда находил в его облике черты, напоминавшие исчезнувшую Сабу. Освоившись и научившись говорить, найдёныш рассказал печальную историю своей совсем ещё короткой жизни.

Жил он с нежной и заботливой оленихой в лесистой долине, окружённой неприступными горными кручами. Летом питался ягодами, орехами и съедобными кореньями, а зимой еду находил в пещере. Иногда к ним приходил злой темнолицый человек в чёрной одежде и что-то говорил оленихе. И голос его был то вкрадчивым и умильным, то злобным и крикливым. Но олениха, что бы он ни говорил, всегда убегала от него, и он с проклятьями уходил прочь. В тот последний день, когда мальчик видел олениху, тёмный человек особенно долго разговаривал с нею, то ласково, то гневно. Но она по-прежнему относилась к нему со страхом и отвращением. Тогда он вытащил из-под плаща ореховую ветвь и ударил ею непокорную олениху. И она, обливаясь слезами и постоянно оглядываясь на мальчика, пошла за колдуном, и ещё долго были слышны её отчаянные и жалобные стоны. Мальчик закричал и заплакал и хотел побежать за оленихой, однако не смог даже пошевелиться и, упав на землю, лишился чувств. Очнулся

он в совершенно незнакомом месте и несколько дней бродил в поисках родной долины, пока не наткнулся на собак. (И до сих пор никто не знает, чем закончилась трагическая история девы-оленихи и Чёрного друида.)

Выслушав горький рассказ мальчика, Финн молча обнял его и крепко прижал к груди. Лицо вождя фениев оставалось бесстрастным, однако в душе его бушевала буря противоречивых чувств: жалости и любви, радости и печали, отчаяния и надежды. И нарёк он своего сына Ойсином («олёнёнком»).

Пройдут годы, и Ойсин стяжает бессмертную славу великого сына Ирландии – её доблестного воина и непревзойдённого барда.

А жизнь шла своим чередом: фении воевали, охотились, пировали...

Однажды во время застолья, устроенного королём сидов Энгусом Огом в честь Финна и его фениев, вышел спор. Энгус утверждал, что лучше веселиться на пиру, чем скакать по горам и лесам в поисках дичи. На что Финн ему ответил:

– Нет для доблестного мужа ничего отраднее, чем слышать лай гончих, ржание лошадей и звуки охотничьего рога!

– Я слышал, – ухмыльнулся Энгус, – фении считают доброй охотой, если их гончие за весь день загонят хотя бы одну свинью.

– Не найдётся такой свиньи у сидов, которую бы не загнали Бран и Скеолан!

– вспыхнул Финн.

– О Финн! У нас найдутся такие свиньи, и они сами загонят твоих гончих! – с вызовом ответил король сидов.

И, чтобы решить спор, договорились устроить охоту осенью, на третий день после праздника Самайн.

Прошло время, и в условленный день воины Финна выехали на необычную охоту. Недалеко от крепости сидов им повстречалось огромное стадо свирепых свиней, каждая из которых была не меньше оленя! А впереди бежал клыкастый кабан с красными глазами. Он был чёрным, как безлунная осенняя ночь, а щетина на его загривке была подобна зарослям терновника. Фении спустили своих собак: Финн – Брана и Скеолана, Ойсин – Аблаха, Каойлте – Адхнуалла, Диармайд – Эахтаха, Осгар, сын Ойсина, – Мак-ан-Труима, Конан – Рит Фада Длинный Прыжок... Бран бесстрашно накинулся на чёрного кабана и повалил его наземь. Свиньи кинулись врассыпную, гончие и охотники стали их преследовать. Завязался настоящий бой! Взлетали комья сырой земли, трещали кусты и деревья! Жухлая трава покраснела от пролитой крови. Окрестности огласились неистовым визгом свиней, ржанием лошадей, лаем осатаневших собак и криками людей. К вечеру в живых не осталось ни одной свиньи. Всего их было убито сто и ещё одиннадцать. Были потери и среди фениев – немало погибло воинов, слуг и собак.

Когда битва закончилась, Ойсин в боевом запале призвал фениев отомстить сидам за убитых охотников и собак. «Неразумный совет, – возразил Финн. – Вначале следует сжечь поверженных свиней, иначе они оживут и вновь нападут на нас». Однако все попытки исполнить задуманное терпели неудачу – не желали гореть заколдованные свиньи! Тогда Бран, которому не было равных в знаниях и сообразительности, куда-то убежал и вскоре притащил три необычных дерева. Они вспыхнули, словно свечи, и на их жарком пламени спалили все свиные туши, а пепел выбросили в море.

Ойсин вновь призвал отомстить сидам за убитых, и Финн повёл фениев в поход.

Энгус, увидав со стен крепости грозное войско, просил Финна не губить сидов. Но вождь фениев был неумолим:

– Ты должен ответить за кровь погибших наших воинов и собак, и твой народ понесёт заслуженную кару!

На это король сидов ему ответил:

– О Финн, ты печалишься о гибели своих людей и собак, а я потерял славного сына. Чёрный кабан был не просто кабан – это был мой сын. И с ним было ещё сто десять пригожих королевских сыновей. А тебе, кровожадный Бран, не иметь больше удачи на охоте, не загнать отныне ни единого оленя, ибо ты погубил моего сына – утешение и опору на старости лет.

Разгневался Финн на такие слова Энгус а.

– Коли так, Энгус, предам я огню все селения сидов, на востоке и на западе!

– Коли так, Финн, не видать тебе побед в сражениях – будут вырастать перед тобой деревья и громоздиться камни!..

Долго длилась ожесточённая перебранка. Наконец, мудрый Ойсин сказал:

– Негоже доблестным мужам уподобляться сварливым жёнам. Пусть гнев и обида покинут ваши сердца, и тогда вновь ваша дружба станет залогом мира и согласия между фениями и сидами. Лучше на хмельном пиру проливать вино, чем в бою – людскую кровь!

Всем запали в душу рассудительные слова Ойсина, даже самым отчаянным драчунам, и между фениями и сидами вновь воцарился мир.

В те далёкие времена мир земной, обычный соприкасался с миром иным, потусторонним. Был тот мир для людей таинственным, волшебным и часто враждебным.

Далеко от берегов Ирландии, на западе, а может, на севере, в зелёных водах безбрежного океана лежали чудесные острова. Там царила вечная весна, природа там была прекрасна и щедра, там не было печали, болезней и смерти, а островитяне жили в радости и довольстве, предаваясь сладким утехам и пирам. Те далёкие края называли по-разному: Эмайн, Аваллон, Страна Юности (см.: *Кон Аннон*). Однако в той же стороне можно было встретить острова, на которых обитали кровожадные фоморы – безобразные великаны, заклятые враги ирландцев. Или остатки некогда могущественного племени Фир Болг, в незапамятные времена населявшего Ирландию. А в холмах Эрин, как называли ирландцы свою родину, жили волшебные сиды, потомки племён богини Дану, тоже когда-то владевших этой страной.

Воины Финна время от времени сталкивались с подобными созданиями и каждый раз испытывали смешанные чувства удивления и страха, восторга и опасности. Такие встречи могли произойти в любом месте, но чаще всего случались на охоте.

...Ранним утром, когда всё вокруг тонуло в густом тумане, фении во главе с Финном выехали на охоту. Вскоре туман рассеялся, и на опушке леса охотники увидели быстро приближавшегося невиданного зверя, которого преследовала дама в красных одеждах. У зверя, похожего на оленя, была морда вепря, тонкие ноги и длинные рога. На его боках сияли две луны. Со скоростью ветра пронёсся он мимо фениев.

Финн остановил мчавшуюся за ним охотницу и спросил, что это за диковинный зверь.

– Не знаю, – недовольно ответила Красная Дама, тяжело дыша, – я за ним гонюсь уже месяц, боясь упустить. Я должна бежать за ним, пока он не упадёт, иначе я умру и умрут мои три сына, храбрее которых нет никого на свете.

– Мы поможем тебе загнать его, – предложил Финн.

– Нет, и не пытайтесь. Даже я не могу поспеть за ним, – возразила Красная Дама.

– Но мы должны узнать, кто он такой.

– Если ты и твои воины будете мне мешать, я свяжу вас, – раздражённо ответила Красная Дама.

– Попридержи язык, – не сдержался Финн. – Я – Финн, сын Кумхала, предводитель фениев, которых ещё никто не побеждал в сражениях!

– Будь здесь мои сыновья, они бы всех вас одолели! – вызывающе заявила дама.

Уязвлённый Финн протрубил в охотничий рог и громко повелел:

– Все – в погоню за зверем!

Едва он это прокричал, как Красная Дама превратилась в огромную змею и поползла на него. И было бы Финну совсем худо, если бы не молниеносный бросок Брана – он схватил

гадину за шею и начал её терзать. Однако Финн удержал пса от расправы и, вытащив нож, приставил его к горлу мерзкого чудовища. Змея в страхе замерла, а затем плаксивым голосом попросила пощады, сказав, что негоже обижать бедную, одинокую даму. Финн убрал нож и велел гадине убираться прочь. Приняв свой прежний облик, Красная Дама понуро поплелась в лес. А Финн и Бран кинулись догонять своих товарищей, неумоимо преследовавших диковинного зверя. К вечеру они присоединились к фениям, и погоня продолжалась всю ночь. Утром следующего дня зверя удалось ранить, и он забрызгал кровью своих преследователей. Это только раззадорило фениев, хотя их силы были уже на исходе. Но слабел и зверь. Неумоимый Бран это почувствовал и удвоил свои усилия. В полдень он заставил зверя повернуть, затем ещё раз повернуть, и загнанный зверь, чувствуя свой близкий конец, издал страшный рёв и рухнул наземь. Вскоре подбежали охотники и увидели возле Брана распостёртого высокого мужа. Он был мёртв.

Тишину, в которой слышалось только шумное дыхание фениев, внезапно нарушила невесть откуда взявшаяся Красная Дама:

– О Финн, ты убил короля фирболгов. И много страданий принесут тебе и твоему народу его подданные. А я теперь отправляюсь в Страну Юности и предлагаю тебе отправиться вместе со мной.

– Благодарю, но я не оставлю свою землю, даже если мне предложат все сокровища мира, – ответил ей Финн.

– Ну что ж, жаль только, что вам придётся возвращаться домой без добычи, – притворно вздохнула чародейка в красном. – Впрочем, вон под тем деревом я вижу отличного оленя и сама подниму его для вас.

Красная Дама громко свистнула, и огромный олень испуганно вскочил и помчался прочь. Отряд фениев, спустив гончих, бросился за ним.

Фении долго преследовали зверя, но настичь его не смогли. И тут снова явилась Красная Дама и сказала Финну:

– Твои охотники устали, гоняясь за оленем. Отзови своих собак. Пусть поработает моя малышка.

После этих слов Красная Дама бережно опустила на землю крохотную белоснежную собачку. Пушистый комочек проворно исчез в кустах, и вскоре из чащи послышался предсмертный хриплый рёв поверженного оленя. А собачка вернулась к своей хозяйке и, обливав окровавленную пасть, шмыгнула ей под плащ.

Изумлению фениев не было предела. Но когда Финн повернулся к Красной Даме, чтобы выразить своё восхищение, той уже и след простыл.

Догадываясь, что олень заколдован, фении не стали его забирать и впервые вернулись домой с пустыми руками...

Бран мог бы вспомнить ещё немало таких историй.

Скажем, когда во время охоты у холма Кешкорран Финн и его воины безнадежно запутались в нитях заколдованной пряжи, которую пряли в пещере три злобных, отвратительных ведьмы. Это были дочери короля сидов, в чьи охотничьи уголья ненароком вторглись фении...

Или случай на охоте в горах Слиаб-Каллион. Финн, скакавший за оленем, которого преследовали Бран и Скеолан, неожиданно выехал к маленькому лесному озеру. На его берегу горько рыдала дева. Она попросила Финна достать со дна озера её любимое золотое колечко. Вождь фениев нашёл злополучную пропажу и, не выходя из воды, протянул её деве. Та взяла кольцо и сразу же прыгнула в воду. Удивлённый её поступком Финн вышел на берег и повалился как подкошенный, ибо превратился в немощного, дряхлого старика. И даже Бран не смог его узнать...

Был на долгом веку Брана ещё один случай, о котором он не любил вспоминать...

Произошло это в те времена, когда золотая борода Финна уже стала серебряной и он, в очередной раз овдовев, решил найти себе супругу. И не какую-нибудь вдовушку, а юную, цветущую деву. Выбор пал на дочь короля Кормака, красивую, но своенравную Грайне.

Получив предварительное согласие Кормака на брак, Финн с отрядом фениев прибыл в столицу свататься. На пиру, устроенном по такому случаю, разборчивая невеста, посмотрев на седого, морщинистого жениха и на сидевших рядом с ним молодых, красивых фениев, решила на отчаянный шаг. Она обнесла всех участников пира чашей с вином, в которое было подмешано сонное зелье. Лишь Ойсина и Диармайда миновала чаша сия. Когда за столом все уснули, Грайне подошла к сыну Финна и предложила ему свою любовь. Но возмущённый Ойсин отказал ей. Показным было огорчение королевской дочери, отвергнутой Ойсином, ибо истинным её желанием было завоевать сердце Диармайда.

Воистину прекрасным был этот сильный и храбрый муж. Его стройный стан и могучая грудь, его вьющиеся тёмные волосы и румяные щёки на смуглом лице, его алые губы и дивные синие глаза не давали покоя многим девам и жёнам Ирландии. Однако и красавец Диармайд не принял её любовь. Тогда Грайне, сдерживая гнев и обиду, сверкнула очами и молвила: «О Диармайд! Если ты сегодня же вечером не уведёшь меня из этого дома, я наложу на тебя проклятье, и ты никогда больше не сможешь никого полюбить!» Опечаленный Диармайд вынужден был ей подчиниться, и они тайно бежали из королевской крепости.

А утром, узнав о побеге невесты и своего лучшего воина, взбешённый Финн поклялся их убить и бросился в погоню.

В конце концов преследователи настигли беглецов и незаметно окружили лес, в котором те прятались. Ойсин, не желавший смерти своему другу и кузену Диармайду, попросил Брана тайно предупредить ничего не подозревавших возлюбленных о грозящей им опасности.

Мудрый пёс осторожно пробрался в конец войска и оттуда, взяв нужный след, незаметно помчался в лес. Найдя в чащобе шалаш с беглецами, Бран просунул сквозь его ветви голову. Проснувшийся Диармайд посмотрел на тревожно скулившего пса и понял: Финн где-то рядом. Это и спасло возлюбленных от верной гибели (см.: *Ядовитые собаки*)...

Много бед и напастей испытали на своём веку фении и их собаки. Но из всех, даже самых безнадёжных, передраг они выходили с честью и достоинством. Хотя иногда за это приходилось платить дорогую цену. Как в битве на Белом Берегу – самой кровопролитной из всех битв, в которых когда-либо доводилось участвовать фениям. Тогда на Ирландию напали несметные полчища верховного короля Всех Земель Дайре Донна. Под свои знамёна он собрал почти всех правителей Европы: короля саксов Лугмана Широкий Меч, храбрейшую из всех дев-воительниц, дочь короля Греции Огармах, короля собакоголовых Комура Кривой Меч, короля кошачьеголовых Кайтхенна, сына Болот Мадана Кривая Шея и многих-многих других. Битва длилась год и один день. Когда она закончилась, весь Белый Берег был усеян телами убитых и раненых, а песок и волны прибоя покраснели от пролитой крови. Ни один враг не вернулся домой. Однако страшные потери понесли и фении – немногие из них уцелели в той битве.

Слава о великой победе воинов Ирландии разнеслась по всему свету. Это была вершина ратных деяний фениев. Не было им равных в силе, умении и храбрости. Никто не смел открыто выступить против них.

Но увь! Ничто не вечно под луной. Прошло несколько лет, и счастливая звезда фениев покатила вниз и вскоре погасла в Габхре – там, где произошла их последняя битва.

Отряд фениев состоял из воинов двух кланов-соперников. Главой одного из них был Голл, предыдущий вождь фениев, а другого – Финн, сменивший его на этом посту после того, как срубил голову демону-поджигателю. Шли годы. Однако не забыл Голл своей обиды на Финна, хоть и присягнул ему на верность. Как не забыл и Финн, что Голл и его братья когда-то убили его отца. И однажды вспыхнувшая между воинами двух кланов пустяковая ссора быстро переросла в открытую вражду, и люди Голла покинули отряд фениев.

В разгоревшейся безрассудной расправе гибли все: и воины, и мирные жёны, и собаки. Так, однажды Арт, сын Голла, коварным броском копья в спину убил возлюбленную Финна, светловолосую королеву Берах Брек. А Голл украл у Финна его любимую гончую по кличке Конбег и утопил её в море. Холодные волны вынесли мёртвое тело собаки на берег, и фении, оплакав гибель Конбег, похоронили её на вершине зелёного холма. Затем Голл в кровавой стычке погубил одного из сыновей Финна, Кайрелла, которого случайно встретил на своём пути. Но недолго злодействовал Голл. Вскоре фении загнали его в одну из горных пещер, и он там умер от голода и жажды.

Однако на поредевший отряд фениев обрушилась новая беда. Скончался верховный король Ирландии Кормак Мак Арт, и на престол взошёл его сын – трусливый и жадный Кайрбре. Новый король, не желая платить фениям законную плату, собрал огромное войско и выступил против них. Кайрбре завербовал в свои ряды многочисленных наёмников, и на одного фения приходилось двадцать воинов короля. Решающая битва произошла у местечка Габхр. Она была отчаянной и беспощадной. В ней полегли почти все сражавшиеся воины. Погиб и внук Финна Осгар. Он сразил в смертельном поединке короля Кайрбре, но и сам пал от его руки. В живых осталась только горстка фениев, и среди них – Финн и Ойсин, отец Осгара.

После кровавой рубки Финн нашёл умиравшего от страшных ран Осгара и припал к его груди. Увидав деда, Осгар еле слышно произнёс:

Никто никогда не узнал,
Что сердце моё – из плоти.
Оно из витого рога,
Оно в ножнах из стали.

Но лай собак рядом со мной,
И рыдания старых героев,
И женские долгие слёзы –
Это терзает мне сердце.⁵⁵

И навеки затих.

Горе обожгло сердце Финна, и никогда не плакавший воин зарыдал. С того дня он уже не знал ни радости, ни покоя.

И совсем скоро его постигла ещё одна страшная утрата.

Это произошло на охоте. Неутомимый Бран гнал на Финна олениху, и она закричала:

– О Финн, ни на море, ни на небе не спасись мне от Брана!

Тронутый её жалобами Финн расставил ноги и велел оленихе пробежать между ними. Но едва Бран тоже попытался проскочить между ногами Финна, как тот их сомкнул и невольно погубил своего любимого пса. Осознав, что произошло, убитый горем Финн склонился над бездыханным Браном, и по его щекам потекли слёзы. Всего лишь два раза в жизни плакал суровый Финн.

Говорят, оленихой была мать Ойсина, незабвенная Саба.

И ещё говорят, что Брана и Скеолана до сих пор можно видеть в лесу на горе Алмуин. Они ждут того часа, когда Финн и его могучие воины стяхнут с себя остатки волшебного сна и явятся, чтобы защитить от врагов свою многострадальную родину – прекрасную Ирландию.

Впрочем, о смерти Брана рассказывают и другое.

«...Однажды на холме заметили снежно-белую лань, копыта которой сверкали, как золото, и все собаки бросились преследовать её, вёл их Бран.

⁵⁵ Цит. по: Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. М., 2004. – С. 253.

Час проходил за часом, а лань всё бежала, и собаки преследовали её, пока одна за одной не упали от усталости, и не осталось ни одной, кроме Брана. Тогда лань направилась в озеро, и, добежав до высокой скалы, бросилась с неё прямо в воду; благородный пёс прыгнул за ней немедленно и схватил лань, когда она поднялась на поверхность; в тот же миг она превратилась в прекрасную даму⁵⁶ и, положив руку на голову Брана, затянула его под воду; прекрасная дама и великолепная собака Финна исчезли вместе, и больше их не видели. Но в память об этом событии скала, с которой он прыгнул, именуется Коэгг-и-Бран (Княжество Брана) и до сего дня. Так что имя и память о собаке Финна, о её мудрости и подвигах не были забыты в народе; и многих охотничьих собак всё ещё называют в его честь, ибо считается, что имя это приносит удачу...»⁵⁷.

А в горной Шотландии, возле форта Кашли, находится большой камень, напоминающий собачью голову. Местные жители называют его Бхакаин («собачий столб» по-гаэльски). Они верят, что к этому камню привязывали своих собак воины Финна, когда возвращались с охоты.

* * *

Собака есть, да камня нет.

Заживно живёт: и голодной собаки выманить нечем.

Любишь меня, так люби и собачку мою!

⁵⁶ Это была ведьма воды Кайлех Бирор.

⁵⁷ Уайльд... С. 226.

Воины

Крупнейший учёный-кавказовед XIX в. Пётр Карлович Услар писал: «Волк самый поэтический зверь в понятиях горцев. Лев, орёл изображают силу, – они идут на слабого; волк идёт на более сильного, чем он сам; недостаток силы заменяет отвагой, дерзостью, ловкостью; в тёмную ночь бродит вокруг стада, аула, откуда ежеминутно грозит ему смерть... Попавшись в безысходную беду, волк умирает молча, не выражая ни страха, ни боли. Эти свойства характеризуют героя, по горским понятиям... «Короткоухий ты волк, волчий у тебя нрав», – говорит горская девушка, ласкаясь к любезному»⁵⁸.

«Геройский, сильный волк», – отзовется вайнах (чеченец или ингуш) о настоящем джигите. Даргинец о таком скажет, что он может из волчьего глаза достать огонь. А хевсур непременно добавит, что он – волку подобен.

Примечательно то, что слово «волк» кавказцы используют не только для названия зверя и характеристики достойного мужчины, но и в качестве популярного мужского имени, в том числе и мифологических персонажей. «Волк» – так по-русски звучат имена мегрельского героя Гериа, хевсурского предка Мгелиа и осетинского родоначальника нартов Уархага.

Волк на Кавказе наделялся сверхъестественными свойствами, он был символом храбрости, мужества и молодецкой удали. Поэтому кавказских мужчин-воинов уподобляли волкам, а воинский отряд – волчьей стае.

...И начало бой войско Шамиля,
Стали стрелять лучшие храбрецы,
К нападению готова эта стая волков,

– так пели аварцы о сражении в Кавказской войне⁵⁹.

Когда-то волк был тотемным животным многих кавказских племён, и люди искали у него покровительства, защиты и помощи на поле брани. Осетинские воины, например, обращались к предводителю волков с такой молитвой: «Тутыр, силосокрушающий ты еси, и (если) нас кто одолевает будет, его силу сокрушающим ты чтобы был, чтобы никто нас не одолел»⁶⁰. (О Тутыре см.: *Повелители псовых*)

В горах, как известно, время течёт медленно, поэтому там сохранились верования и обряды, которые когда-то были присущи многим народам мира. Историки утверждают, что в древние времена культ волка был широко распространён на большей части Евразии и Северной Америки. И тому есть немало доказательств. Вот некоторые из них.

Хеттский царь Хаттусилис I (XVII в. до н. э.) призывал своих воинов быть едиными, как «род волка»; у скифов и древних иранцев молодые члены мужского союза именовались двуногими волками-псами; древнеисландские тексты изображают воинов в волчьих шкурах и кричащих, как собаки.

В жизнеописании Вахтанга I Горгасала (Горгослани), жившего в V в., грузинский историк XI в. Джуаншерияни сообщал: «А Вахтанг соорудил себе шлем из золота и изобразил спереди Волка, а на обратной стороне – Льва. И устремился он туда, где сдавали силы грузин, и под его натиском падали воины персидские, словно онагры под натиском львов. Впредь персам стало невмочь противостоять ему, ибо запомнили того, у кого выведены (на шлеме) Волк и Лев и при

⁵⁸ Услар... С. 9–10.

⁵⁹ Карпов... С. 163.

⁶⁰ Карпов... С. 163.

виде Вахтанга восклицали: «Остерегайтесь головы Волчьей». После этого и нарекли Вахтанга Горгасалом»⁶¹. (От персидского *гургсар* – «волкоголовый».)

Тут следует заметить, что грузинский царь не был оригинальным: задолго до него галльские воины уже украшали свои шлемы волчьими головами, причём не искусственными, а вполне натуральными. Позже «волчьеголовые» (*ульфхедины*) сражались и в рядах норвежских конунгов.

В Древнем Риме, как известно, волку покровительствовал воинственный Марс. Изображение этого зверя было одной из эмблем римского легиона. Римляне искренне считали, что своей победой в Умбрии над галлами в 195 г. до н. э. они обязаны волку, которого бог войны послал в ряды неприятеля.

Традиция почитания волка-воина продолжилась и в средневековой Европе. Сказание о Нибелунгах сообщает, что германские воины, стремясь приобрести лучшие свойства волка, зажаривали и ели его мясо.

В XV в. был основан рыцарский орден Волка, а жители Брюйера в Пикардии, защищавшие свободу и независимость своей коммуны, гордо именовали себя «волками Брюйера».

Яркую страницу в летопись «волкопоклонства» вписали средневековые скандинавские воины *берсерки*. «Медвежьи шкуры» (так можно перевести это слово с древненорвежского) считались воинами самого Одина. Они бросались в бой без кольчуг, в одних медвежьих или волчьих шкурах, а иногда даже обнажёнными. Берсерки сражались как бешеные собаки, в исступлении кусая свои щиты и воя, как дикие звери. Они были сильны как медведи и свирепы как волки, их не могли остановить ни огонь, ни железо. Они убивали противника одним ударом. Согласно исландским сагам, отец самого прославленного берсерка был человеком-волком и разрывал врага зубами. Под стать берсеркам были и *ульфхеднары* – «одетые в волчьи шкуры». В войске первого короля Норвегии Харальда I Хорфагера (ок. 850 – ок. 933 гг.) находился отряд ульфхеднаров – они сражались так же яростно, как и волки⁶².

Итак, люди во все века восхищались силой и отвагой волка, пытались перенять его бойцовские качества, старались ему подражать, но... в силу понятных причин, этот воинственный зверь, в отличие от его младшего родича пса, в реальных боевых действиях никогда не участвовал.

О том, что в древности воевали не только люди, но и собаки, нам известно в основном от античных авторов. Разумеется, не всё написанное ими можно принимать на веру. Некоторые свидетельства древних сочинителей вызывают сомнения (например, истории с *Перитом* или *Сотером*), некоторые – недоверие (скажем, то, что в Индии собаки шли в бой с факелами на спинах), а есть и такие, которые можно смело причислить к откровенному вымыслу (как то, что собака отца Александра Македонского сама бросилась в погребальный костёр хозяина – совершенно понятно, она там оказалась не по своей доброй воле). Вместе с тем критическое осмысление имеющихся фактов неоспоримо доказывает: в давние времена собаки-воины существовали. Наглядным подтверждением тому служит, в частности, барельеф на знаменитом столбе Марка Аврелия: на нём изображена битва, в которой рядом с людьми сражаются и собаки. Есть и другие примеры.

Персидский царь Камбиз в 525 г. до н. э. завоевал Египет, в его войске сражались крупные и мощные догообразные собаки.

В 480 г. до н. э. другой персидский царь, Ксеркс, напал на Грецию и получил сокрушительный отпор: его флот был уничтожен в знаменитой битве при Саламине, а войско разбито спартанцами. В результате множество персидских псов-воинов попало в плен. Предприимчивые греки принялись разводить трофейных догов в местности Молоссия, поэтому их стали

⁶¹ Карпов... С. 163.

⁶² Роузен... С. 183.

звать молоссами. Эти агрессивные, больших размеров собаки успешно сражались вместе с греческими воинами на поле битвы, в т. ч. и в армии Александра Македонского. Воевали доги и в рядах германцев. К ним они попали, скорее всего, от аланов. О том, что у этого скифского племени были обученные военному делу псы, сообщает Адам Бременский. Рассказывая в четвёртой книге своей «Истории гамбургских архиепископов» о живущих на Руси *кинокефалах*, он пишет: «Там живут также те, кого называют аланы или албанцы... жестокие стражники, появляющиеся на свет седыми... Их отчизну защищают собаки. Когда наступает время сражаться, они выставляют войско собак»⁶³. Германцы завезли своих псов на Британские острова; там их стали звать мастифами.

Боевые собаки, по свидетельству историков, широко использовались в Ассирии и Вавилоне, были в полчищах Дария, в войсках кельтов, гуннов и тевтонов. Как уже упоминалось, применяли их и в Индии: Александр Македонский, например, получил в дар от индийского царя Сопейтия 156 военных собак.

«Древние римляне не знали боевых собак. Они познакомились с ними во время военных походов в Грецию, а затем на севере – в войне с германцами и в Британии. В войне с римлянами германцы использовали в бою сотни таких собак. Тело дога при этом было покрыто бронёй, предохраняющей от ударов копья. Кроме того, у собак на шее был специальный «воротник» с железными шипами. Известно из рукописей, что римский предводитель войска Гаюс Мариус столкнулся однажды с такими собаками. Он был уже уверен в своей победе над германцами, как вдруг на солдат набросились огромные доги, обратив отряды в бегство. Имеются сведения, что доги с большим упорством защищали от врагов крепость Вагенбург, где были женщины и дети. Целых два дня длилось сражение, прежде чем римлянам удалось всё же победить четвероногих верных защитников. Римские отряды дошли до Британии. Здесь они встречались с древними широкогрудыми и широкомордыми мастифами. Мастифы были ещё сильнее и агрессивней, чем уже известные римлянам молоссы.

Позаимствовав боевых собак, римляне и сами стали использовать их в военных целях. В бою собаки составляли первую шеренгу, во второй шли рабы, а в третьей – воины»⁶⁴.

Итак, хвостатых бойцов облачали в доспехи и вооружали. Полные доспехи состояли из металлического панциря, закрывавшего спину и бока собаки, кольчуги, предохранявшей грудь, верх предплечий и живот, и металлического шлема. Оружием служили острые шипы и лезвия, крепившиеся к ошейнику и шлему. Этими шипами и лезвиями пёс колот и рассекал тела вражеских воинов, перерезал лошадям сухожилия и вспарывал им животы. Справиться с защищённой, сильной и хорошо обученной боевой собакой было крайне сложно. Изображение такой собаки – в чешуйчатом панцире и колючем ошейнике – представлено на одном из барельефов из Геркуланума.

Псы-вояки, наряду с пехотой, кавалерией и боевыми слонами, принимали участие и в знаменитом переходе Ганнибала через Альпы в 218 г. до н. э. во время Второй Пунической войны. Они были приучены бросаться на неприятеля и хватать лошадей вражеских всадников за ноздри.

Не оставляли собаки военного дела и в последующие века.

Настоящее собачье сражение произошло во время войны Испании с Францией при осаде Валенсии: там в боях с обеих сторон участвовало около 5000 собак – на каждого обычного воина приходился один хвостатый! Если верить Марко Поло, столько же боевых псов было и у хана Хубилая.

В английской армии мастифы использовались для боевых действий вплоть до середины XVI в.

⁶³ Волшебные страны... С. 294–295.

⁶⁴ Корабельников... С. 90–91.

Беззаветно сражались собаки и в мировых войнах – Первой и Второй. К этому времени они уже освоили многие военные профессии: подрывников, сапёров, разведчиков, связистов, санитаров; в некоторых армиях им даже присваивались воинские звания.

Неоценимы заслуги собак на полях сражений: они уничтожили множество врагов и неприятельской военной техники и вооружения, спасли тысячи человеческих жизней. Советские собаки-санитары, например, вывезли с поля боя около 700 тысяч раненых! А чемпион минно-розыскного дела «ленинградец» Дик (колли) вместе со своим хозяином обезвредил 12 тысяч мин!

Перепадали хвостатым воинам и награды. Например, чёрный бородатый спаниель по кличке Мусташ, сражавшийся в полку гренадеров наполеоновской армии, был награждён медалью за отвагу. Когда молодой солдат, нёсший полковое знамя, был смертельно ранен и его окружили враги, Мусташ под огнём бросился к нему и вынес знамя. Храбрый пёс был убит пушечным ядром в 1811 г. при осаде Бахоса. Он был похоронен прямо на поле сражения, и над его могилой поставили памятный камень с лаконичной надписью: «Здесь покоится храбрый Мусташ»⁶⁵.

Случались в «военно-собачьей» истории и курьёзы. «Любимая левретка воинственного прусского короля Фридриха II участвовала вместе с ним в сражениях Семилетней войны. Король любил свою собаку, приказывал слугам обращаться к ней почтительно на «вы». Когда Бише, так звали любимицу короля, в 1745 году попала в сражении с австрийцами в плен, то король сильно обозлился, разбил врага и в том же году, по условиям Дрезденского мирного договора, потребовал себе в вотчину Силезию и... возвращения дорогой ему сердцу левретки!»⁶⁶

Разумеется, псовые сражались не только в реальных битвах, но и в мифических.

В Древнем Египте с силами мирового зла (в лице *Сета* и его приспешников, а также потусторонних чудовищ) храбро бились шакал *Анубис*, волк *Упнат* и пёс *Исдес*.

В Вавилоне престарелая, но очень активная богиня Тиамат решила отомстить молодому поколению богов за то, что они убили её супруга, и с этой целью создала одиннадцать кошмарных чудовищ, среди которых был и Свирепый Пёс. Однако в решающей битве Тиамат и её ужасное войско были разгромлены предводителем богов Мардуком. Побеждённая богиня была рассечена на две части (из них Мардук сотворил небо и землю), а её чудовища были пленены и заточены в подземелье.

В Древней Индии во время вражды между Пандавами и Кауравами (см.: *Восхождение*) «ощетинившиеся» волки вкупе с местными демонами (*ракшасами*, *пишачами* и *ятудханами*) пытались сожрать кауравского героя Карну, но это им не удалось.

Не побоялся сразиться с самим Геркулесом двухголовый пёс *Орф*.

Полегли в неравном бою 49 молоссов, с беспримерным мужеством защищавших родной Коринф; чудом остался в живых только *Сотер*, предупредивший двуногих защитников о нападении врагов.

Храбро сражался в многочисленных битвах любимый пёс Александра Македонского *Перит*.

Настоящими воинами показали себя ирландские псы *Айльбе*, *Бран*, *Скеолан* и другие.

А вот каким чудо-псом обладал кельтский бог солнца Луг:

Тот достославный пёс
Непобедимым был на поле брани;
Он был дороже всех сокровищ.

⁶⁵ Буш... С. 228–229.

⁶⁶ Пономарёв... С. 95–96.

Носясь по полю огненным клубком.

Тот пёс был знаменит особым даром
(А дар тот был превыше всех других):
Лишь стоило ему в ручье омыться.
Как воды в нём текли вином и мёдом.⁶⁷

Ужасный волк **Фенрир** в единоборстве проглотил скандинавского предводителя богов и людей Одина.

Подлинными героями проявили себя безымянные собаки – *соратники Хальвдана*.

А в Центральной Азии потомок правящего тангутского рода Рагу – пёс Нриунриу победил могучего тигра и выдрал у него когти⁶⁸.

В Англии в боях против драконов вместе с рыцарями мужественно сражались и их псы (см.: **Убийцы**)...

Много водится на мифологическом белом свете воинов-собак – обо всех и не расскажешь. Но ещё об одной – настоящей и безымянной – всё же поведаем.

...Когда после сражения Наполеон увидел на залитом лунным светом поле собаку, которая лежала рядом с убитым хозяином, облизывала его лицо и выла от горя, он сказал: «Наверное, у этого солдата было много друзей и дома, и в полку. Но вот он лежит, всеми покинутый, и лишь собака осталась ему верна. Я без волнения смотрел на битвы, решавшие будущее народов. Я спокойно отдавал приказы, приводившие к гибели тысячи людей. А сейчас я действительно взволнован, взволнован до слёз. И из-за чего? Из-за горя простой собаки»⁶⁹.

Нет на свете ничего более отвратительного и страшного, чем когда люди убивают людей. Это понимают даже собаки.

⁶⁷ Цит. по кн.: Кельтская мифология. М., 2002., гл. 5.

⁶⁸ МНМ. Т. II... С. 493.

⁶⁹ Буш... С. 58.

Волк

«1. Если волк первым бросит взгляд на кого-нибудь, то сделает его невменяемым и бессловесным на несколько часов.

2. По своей природе он враждебен овцам, и, охотясь на них, он обычно уводит их, погоняя своим хвостом, и они следуют за ним машинально.

3. Когда он обжирается, его язык распухает и перегораживает глотку.

4. Он настолько враждебен овцам, что часто, когда струна из его [сухожилия] имеется на лире, остальные струны из овец не звучат и, [когда] по ним ударяют, не звенят. То же самое верно и в отношении барабанов, [сделанных из кожи овцы и волка]. <...>

8. Если два волка вместе охотятся на овцу и рвут её на части зубами, то делят поровну.

9. Если волк болен, он ест землю. <...>

11. У волка нет позвоночника, но [только] одна кость, как у льва и у гиены. Поэтому все они движутся по прямой.

12. Не боится волка тот, кто носит его зуб, а лошадь, несущая [след или знак волчьего зуба], становится очень быстрой.

13. Волк боится скилла (морского лука) так же, как лев [боится] дуба, а барс [боится] кустов кизила. <...>

15. Волк ест железо и камни. Он, однако, прячется во время восхода созвездия Пса до тех пор, пока воздух не остынет»

(Тимофей из Газы. О животных).⁷⁰

Волк... И перед мысленным взором встаёт сумеречный лес, между деревьями которого то здесь, то там вспыхивают зловещие огоньки вышедших на охоту ночных разбойников... Или чудится залитая лунным светом заснеженная степь, по которой бесшумно скользят ужасные серые тени... А может быть, слышится леденящий душу вой – жуткий и тоскливый...

Волк – самый опасный и страшный зверь Евразии и Северной Америки. И самый противоречивый. Воин и первобытный охотник видели в нём объект восхищения и образец для подражания, а земледелец и скотовод – вора и кровожадного убийцу. Эти столь разные грани восприятия серого хищника нашли своё отражение в мифах и фольклоре народов мира.

Начнём с положительных черт нашего героя.

Первобытный человек среди множества животных особо выделял волка – сильного, смелого и неутомимого охотника, к тому же умного и осторожного. Этот зверь привлекал к себе внимание ещё одним важным качеством – умением жить в кругу себе подобных. Наблюдательный дикарь давно подметил, что в волчьей стае царит строгая иерархия и дисциплина, коллективная забота о потомстве и взаимопомощь. Удивляло и умение этих животных общаться друг с другом: взглядом, звуком, а также движением и положением головы, ушей и хвоста. Поражали и приёмы охоты, когда, скажем, волки гнали обречённого зверя на спрятавшихся в засаде своих сородичей. Североамериканские индейцы полагали, что на земле нет охотников, равных волку. Только волк способен видеть затылком, слышать шорох плывущих облаков и бежать целые сутки, не останавливаясь даже для того, чтобы поесть.

«Волкам приписывались сверхъестественная сила и ловкость, ум и смекалка, необыкновенная сила зрения, отвращающая от них враждебные действия людей, способность провидеть и узнавать события, происходящие за двенадцатью горами – расстояние, которое будто бы они

⁷⁰ Цит. по кн.: Тигрица и грифон: Сакральные символы животного мира. М., 2007. – С. 42 – 43.

в состоянии пробежать за одну ночь. Вместе с тем, по верованиям сванов, волки обладали магическими свойствами, направленными на благо человека, вообще всем своим существом они помогали и покровительствовали людям: амулет из волчьего зуба отгонял злых духов и дурной глаз, а вкушение мяса, жира, «причащение» напитком, приготовленным из отвара волчьего мяса и костей, спасали людей от различных болезней»⁷¹.

Но особое восхищение вызывала отчаянная храбрость волка, когда он самоотверженно сражался до последнего вздоха и умирал молча, не проронив ни звука. Этот зверь (уже в мифологической ипостаси) мог напасть даже на тигра, пантеру или льва. Свидетельством тому являются изображения на предметах скифо-сибирского декоративно-прикладного искусства. На них волк вооружён острым рогом и терзает врага вместе с грифом или орлиным грифоном.

Все вышеперечисленные свойства волка вызывали у древнего охотника острое желание ему подражать, быть таким, как он. С этой целью по законам симпатической магии люди ели сердце и мясо волка и носили амулеты, изготовленные из частей его тела: шкуры, хвоста, зубов, когтей, высушенных половых органов. Скажем, воины североамериканских хидатса носили шкуры, снятые со спины волка. Для этого они продевали голову через отверстие, вырезанное посередине шкуры, и набрасывали её на плечи таким образом, что волчий хвост свисал у них за плечами, а волчий скальп покрывал грудь.

В свете вышеизложенного становится понятным, почему образ волка был тесно связан с культом вождя племени и предводителя боевой дружины. Эту связь подтверждают, в частности, хеттские письменные памятники XVII в. до н. э. (см.: *Воины, Священные псовые*). «Представление о волке как символе вождя боевой дружины было общеевразийским. Оно засвидетельствовано у монголов и тюрков, возводивших свой род к волчице тотему. Знамена тюркских каганов были увенчаны золотой волчьей головой, а их телохранители назывались «волками»; сходная символика известна и по отношению к «вологлавному» древнему грузинскому царю Вахтангу I (V в. н. э.)»⁷².

О популярности волка и тесной связи его образа с атрибутами войны свидетельствуют древние германские имена: Вольф, Вульф («волк»), Адольф («благородный волк»), Арнульф («орёл+волк»), Баду (французское имя от древнегерманского *Badwulf*: «битва+волк»), Бардольф («секира+волк»), Вольфганг («волчий ход»), Ландольф («страна волков»), Рандольф («щит+волк»), Рудольф («слава или совет+волк») ⁷³. Волк также «звучит» в английском имени Вулфстан («волчий камень»), болгарском Вукан, германском Беовульф («пчелиный волк»), грузинском Мгелиа, древнеиндийском Врикодара («волчье брюхо» – прозвище героя «Махабхараты» Бхимы, см.: *Восхождение*). Много «волчьих» имён и у североамериканских индейцев рода кагвантанов (племя тлинкитов), чьим тотемом является волк.

Волк или волчица являются также тотемами и первопредками ряда народов Северо-Западной и Центральной Евразии (см.: *Тотемы; Родоначальники и родители*).

Доводилось волку бывать и богом войны, правда, прямых свидетельств этому нет – есть только косвенные. К числу последних можно отнести вооружённого до зубов древнеегипетского волкобога *Упуата*, наличие священных волков в свите богов войны (Марса, Одина и др.) и почитание волка воинственными горцами Кавказа (см.: *Герои и Фреки; Воины; Священные псовые*).

А вот в роли демиурга и культурного героя, в том числе Прометея, волк выступал нечасто, потому что мирным занятиям предпочитал войну и охоту. (Об одном таком благодетельном поступке волка сообщает девятая руна «Калевалы»: однажды этот зверь вместе с медведем на своих лапах вынес из болотной топи первую железную руду, дав тем самым толчок развитию

⁷¹ Бардавелидзе... С. 44.

⁷² Иванов... С. 406.

⁷³ Суперанская...

кузнечного ремесла. О других заслугах волка на поприще творца и учителя можно прочесть в статье *Демииурги и культурные герои.*)

Есть в биографии мифологического волка страница, которая ставит учёных в тупик. Речь вот о чём. Вполне понятна его связь с миром подземным, потусторонним: волку как представителю семейства псовых быть зверем хтоническим просто на роду написано. Он, как известно, бывал не только посредником между миром живых и миром мёртвых, не только проводником душ умерших, но и владыкой загробного царства (см.: *Псовые в потустороннем мире*). Вместе с тем этот хищник был связан и с миром небесным, в частности, с дневным светилом. Эта связь прослеживается у многих народов. У древних греков, например, бог Солнца Аполлон в архаический период был волком, в образе волка персонифицировалось и осетинское солнечное божество Уастырджи, волк являлся одним из символов Солнца и у скифо-сарматов. Этот позитивный аспект солнечно-волчьих отношений как раз и является загадочным: ну что может быть общего у хтонического, «подземного» зверя с небесным божеством? Зато другой аспект – негативный – никаких вопросов не вызывает, он доступно и понятно объясняет природу затмений: кровожадные небесные волки постоянно пытаются проглотить Солнце и Луну, и время от времени им это удаётся (см.: *Псовые на небе; Манагарм; Скэль и Хати; Фенрир*).

Волк для нас припас ещё одну головоломку: этот закоренелый плотоядный хищник каким-то таинственным способом связан с миром растений – у земледельцев Европы он выступает символом плодородия, достатка и урожая (см.: *Хлебный волк*).

Удивляет учёных и такой «волчий» парадокс: в сознании наших предков образ волка как идеального воина и охотника мирно уживался с образом преступника-изгоя. Один из законов древних хеттов – тех самых хеттов, которые гордо именовали себя «родом волков», – гласит, что «если человек со своими помощниками совершит насильственный увод женщины, и при этом два или три человека будут убиты, то этот человек стал волком», т. е. злодеем⁷⁴. Так же поступали германцы, кельты и некоторые другие народы: они объявляли преступников волками и предавали их изгнанию. Возможно, люди и здесь брали пример с волков: эти звери, как известно, своих патологически агрессивных сородичей изгоняют из стаи.

Вместе с тем волк сказочный, волшебный, часто предстаёт мудрым, всезнающим зверем. Он даёт дельные советы главному герою (обычно – Ивану-царевичу) и способен найти выход из любого, самого отчаянного положения. Не зря же на Украине его называют *вищуном*, от слов «вещать, ведать», а само слово «волк» близко по звучанию слову «волхв».

Пора, однако, сказать несколько слов о внешнем облике нашего героя. В отличие от волка реального – серого, рыжего, белого или чёрного, волк мифологический может иметь самый необычный окрас: синий, красный (волки мтиулов и гудамарцев), зелёный (виннебаго) и даже... железный (см.: *Железный волк*). А размеров способен достигать таких, что реальный матёрый волчище, длина которого (без хвоста) составляет 160 см, высота в плечах – 100 см, а вес – 90 кг, рядом с Фенриром или, скажем, Манагармом покажется жалким заморышем-щенком.

На одном из таких волков-гигантов ездил великанша Хюррокин. Её как-то пригласили боги-асы, чтобы она столкнула в море погребальную ладью, предназначенную для сожжения убитого Бальдра – самого красивого и доброго аса (см.: *Фенрир*). «Когда она приехала – верхом на волке, а поводьями ей служили змеи – и соскочила наземь, Один позвал четырёх берсерков поддержать её коня, но те не могли его удержать, пока не свалили»⁷⁵. Вот такой был «конь»! Кстати, на волках любили ездить многие мифопоэтические персонажи: Егорий Храбрый, Баба-Яга, Иванушка-царевич, грузинская ведьма *кудиани*, всевозможные тролли и колдуны.

⁷⁴ Иванов... С. 402.

⁷⁵ Младшая Эдда... С. 49.

Способны мифологические волки и на рыцарские поступки: *Мальзевильский волк*, например, спас от жестокого преступника-изгоя невинную и совсем ещё юную деву, ирландский *Чёрный волк* отплатил добром за добро крестьянину, а безымянный волк взял под свою защиту сбежавшую из плена молодую индианку (см.: *Спасители*). Благодарством отмечены и поступки древнеегипетского *Упуата*, а также японского *оками*.

А вот какая трогательная история произошла на северо-восточном побережье Азии, у самой кромки Северного Ледовитого океана.

В тундре с оленьим стадом кочевали муж и жена. Детей у них не было, и это их сильно печалило. Как-то весной кочевник заметил волчицу – она спустилась с горы и побежала по ущелью. «Наверно, у неё наверху нора, и там кто-нибудь есть», – подумал оленевод и быстро взобрался на гору. После недолгих поисков он нашёл среди камней волчье логово, а в нём – четырёх маленьких волчат. Человек схватил одного из них, спустился вниз и затаился в укромном месте.

К вечеру показалась волчица. Она поднялась к своей норе, но вскоре стала спускаться вниз, пригнувшись и тревожно поглядывая по сторонам. Она шла по следу оленевода и подошла к нему. «Человек взял в руки волчонка и сказал волчице:

– Вот я держу твоего детёныша, потому что не имею своих детей. Я взял его не для того, чтобы сделать ему плохо, а чтобы воспитать его хорошо и сделать своим помощником.

Волчица слушала человека.

Человек сказал:

– У тебя ведь четыре детёныша, а у меня ни одного нет. Вот пусть и у меня будет воспитанник. Не убью я его, ничего плохого не сделаю ему.

Когда человек закончил говорить, волчица прижалась к земле мордой и завывала, глядя в сторону горы. Вдруг на её зов с горы большой волк спустился и к ней подбежал. Оказывается, это муж волчицы, отец этих волчат. Волк и волчица легли на живот, прикасаясь друг к другу мордами. Так недолго полежали. Затем поднялись в гору, к своему логовищу побежали.

Человек с волчонком в руках вернулся в своё жилище. Войдя, сказал жене:

– Вот принёс я детёныша волчицы. Будем воспитывать его вместе с тобой.

Жена очень обрадовалась. Теперь у неё есть приёмыш. Стали волчонка воспитывать и учить охотничьему ремеслу. Волчонок быстро рос.

Когда человек ходил охотиться на оленей, всякий раз брал с собою волчонка. Вместе с человеком волчонок добывал оленей, а когда вырос, стал один ходить на охоту и никогда домой без добычи не возвращался. Так вот всю жизнь помощником для своих воспитателей этот волк был, а когда они состарились и умерли, ушёл в горы к своим братьям»⁷⁶.

Не чурались волки и искусства. Об этом поведал один литовский крестьянин.

«Когда было крепостное право, из моей родной деревни Плюкай ходили на барщину в поместье Нуолишкяй к пану Жулису. Шёл раз ввечеру наш односельчанин. Ужо стемнело. Шёл он из поместья домой. Фамилия его была Шимонелис. Была у него с собой губная гармошка. Шёл он – и прямо в волчью яму упал. Свалился он туда – а там волк. Посидел волк, посидел – а потом ну его покусывать. Так он на гармошке стал играть. Пока играет, не трогает его волк, сидит да воеет. Только перестанет играть, опять волк щипать его принимается. Делать нечего – вот он и проиграл всю ночь напролёт. От игры даже губы у него распухли. Утром пришли люди проверить яму и нашли там и волка, и Шимонелис а. С того времени прозвали его Дудочкой»⁷⁷.

Есть у волков и маленькие слабости. Эти хищники, например, любят полакомиться не только баранами, но и баранцами. «Русские уверяли иностранцев, что на низовьях Волги растёт животное-растение – баранец, оно приносит плод, похожий на ягнёнка; стебель его идёт чрез

⁷⁶ Эскимосские... С. 99 – 100.

⁷⁷ Литовские... С. 240–241.

пупок и возвышается на три пяди; ноги мотаются, рогов нет, передняя часть, как у рака, а задняя, как совершенное мясо. Оно живёт не сходя с места до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Показывали меховые шапки и уверяли западных европейцев, что эти шапки из меха «баранца»⁷⁸.

Как ни странно, но мистические волки могут испытывать и чувство страха. В Китае они боятся птицы *чунмин* (она похожа на петуха и имеет в каждом глазу по два зрачка), на Урале – живущую под землёй огненноухую земляную кошку, а в Европе – святую Женевьеву, покровительницу Парижа. И ещё волки боятся «морского лука» (см. начало статьи).

Азиатские эскимосы про трусишку волка рассказывают такую байку.

Шёл по косе голодный песец и увидел выброшенную морем тушу моржа. «Ого, сколько еды!» – обрадовался он и принялся есть. К пировавшему песцу подошёл волк и попросил:

– Я тоже поем с тобой, очень голоден.

– Ладно, ешь, – ответил песец. – Еды много, на всех хватит.

И волк с жадностью набросился на моржовую тушу. Когда звери наелись до отвала, песец предложил:

– Давай теперь взберёмся вон на тот холм и хорошенько поспим.

Волк согласился, и звери улеглись на вершине холма. Волк, опьянев от сытной еды, быстро уснул. Как только песец убедился, что волк спит, он тихонько встал, собрал старые моржовые позвонки, нанизал их на волчий хвост и закрепил с помощью обрывка моржовой шкуры. А затем растормошил волка и закричал:

– Вставай, скорее вставай! К нам бегут охотники! Они нас убьют! – И после этого убежал.

Испуганный волк вскочил и спросонья помчался куда глаза глядят. Он услышал, как кто-то с грохотом и шумом за ним гонится. Почувствовав в хвосте боль и тяжесть, он подумал: «Плохи мои дела, враги вот-вот схватят. Уже несколько стрел вогнали в мой хвост». – И помчался ещё быстрее. Но сколько ни бежал, грохот и шум не ослабевали. Волк совсем обесилел. Наконец в изнеможении остановился и прохрипел:

– Нет, больше не могу! Пусть лучше убьют! – И в страхе оглянулся.

И что же?! Никто за ним не гонится, и не слышно никакого грохота, а на его хвосте висит несколько моржовых позвонков. Понял всё волк и от гнева чуть не задохнулся:

– Проклятый песишка! Я чуть со страху не умер! Ну только попадись мне в лапы – живым не выпущу!

С тех пор песец старается не показываться волку на глаза, а волк рыщет по тундре, чтобы найти своего обидчика и с ним расквитаться⁷⁹.

Несмотря на подобные проявления боязливости, мистические волки по всему свету храбро сражаются с нечистой силой, которая под разными личинами портит людям кровь. В Швеции одну из таких нечистей называют *скогсрой*.

«...Некоторые охотники, которым случалось заночевать в лесу в какой-нибудь хижине, слышали поднявшийся глухой ночью вой волков и сильный шум. Выглянув в окно, они видели скогсру, бежавшую от стаи преследовавших её волков. Добравшись до строения, скогсра вскакивала в открытое окно и после этого начинала насмехаться над волками, протягивая им то одну, то другую ногу и приговаривая: «Хватай-ка мою ногу! Хватай-ка другую! Хватай-ка обе, если сумеешь!» Одному охотнику сильно не понравилось её присутствие, и он толкнул скогсру в спину так, что она упала среди волков, и произнёс: «Хватайте-ка её всю!» Волки немедленно сожрали скогсру»⁸⁰.

⁷⁸ Забылин... С. 403.

⁷⁹ Эскимосские... С. 46 – 47.

⁸⁰ Торн... С. 258.

Однако, как говорит русская поговорка, таскал волк – потащили и волка. И потащили его однажды прямо в лапы дьявола.

...В средневековом городе Аахене, который при Карле Великом был столицей Священной Римской империи, горожане решили построить собор – большой и красивый. Не жалея денег, они пригласили самых лучших мастеров Европы – и работа закипела. Муниципальный совет избрал из числа горожан толковых управляющих – эшевен, и они придирчиво следили за ходом работ.

Шли годы. Росли стены красавца-собора. Вместе с ними росли и расходы на его возведение, и вскоре выяснилось, что платить строителям нечем – городская казна пуста. Аахенцы были в отчаянии, и сколько они ни ломали голову, где взять денег, – ничего придумать не могли. И вот в эти трудные времена в городе появился богатый путник. Он въехал на прекрасном гнедом коне в сопровождении чёрного всадника. Приезжий остановился на лучшем постоялом дворе и потребовал самую просторную комнату и самые изысканные блюда. Как и многие путники, незнакомец посетил строительство храма. Он внимательно всё осмотрел, поговорил с мастерами, изучил чертежи и восторженно воскликнул:

– Я уверен: жители Аахена будут гордиться своим собором – он будет самым прекрасным храмом в мире!

Однако ему сказали, что возведение чудо-храма придётся приостановить: у города нет денег.

На следующее утро незнакомец пришёл в ратушу и предложил ошеломлённым эшевенам всю необходимую для завершения строительства сумму. Это были сумасшедшие деньги!

«– Мы никогда не сможем возместить вам эти затраты!» – ответили народные избранники, но в их глазах засветилась безумная надежда.

– Речь не идёт о возмещении, – ответил незнакомец ледяным тоном. – Взамен я прошу у вас лишь малость, действительно мелочь: отдайте мне душу первого прихожанина, который войдёт в церковь. Как видите, это пустяк!

Эшевенны побледнели от страха – незнакомец был Дьяволом! Всё теперь было понятно: и его гнедой конь, и его загадочный спутник, и его несметные богатства! Пока не поздно, надо было изгнать его из города.

Но увы! Дьявол посеял смуту в сердцах обитателей, и большинство из них решилось согласиться на сделку: в конце концов одна душа – это не так много. Каждый постарается, чтобы это была не его душа!

Строительство возобновилось с новым размахом. На это время Дьявол покинул город, и о нём даже забыли...

Или скорее сделали вид, что забыли, ибо, когда наступил долгожданный день освящения церкви, ни один верующий не захотел переступить её порог! Толпа неподвижно стояла на паперти. «Заклучили-то эту сделку эшевенны, – шептали люди, – пусть один из них и отдаст свою душу Дьяволу!» На эшевенны смотрели с яростью. Вдруг какой-то человек заставил толпу расступиться: он нёс большой полотняный мешок, откуда слышалось хриплое рычание. Без колебаний он направился к входу. «Безумец! Святой!» – с облегчением крикнули в толпе. Подойдя к порталу церкви, человек слегка приоткрыл ворота, потом, опустив поклажу на землю, протащил её между створами. Сильно ударив ногой по своему мешку, он крикнул: «А вот и для Дьявола!» С паперти только и успели что увидеть лохматый хвост, исчезнувший во мраке нефа. Толпа закричала от радости. Под устремлённым ввысь куполом собора, мелко подрагивая, расхаживал волк, пленник этой каменной чащобы. Так Дьявол заполучил душу своего заклятого врага!»⁸¹.

⁸¹ Рагаш... С. 24.

Впрочем, наш герой и сам был способен воплощать зло, и это воплощение могло принимать самые различные формы.

...Король Мунстера Кахал на зависть остальным королям Ирландии был мужчиной стройным и красивым. Он влюбился в прекрасную деву – сестру короля Ульстера Фергуса. Их чувства были взаимными, и влюблённые решили пожениться. Но Фергус смертельно ненавидел Кахала и замыслил свадьбу сорвать. Вскоре для этого представился удобный случай: сестра Фергуса с верным слугой отправила возлюбленному корзину спелых яблок, и Фергус незаметно подменил их другими – заговорёнными.

Король Кахал очень обрадовался подарку своей избранницы и сразу же принялся есть яблоки. Однако чем больше он их ел, тем больше ему хотелось, ибо на каждом яблоке лежали злые чары. Когда король съел все подаренные плоды, он разослал по всей стране вестников, чтобы те доставили ему побольше яблок. И он всё ел и ел, пока в королевстве не осталось ни одного яблока. Тогда он потребовал, чтобы ему непрерывно подвозили съестное, ибо голод его терзал всё сильнее и сильнее. Вскоре он съел весь скот, зерно и плоды, но всё кричал, что он голоден, и в поисках харчей приказал обыскать все дома, кладовые и амбары. Народ был в отчаянии, люди, лишённые еды, стали умирать от голода.

К счастью, в те чёрные дни по Мунстеру путешествовал один великий поэт и мудрец. Услышав о страшной беде, постигшей страну, он понял, что король находится во власти злых чар, и немедленно отправился в столицу. Его привели к королю, и он принялся совершать над ним очистительные обряды, произнося магические заклинания и священные песнопения. А на третий день поэт объявил придворным, что в эту ночь, когда взойдёт полная луна, он силою своего волшебства разрушит лежащее на короле страшное заклятье и вернёт ему прежнее здоровье. Взволнованная толпа приближённых собралась перед дверью королевской опочивальни и застыла, объятая страхом и надеждой. И, как только взошла луна, в опочивальне раздался страшный крик, затем распахнулась дверь, и поэт попросил всех войти. Глазам людей предстала невероятная картина: посередине комнаты на полу лежал огромный чёрный волк – он был мёртв. Этот ужасный зверь – ненасытный и прожорливый – обитал в теле короля и был виновником всех его бед. Силой чародейства поэта он был оттуда изгнан и умерщвлён. А избавленный от страшной напасти король мирно спал на своей постели.

На следующий день произошли ещё два важных события. Счастливый король Кахал устроил в честь поэта пир и на том пиру снял со своей шеи золотую гривну и надел её на своего спасителя. А королём Фергусом овладел странный недуг: он ничего не мог взять в рот из всех прекрасных кушаний и вин, которые перед ним ставили. С каждым днём Фергус всё больше и больше чахнул и вскоре умер.

Когда закончился траур по умершему, король Кахал женился на своей возлюбленной, и они жили долго и счастливо⁸².

Под стать чёрному волку, принёсшему столько горя жителям ирландского королевства, был и коварный волк, бесчинствовавший в Северной Америке. Речь идёт о *Малсуме* – злом духе и оборотне племени алгонкинов.

Тут необходимо заметить следующее: на самом деле оборотничество у волков успехом не пользовалось – они превращались в других существ редко и неохотно. (Вот один из немногих примеров: в «Калевале» Куллервойнен оборотил лесных волков в телушек.) Вместе с тем эти звери были самым популярным объектом оборотничества: в них обращалось великое множество всевозможных колдунов, ведьм, чернокнижников и представителей всякой нечистой силы (см.: *Оборотни*).

Среди мифологических волков встречались и каннибалы. Часть из них представлена в этой книге: *Жеводанский зверь*, *Волк-живоглот*, *Куцалан*, *Горлагон* (см. также: *Убийцы*,

⁸² Уайльд... С. 155–157.

Псовые на небе). Справедливости ради уточним: иногда волк-людоед выступал орудием возмездия за совершённые человеком злодеяния. Например, он загрыз вора, похитившего деньги из сокровищницы храма Аполлона в Дельфах (см.: *Священные псовые*).

Индейцы Великих Равнин скири пауни приписывают волку и авторство смерти. По их мнению, на заре бытия Волчья Звезда (Сириус) позавидовала Яркой Звезде (вечерней Венере), которая украшала небосвод руками своего друга Молнии. По приказу Волчьей Звезды Волк украл у Молнии мешок со звёздами. Жадный зверь, думая, что в мешке спрятано съестное, принялся его торопливо развязывать, а когда открыл – тут же свалился замертво. Так на земле появилась смерть. Люди выделали шкуру убитого волка и забрали её себе; с тех пор они называются *скири* – «волчьи».

Обвиняют волка в алчности и китайцы – они сравнивают его с ненасытным чиновником, который готов обобрать простого человека до нитки. Кроме того, по китайским поверьям, волк является олицетворением разврата.

В «Божественной комедии» путь Данте преграждают три аллегорических зверя: рысь – сладострастие, лев – гордыня и волчица – корыстолюбие.

В христианстве волк – символ зла, пособник или воплощение дьявола. Днём и ночью рыщет он по земле, стараясь похитить бедных, доверчивых «овечек» – души верующих (см.: *Введение*).

Завершая рассказ про мифологического волка, рискнём дать его обобщённый психологический портрет. Образ этого зверя противоречив и неоднозначен, он соткан из света и тьмы, добра и зла. Волк может быть и доблестным воином – и кровожадным оборотнем, и родоначальником нового племени – и убийцей вне закона, и умыкающим невесту женихом – и кровавым людоедом, и жертвой – и преступником...

«Внутри каждого человека идёт борьба злого волка с добрым. Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь». Так говорят индейцы Северной Америки.

А жители Кавказа вайнахи рассказывают такую легенду.

Когда наступит конец света – подует сильный ветер, горы будут разрушены, а люди и звери убиты. В живых останется только волк. Он повернётся навстречу ветру, и ветер сорвёт с него шкуру. И тогда во весь рост встанет освобождённый богатырь. Он увидит лежащую у своих ног волчью шкуру и с удивлением поймёт, что в этом мире он был волком...

Волк-живоглот

Персонаж бретонского фольклора, кровожадный оборотень-людоед.

В одной старинной легенде, которыми так богата Бретань, рассказывается о приключении некоего юноши по имени Персоник. Был он высоким, стройным и пригожим парнем, а по натуре – смелым и находчивым. Кроме того, Господь наделил его добрым и отзывчивым сердцем.

Отец Персоника, будучи зажиточным крестьянином, перед смертью завещал ему только кожаную плётку. И больше ничего. Случилось это потому, что Персоник, на свою беду, был в семье младшим сыном. А по обычаям того времени всё движимое и недвижимое имущество покойного переходило к старшему сыну.

Однако Персоник не унывал. Получив свою долю наследства, он простился с братом, засунул краюху хлеба за пазуху, повесил плётку на шею и зашагал по пыльной дороге, сам не зная куда.

Очень скоро он убедился, что плётка у него не простая, а волшебная. Об этом он узнал совершенно случайно, когда, притомившись, сел у ручья отдохнуть. Пустое брюхо заставило его думать только об одном: где раздобыть денег, чтобы утолить мучительный голод. Занятый невесёлыми мыслями, он краем глаза заметил, что конец плётки упал в ручей. Через мгновение Персоник ощутил сильный рывок и сам чуть не свалился в воду. Придя в себя, он увидел огромного лосося, который неистово бился на конце плётки. Вытащив рыбину, изумлённый юноша вновь забросил плётку в ручей и достал оттуда большого угря. Вот так невольный рыболов открыл удивительные свойства отцовского наследства, а заодно и решил проблему обеда.

Позже плётка показала и другие чудеса. Она, например, задала основательную трёпку мошенникам, которые пытались её похитить. А как-то раз даже оживила мертвецов.

Узнав, на что способна его плётка, Персоник стал беречь её пуще глаза.

Однажды Персоннику повстречался дремучий лес. «Долго он шёл, а лес становился всё гуще. Вдруг послышался собачий лай, всё ближе и ближе. Персоник остановился и вскоре услышал, как лес расступается перед целой сворой псов. Вдруг перед его глазами промчался огромный волк, глаза и пасть которого горели огнём. Голова у него была огромная, как у быка.

Тут же примчал какой-то всадник, который скакал навстречу волку. Зверь обернулся, увидел, что собаки его нагоняют, разбежался и впелся коню в самое горло. Конь рухнул, увлекая всадника на землю. Но не конь был нужен волку: он вскочил на спину всаднику. Персоник схватил свою плётку. Но тут примчались собаки – их было то ли десять, то ли двенадцать. Персоник и шагу не успел сделать, как они кучей навалились на волка, и бедный всадник оказался погребён под телами животных. Как можно было помочь ему? Но волк и не думал убивать всадника. Он накинулся на собак и, подавшись назад, стал от них отбиваться. Волк был матерый, нечего сказать. Персоник подошёл к охотнику, лежавшему в крови около своего коня. Ранен он был не сильно: больше пострадали конь и собаки. Он тут же обрёл дар речи и спросил:

– А с волком что? Волка поймали?

– Я точно не знаю, – ответил Персоник, – он убежал, а вслед на ним и собаки.

– Его надо поймать, – заволновался охотник. – Обязательно! Но что же делать! Лошадь моя околела! Отдам жизнь и всё моё добро тому, кто этого волка поймает!

– Если хотите, оставайтесь здесь, – предложил Персоник, – я побегу за ним с плёткой.

– С плёткой, бедный ты мой! – несмотря на боль и ужас, охотник усмехнулся, – с плёткой! Этого волка не берут ни собачьи зубы, ни стрелы. Что ему твоя плётка! А если этот зверь не умрёт, то – о Господи! – умрёт моя дочь!

Охотник был в отчаянии.

– Этот волк убил уже тридцать одну девушку за последние несколько лет, и все они были богатыми наследницами. В окрестностях осталась только моя дочь, и, пока жив этот волк, я живу в постоянном страхе за неё. Но сколько на этого зверя ни охотились...

Но пока он говорил, Персонику в голову пришла мысль:

– Нужно мне убить этого волка.

И, не слушая больше жалоб охотника, размотал плётку и побежал по собачьим следам.

По лесным тропинкам была разбрызгана кровь, и Персонику нетрудно было найти дорогу. Но не волк оставлял свою кровь на земле: и там и сям валялись тела собак. Персоник было забеспокоился, не оторвался ли волк далеко от него, как вдруг услышал впереди вой и лай. Тогда он побежал со всех ног.

Волк терзал последних двух собак, когда подбежал Персоник со своей плёткой. Один удар – и волк свалился на землю. Удивительное дело: волк был жив, силы его не иссякли, а было их у него столько же, сколько у здорового быка. Но ни зубы, ни когти в ход не пустил. Убить его Персоник не мог и поэтому намотал плётку на голову зверю.

– С моей плёткой, – сказал он сам себе, – мне никакая опасность не страшна.

И повёл за собой волка, безобидного, словно ягнёнок. Однако зверь никак не шёл туда, куда вёл его Персоник. Каждый из них тянул в свою сторону. Персоник не мог ни отпустить плётку, ни выпустить зверя, так что пришлось ему идти за волком. И вот злодей пошёл вперёд, а Персоник зашагал за ним.

Надо сказать, Персоник немного растерялся и стал озираться по сторонам, ведь, как говорил охотник, этот волк ни хитростью, ни выдумкой не уступал самому Дьяволу. Он шёл не по тропинке, не по дорожке, а петлял по лесу, туда и сюда, так что ремень плётки натягивался, а Персоник еле успевал смотреть себе под ноги, чтобы не упасть.

«Вот так прогулка, – думал он. – Сам не знаю, куда иду. Похож сейчас на слепого, только вместо собаки-поводыря у меня волк».

А лес становился всё темнее. По сторонам виднелись камни, поросшие мхом, росли огромные деревья, и нигде не было никаких тропинок. Ясно было, что люди забредали сюда нечасто.

– И как я только смогу отсюда выбраться? – думал Персоник. – Ну что, мерзкий волк, я никуда больше не пойду!

И волк, будто слушался человеческих слов, остановился. Перед ним была расщелина, которая казалась глубокой. Большая скала нависала над отверстием и закрывала свет.

– Ну всё, мерзкий зверь, – крикнул Персоник. – Уж, наверное, не для того, чтобы здесь торчать, ты сюда меня привёл?

Волк ничего не ответил, а разбежался и прыгнул в колодец. Такой подлости Персоник не ожидал. Он как следует держался за плётку и поэтому вниз головой полетел вслед за волком. Падая, он уцепился ногтями за скалу. Но только и смог, что оторвать от неё немного мха и плюща.

Персоник, как можно догадаться, приземлился не очень удачно – ведь колодец был глубоким. А вот волк, похоже, привык к таким прыжкам и упал как надо: на все четыре лапы, семь раз перекувырнувшись в полёте. Он тут же попробовал убежать, но Персоник хорошо держал плётку и не выпускал её. Растянувшись во весь рост, он не мог пошевелиться: то ли мёртвый, то ли без сознания. Волк поддевал Персоника и носом, и лапами, чтобы освободиться. Но не тут-то было! Жив был Персоник или нет, а плётку свою держал крепко.

Тогда волк сунул лапу себе в пасть и завыл, как всегда воют волки, когда попадают в ловушку. Стены колодца задрожали, загудели, так что очнулся Персоник от этого шума.

Он вздохнул и выпустил плётку, чтобы протереть глаза. И тут же волк, словно того и дожидался, отскочил к стене, где виднелась какая-то нора. Но Персоник, хоть и был без чувств за минуту до того, быстро пришёл в себя.

Нора была узкой, и волк не мог быстро пробираться по ней. Когда из норы торчал уже только хвост зверя, Персоник ухватился за него обеими руками... Волк тянул Персоника за собой, так что тому пришлось ехать за зверем на брюхе... Вдруг за поворотом показалась комната... Тут Персоник и ухватил снова рукоять своей плётки, решив, что теперь уж ни за что её не выпустит...

Комната, в которой он очутился, была необычной... В стенах было прорублено тридцать две двери, и тридцать одно имя было написано на них; лишь одна была безымянной. Прямо перед собой Персоник увидел надписи «Анжелина», «Гвиния», а дальше – «Дофина». Он вспомнил о девушках, которых некогда, по словам охотника, утащил волк, а когда заметил дверь без имени, то понял: на ней будет написано имя дочери охотника, если только она попадёт сюда.

«Если бы только я мог, – подумал Персоник, – заставить этого мерзкого зверя привести мне всех девушек, которых он здесь запер, я бы совершил подвиг и прославился. А что, раз я уж сюда забрался, то отступить мне некуда. Осталось только осмотреться, – может, удастся выведать, как здесь что устроено».

Волк тем временем сидел смиренно, облизывая лапу, и иногда исподлобья поглядывал на Персоника. А сидел он на каком-то деревянном кругляше, на который Персоник поначалу даже не обратил внимания.

Персоник прислушался: может быть, удастся услышать чей-нибудь голос? Но ни один звук не долетал из-за дверей, за ними было ещё тише, чем под могильными плитами, где гниют тела мертвецов.

Не выпуская плётки из рук, Персоник не мог никуда отойти от волка, ведь волк слушался только кожаного ремешка. Привязать волка тоже было нельзя, ведь тогда у Персоника не будет в руках плётки, то есть власти над зверем, и тогда – кто знает, чего можно ожидать? Лучше всего было бы, конечно, убить волка, но как тогда выбраться из норы?

Что же делать?

А волк время от времени скалился, как будто смеялся, издеваясь: «Ничего, рано или поздно моя возьмёт!»

Что и говорить, невесело было Персоннику. Он обошёл комнату кругом, постучал во все двери, потряс их изо всех сил. Но как их открыть, ведь ни в одной не было ни ключа, ни даже замочной скважины! Обойдя все двери, Персоник вернулся к волку и приказал ему:

– Выведи меня отсюда по прямой дороге!

Волк взглянул на него искоса, всем видом своим говоря: «Да неужели?» Персоник хорошенько дёрнул плётку:

– Пошевеливайся, мерзкое животное!

Волк встал и лениво прошёлся по комнате, после чего снова уселся на деревяшку. Тогда Персоник, разозлившись, принялся пинать его ногами. Волк показывал зубы и подвывал, но от этого удары ещё сильнее сыпались на него. Плётка натягивалась и, наконец, соскользнула с головы зверя. Всё, Персоник, все труды твои пошли прахом!

Почувствовав себя на свободе, волк набросился на Персоника, как на овцу. Персоник не успел даже махнуть плёткой и упал на землю. Однако, падая, он задел деревянный кругляш, который стоял посреди комнаты. И тут – удивительное дело! – деревяшка дважды повернулась под его рукой, и тут же все двери распахнулись. Волк злобно взвыл, но Персоник успел накинуть плётку ему на голову. И тут же волк стал послушнее ягнёнка. Персоник подождал: не покажется ли кто-нибудь из-за дверей, но никого не увидел и ничего не услышал.

– Хорошо! – сказал он. – Теперь пойдём за мной, мерзкий зверь, а то как бы ты не запер все двери, лишь только я окажусь в другой комнате. – И поволол волка за собой.

Не задумываясь, он медленно вошёл в комнату, на двери которой было написано «Дофина», стараясь не шуметь и надеясь что-нибудь найти.

Удивительное и забавное это было зрелище: Персоник и идущий следом за ним волк, шагающий в тишине и поворачивающий нос то в одну, то в другую сторону тёмного хода.

А ход становился всё темнее и темнее... Ещё немного – и Персонику пришлось идти на ощупь... Вдруг впереди будто загорелась красная звёздочка: там был свет. Персоник и обрадовался, и обеспокоился. Подойдя поближе, он увидел лучину, втиснутую между двух камней стены перед порогом.

– Есть здесь кто-нибудь? – спросил сам себя Персоник. – Может быть, за порогом – девушка?..

Он взял лучину и стал искать ключ или дверную ручку. Но ни того, ни другого не нашёл, но дверь оказалась незапертой: стоило толкнуть её, и она открылась. Персоник, с лучиной в одной руке, с волком на привязи – в другой, стал вглядываться в темноту комнаты. Света там было не больше, чем в мешке. Но тот, кто был в комнате, наверное, заметил свет, потому что Персоник услышал тихий стон, грустный, как предсмертный вздох голубки. Волк заворчал, Персоник ткнул ему в морду лучину. Но тот, кто стонал в темноте, услышал рычание волка: голос тут же умолк. С лучиной в руке Персоник вошёл в комнату и обошёл её кругом. И вот, на полу в дальнем углу, увидел девушку. Она лежала без чувств на ветхом полотне. Волосы её были растрёпаны, а лицо было мертвенно бледным. Персоник приподнял девушку с земли, и только тут с ужасом заметил, что у неё была только одна рука и одна нога. Первое, что решил сделать Персоник, – это отнести девушку в среднюю комнату, но волку это пришлось не по нутру. Персоник погнал зверя пинками вперёд себя – девушка у него на руках была почти невесомой.

...Персоник положил девушку на землю и просто онемел от жалости и ужаса. Нога девушки была обглодана до колена, а рука – до самого локтя; от её тела, худого и иссохшего, остались только кожа да кости. У Персоника выступили слёзы.

– Проклятый волк, – крикнул он зверю, – это твоя работа! погоди у меня, я их всех вырву из твоих когтей! – и снова принялся бить волка ногами, так что тот только взвизгивал.

А между тем Дофина открыла глаза. Увидев перед собой человека, а не волка, она удивилась.

Персоник взял её за руку и сказал ей:

– Не бойтесь, меня этот волк слушается, и я хочу сделать вам только добро. Расскажите, что же за беда случилась с вами?

– Меня, – отвечала девушка, – меня похитил из моего замка вот этот волк – сейчас и не вспомнить, давно ли это было. Мой бедный отец остался один в тревоге, а меня этот безжалостный зверь глодал заживо, он приходил каждую неделю и вгрызался в моё тело. Видишь, у меня наполовину съедены одна нога и одна рука. Но я всё никак не умру хотя и мучает меня нестерпимая боль.

– О, Господи! – воскликнул Персоник. – До чего же у тебя несчастная судьба! Но если я только смогу, то вызволю тебя отсюда!

– Только бы снова увидеть отца!

Персоник оставил девушку лежать на земле и вместе с волком подошёл к двери, освещённой лучиной. Он вошёл в комнату и увидел там ещё одну девушку. У неё и руки, и ноги были целы, но вместо щёк зияли кровавые дыры – это было на редкость безобразное зрелище.

Персоник перенёс её к первой. И с Анжелиной случилось то же самое: её тоже унёс волк и приходил к ней каждую неделю, чтобы глодать ей лицо.

Персоник был вне себя от гнева, от жалости, от желания спасти всех этих бедных девушек, – ему хотелось стиснуть зубы и заплакать. Он ходил из одной комнаты в другую, пока не перенёс, наконец, всех девушек в среднюю комнату.

Вскоре все они были вместе, все девушки, которые когда-то были весёлыми и красивыми, но теперь оказались обезображенными настолько, что Персоннику приходилось отводить глаза, чтобы не глядеть на них: у одной вместо носа виднелось кровавое месиво, у другой вместо глаза – пустая глазница, у третьей не было нижней челюсти, у четвертой были изуродованы уши... Не было ни одной девушки, которую пощадил бы волк: у каждой чего-то недоставало.

Волк смотрел на них, глотая слюнки; его глаза загорелись.

Персоник не знал, что делать. Мало было перенести всех этих девушек из их застенков, теперь надо было исцелить их и поднять на землю, или, по крайней мере, убить волка и выбраться отсюда самому, чтобы позвать кого-нибудь на помощь.

Убить волка! Об этом он только и думал всё время, но ему захотелось заставить зверя страдать точно так же, как страдали его пленницы. А потом? Как исцелить бедных девушек?

И вдруг одна мысль осенила Персоника, и ему даже показалось, что эта мысль пришла к нему из иного мира.

– Ну, волк, – сказал он зверю, – сейчас я тебя живого разрежу на куски, куски поджарю, отдам девушкам, и это им поможет. – Персоник открыл свой складной нож. Одним из ремешков плётки завязал волку морду, а другим спутал ему лапы, не обращая внимания на жалобные вздохи зверя; потом взял лучины, зажёл огонь в углу комнаты и стал точить свой нож на камне.

Волк всхлипывал, а обессиленные девушки, неподвижно лежащие вокруг, с замиранием сердца смотрели на него.

Персоник засучил рукава и схватил волка за уши. Два удара ножа – и уши зверя остались в руках у Персоника. Когда они поджарились над огнём, юноша спросил:

– Кто из вас остался без ушей?

Четыре девушки подняли руки. Честно говоря, они, конечно же, брезговали волчьим мясом. Конечно, видеть, как убивают зверя, было для них огромной радостью, но вот поесть его мясо – удовольствие сомнительное. Но если от этого исчезнет их уродство?

И как ни горды были девушки, всё же стоило хотя бы попробовать – а вдруг они снова обретут потерянное? Одна девушка с золотистыми волосами поднесла кусок ко рту, откусила от него и проглотила. Тут же она поднесла руку к голове: из раны показалась плоть. Розовая, как только что проклюнувшийся картофельный проросток. Девушка проглотила ещё кусок, и на прежнем месте выросло новое ухо. Больше того, к ней вернулись прежние силы, она встала, засмеялась и даже запрыгала от радости.

Остальные, конечно же, последовали её примеру, и скоро уже четыре девушки приплясывали и дёргали друг друга за уши, чтобы проверить, хорошо ли они держатся. Тогда Персоник снова повернулся к волку и схватил его за нос. Волк жалобно скулил, но Персоник не обращал внимания; он был рад видеть, что его затея удалась. Девушки поджарили волчий нос, разделили на три куска и раздали тем, у которых были повреждены носы. И трое несчастных тотчас исцелились, у каждой вырос аккуратный носик, какой был раньше.

Ну что, у кого обглоданы щёки? С двух сторон волчьей головы срезаем два куска, поджариваем и отдаём двум девушкам – и снова у них появились румяные щёки! Так они обрадовались, что стали просить поцеловать себя в щёчку.

У кого недостаёт ноги, руки, глаза? Каждая найдёт у волка то, чего у неё нет, как находят у вора украденное добро, и каждой возвратится её доля.

Обезглавленный волк был уже мёртв. Девушки толпились вокруг него, пока Персоник делил мясо. Теперь же они брезгливо смотрели на оставшиеся от зверя кости да потроха.

А Персоник тем временем думал, как же им выбраться на землю. Высоко над ним виднелась дыра в потолке. Нужна была лестница. Лестница? Но всё ведь под рукой. Волчьи кости да кишки – всё равно что палки да верёвки.

И вот Персоник взялся за останки зверя и снова принялся раздирать их на части. Но кости и кишки оказались слишком короткими. Однако вскоре они начали расти, удлиняться, и когда Персоник поднял лестницу, она достала до самой дыры. Оставалось только взобраться наверх и высунуть голову наружу. Господи! Земля, солнце, зелёные деревья! Какая же радость после этого адского подземелья!

Персоник снова спустился.

– Ну что, барышни, – сказал он, – поднимайтесь по одной, самые младшие пойдут самыми первыми. А я вслед за вами поднимусь.

Девушки обрадовались и быстро-быстро поднялись наверх.

Персоник последовал за ними. Но когда очутился на земле, то вспомнил про свою плётку.

– А плётку-то я там оставил! Эй, кто-нибудь видел мою плётку?

Но никто о ней и знать не знал. Тогда Персоник решил:

– Ну и ладно. Наверное, эта плётка ко мне для того и попала, чтобы я сделал то, что мне пришлось сделать. А когда работа позади, плётка мне и не нужна больше» (пер. А. Р. Мурадовой)⁸³.

После того как первая волна радости схлынула, девушки и их отважный спаситель стали думать о том, как им выбраться из лесного плена. И чем быстрее, тем лучше, ведь в лесу подстерегало множество опасностей: хищные звери, разбойники, голод, укусы ядовитых змей. К счастью, одна из барышень вспомнила, что замок её отца находится в этом же лесу.

И вот, преодолев множество трудностей, лесные скитальцы наконец увидели высокие стены замка, а возле них – толпу людей с собаками: это местные мужчины собирались на охоту.

Удивлению и радости с обеих сторон не было конца! Особенно после того, как кто-то из охотников увидел среди девушек свою дочь, кто-то – сестру а кто-то – невесту.

После бурной встречи Персоник подробно рассказал о своих приключениях и о том, как он спас девушек от зубов кровожадного оборотня-людоеда. Поражённые слушатели внимали словам Персоника, затаив дыхание. А спасённые девушки дополнили его рассказ жуткими подробностями пережитого ими кошмара.

Завершилась же эта страшная история радостным событием: наш герой Персоник женился на той самой девушке, которую он первой спас от свирепого волка-живоглота.

⁸³ Бретонские легенды... С. 107 – 120.

Волк Псамафы

В греческой мифологии чудовищный волк, которого nereида Псамафа наслала на стадо быков Пелея, убившего вместе со своим братом Теламоном её сына Фока.

Немилосердное солнце добела выжгло небо Фессалии, иссушило траву на южных склонах гор, позолотило широкие спины пасшихся в долине быков. В знойном мареве, пропитанном ароматами кипариса, полыни и лаванды, повисла сонная тишина. Её нарушали только шумные вздохи рогатых исполинов да гудение неутомимых шмелей. И вдруг полуденное оцепенение взорвалось отчаянным рёвом и тяжёлым топотом быков. Дремавшие в тени пастухи вскочили на ноги и побежали к дальнему перелеску, откуда доносились страшные звуки. Впереди с громким лаем мчались собаки.

То, что пастухи увидели, заставило их в ужасе остановиться. Среди обезумевших быков метался огромный чёрный волк! Его глаза горели словно раскалённые угли, в окровавленной пасти сверкали острые клыки! Вот кровожадное чудовище набросилось на очередного быка и перегрызло ему глотку – несчастное животное, чью грудь залили потоки крови, упало и забилося в предсмертных конвульсиях. А чудовище кинулось на следующую жертву.

Казалось, никакая на свете сила не могла обуздать безумного зверя! Не остановили его и собаки: после короткой ожесточённой схватки истерзанные овчарки с истошным визгом отлетели прочь и вскоре навеки затихли. Двух пастухов, бросившихся с копьями на волка, постигла та же участь. И безжалостный чёрный убийца, опьянев от крови и собственной безнаказанности, продолжил разбой с удвоенной силой. А старший пастух в панике помчался к царскому дому.

Услышав о страшной беде, царь мирмидонян Пелей прыгнул в колесницу и первым примчался к своему стаду. Рядом с ним была его супруга Фетида. Взору сошедших с колесницы царя и царицы предстала жуткая картина: вся долина была залита кровью и усеяна трупами быков. Жалкая горстка уцелевших животных пыталась спастись от клыков огромного чёрного волка, безжалостно резавшего круторогих красавцев. Даже у Пелея, много повидавшего на своём веку, это кровавое побоище вызвало страх и растерянность. Он понял, что в одночасье лишился основного богатства – огромного стада великолепных быков, которыми безмерно гордился. Боль и отчаяние овладели царём, голова его поникла, из груди вырвался горестный стон.

Вдруг раздался испуганный храп лошадей. Пелей поднял голову и увидел бежавшего к ним волка. Вид зверя внушал ужас: волчьи глаза горели бешеной злобой, в оскаленной пасти белели огромные клыки, а чёрная шерсть была густо окрашена бычьей кровью. Почуввав крепкий волчий дух, лошади в испуге шарахнулись и с громким ржанием унеслись прочь, оставив царскую чету наедине с хищником. Рука царя привычно метнулась к левому боку, но, увы, меча там не оказалось – царь впопыхах оставил его дома. На месте был только нож. Пелей закрыл собой супругу и с отчаянной решимостью выставил нож. Он понимал: к ним мчится неминуемая смерть. И в эти последние мгновения неожиданно раздался взволнованный возглас Фетиды: «Я знаю – это месть Псамафы!» Выкрикнув эти слова, царица вышла из-за спины супруга и решительно шагнула вперёд. Она уставилась на волка пристальным зловещим взглядом и скорчила страшную гримасу: её глаза вылезли из орбит, из широко раскрытого рта вывалился язык, а из глотки вырвался нечеловеческий вопль! Приготовившийся к прыжку зверь ошарашенно замер и... окаменел!

Да, волк превратился в камень, и царская чета была спасена! Спасена благодаря проныцательности и находчивости Фетиды, которая применила неотразимое женское оружие – свою внешность. Вспомните горгону Медузу! К тому же Фетида была не простой женщиной, а

нерейдой – дочерью морского божества Нерея. Потому-то она и разгадала преступный замысел своей мстительной сестры, nereиды Псамафы. Фетида поняла: огромный чёрный волк был послан Псамафой, чтобы погубить царских быков. А заодно и их хозяина Пелея, который когда-то лишил жизни Фока, единственного и горячо любимого сына Псамафы.

...Фок погиб давно. Ещё в те времена, когда Пелей был безбородым юношей и вместе со своим младшим братом Теламоном проживал в отцовском доме на острове Эгина. Родителями братьев были царь Эгины Эак и его супруга Эндейда. С ними жил Фок, плод неразделённой любви Эака к nereиде Псамафе. Пелей и Теламон завидовали единокровному брату и тайно его ненавидели. Эндейда постоянно твердила старшему сыну Пелею, что его отец, скорее всего, оставит трон самому младшему – Фоку, которого любил больше других сыновей. И царя можно было понять: среди юношей Эгины Фок выделялся не только красотой и силой, но и добротой, честностью и щедростью. Кроме того, он был непревзойдённым атлетом-пятиборцем и лавровый венки победителя часто украшал его чело.

Подстрекаемые матерью Пелей и Теламон решили убить Фока. Однажды они пригласили его поупражняться в метании диска, и во время занятий Пелей (некоторые говорят – Теламон) бросил каменный диск в голову Фока и убил его. Братоубийцы спрятали тело несчастного юноши в лесу и как ни в чём не бывало вернулись домой. На все вопросы они отвечали, что не видели Фока и не знают, куда он пропал. Встревоженный Эак послал воинов на поиски, и те вскоре обнаружили в лесу мёртвое тело царского любимца. Убитый горем царь провёл расследование. Подозрение пало на старших сыновей. Сперва они горячо отрицали свою вину. Затем под тяжестью улик вынуждены были признать свою причастность к смерти Фока. Но при этом упрямо твердили, что это было не преднамеренное убийство, а несчастный случай. Однако им никто не поверил – все слишком хорошо знали их истинное отношение к младшему брату. Разгневанный Эак проклял сыновей-убийц и изгнал их с острова.

Теламон нашёл прибежище на соседнем острове Саламине у царя Кихрея. Позже он женился на его дочери, а после смерти царя унаследовал его трон.

Судьба старшего брата была иной. Пелея неотступно преследовал злой рок, и ему приходилось бежать из одной страны в другую, потому что везде он становился или невольным убийцей, или соучастником убийства. Попав во Фтию, он на Калидонской охоте нечаянно убил царевича Эвритиона и вынужден был с супругой Полимелой (дочерью фтийского царя) спешно покинуть гостеприимный край. Беглецы нашли приют в соседнем Полке. Однако немилосердная судьба настигла Пелея и здесь. Супруга царского сына Акаста Крефеида после безуспешных попыток соблазнить Пелея решила ему отомстить и сообщила Полимеле, что её супруг домогается любви юной Стеропы, дочери Крефеиды и Акаста. Поверив навету, несчастная Полимела повесилась. Но коварной клеветнице этого показалось мало, и она в притворных слезах пожаловалась супругу, что их гость пытался её обесчестить. И Пелею, едва не растерзанному дикими кентаврами, пришлось бежать из Полка.

Много ещё невзгод и лишений довелось испытать изгнаннику. Наконец неумолимая судьба чуть-чуть ослабила свой гнёт, и Пелей смог в очередной (и последний) раз жениться. На сей раз его невестой была nereида Фетида. Свадьбу сыграли на высшем уровне! Во всех смыслах: торжественный обряд бракосочетания на горе Пелион проводила сама Гера, а за праздничным столом присутствовали все двенадцать олимпийских богов во главе с Зевсом. Молодожёнам вручили многочисленные божественные подарки. Но увы! Даже здесь не обошлось без пресловутой ложки дёгтя. Не приглашённая на свадьбу богиня распрей Эрида подбросила гостям золотое яблоко, на нём красовалась коварная надпись: «Прекраснейшей!». И это яблоко раздора, в итоге, стало причиной кровопролитной десятилетней Троянской войны (см.: *Чёрная сука*).

Благодаря удачному браку, Пелей стал обладателем несметных стад – основного богатства тех времён. Особенно он гордился стадом дородных красавцев-быков.

И тогда Псамафа, в чьём сердце кровоточила незаживающая рана, нанесённая убийством сына, наслала на быков Пелея ужасного чёрного волка...

* * *

Не сули собаке пирога, а кинь краюху!

Кто волком родился, тому лисой не бывать.

Волк-христианин

Согласно бретонской легенде, волк, прирученный и обращенный в христианскую веру слепым Херве.

Негостеприимны берега Арморики. Они изрезаны многочисленными бухтами, усеяны опасными рифами и коварными мелями. Вдоль побережья высятся угрюмые, похожие на окаменевших великанов утёсы. Перед ними до самого горизонта простираются свинцовые воды Атлантики. Безрадостную картину дополняют тоскливые крики чаек, неумолчный шум прибоя и завывание ветра в скалах. А вдали от берега, в глубине полуострова, расстилается однообразная, чуть всхолмленная равнина, поросшая вереском, невысоким кустарником и редкими деревьями.

В V – VI вв. н. э. в эти унылые края с севера стали прибывать небольшие суда. На их борту находились беженцы из Британии, чьи земли захватили воинственные германские племена англов и саксов. Среди изгнанников-бриттов были не только воины, земледельцы и ремесленники, но и христианские проповедники. Один из них, св. Самсон, вместе с монахами основал на полуострове первый монастырь и обратил в истинную веру местных язычников.

В Бретани (так переселенцы в память о своей родине стали называть Арморикю) нашёл прибежище и знаменитый бард Британии Талиесин (см.: *Кон Аннон*).

Прибыл сюда и поэт Киварнион. Он женился на здешней жрице-друидессе, и вскоре у молодожёнов родился сын Херве. К большому горю родителей, он появился на свет совершенно слепым. Однако Бог, лишивший Херве радости видеть окружающий мир, одарил его необычайными способностями. Вот что об этом рассказывает старинная бретонская легенда.

Однажды родители Херве отправились по делам в далёкий город Ренн, оставив сына на попечение дяди.

В один из тёплых весенних дней, ранним утром, мальчишка уселся возле дороги и принялся напевать незатейливые песенки. Вдруг он услышал чей-то истошный вопль, а затем громкие приближающиеся крики. Когда кричащий человек, а им оказался местный житель Конан, поравнялся с Херве, мальчишка спросил его, что стряслось. Испуганный крестьянин, захлёбываясь, стал торопливо рассказывать, что к нему на подворье забрался огромный волк и задрал осла – единственного помощника, на котором земледелец пахал и возил различные грузы. Внезапно Конан умолк, а через мгновение отчаянно закричал, чтобы Херве немедленно убежал, – к ним мчится волк! Слепой мальчик побледнел, а затем решительно произнёс: «Не бойся! С волком я разберусь. А ты иди домой, возьми плуг и упряжь мёртвого осла и принеси их мне. Живее, Конан!»

Когда крестьянин с упряжью и плугом возвращался к Херве, он увидел невероятную картину: на пыльной дороге перед понурившимся волком стоит маленький слепой храбрец и, подняв указательный палец, что-то ему внушает.

Херве, услышав приближающиеся шаги, окликнул Конана, а затем велел ему запрячь волка и на нём закончить вспашку поля. Дрожавший от страха крестьянин несмело приблизился к зверю, робко накинул на него узду и замер. Однако волк вёл себя смирно, словно это был не лютый хищник, а тихий, покорный ослик.

С тех пор укрощенный волк стал верным другом и надёжным поводырём Херве. Мало того, слепой мальчишка обратил своего новоявленного товарища в христианство и заставил его служить церкви: днём волк перевозил на тележке грузы и сопровождал священника во время его поездок по окрестным селениям, а по ночам сторожил храм. От своих же кровожадных привычек серый отказался напрочь – он стал жить вместе с козами и овцами на крестьянском подворье и питался только сеном и травой.

Вот такая необычная история про необычных друзей-приятелей – благочестивого слепого Херве и единственного в мире волка-христианина.

Впрочем, примеров укрощения лютых зверей христианскими святыми можно привести много. Вспомним хотя бы известную историю волка из Губбио.

Этот свирепый хищник опустошал окрестности итальянского города и держал в страхе всю округу. Все попытки его уничтожить оканчивались неудачей: жестокий зверь внушал страх даже самым смелым, самым опытным охотникам. Тогда отчаявшиеся жители обратились к Франциску Ассизскому, и великий подвижник силой искренней веры и горячих молитв укротил ужасное чудовище. Он снял с себя пояс, повязал его вокруг шеи волка и, словно покорную овечку, привёл его в город. С тех пор волк стал охранять жителей Губбио от воров и разбойников, а также от набегов своих сородичей. Благодарные горожане дорожили своим защитником и досыта его кормили.

А в Нормандии, когда волк загрыз монастырского осла, святой Остреберт велел серому убийце выполнять работу погибшего животного, и хищник послушно возил бельё после стирки.

Рассказанные истории являются ещё одним убедительным свидетельством того, что истинная вера способна творить чудеса.

Волшебные собаки Британских островов

Богата и разнообразна волшебная фауна Британских островов⁸⁴. Она насчитывает не менее двухсот вымышленных существ. Вот некоторые из них: псы Чини, Бендит эр Мамай, *асрай*, Лохматый Джек, Ужасный кот, Грязное Поветрие, туловище-без-головы, Джил-жжённый-хвост, четырёхглазая кошка, Матушкино благословение, старуха-бузина, Шерстяная Джоан, *пикси*, *писки* и *пигси*, Джимми-квадратная-нога, русалки, Нэнни Пуговичная Шляпка, семь свистунов, Худое пальтишко, Пука, Сторский змей, *уриски* и *уризги*, Мокроножка, шляпа-из-обрезков, ведьма из Лагана...

Всех вымышленных обитателей Британии можно разделить на добрых и злых духов, причём последние меняют свою внешность намного чаще первых. Скажем, добрые феи – крохотные человечки, одетые в яркие, разноцветные наряды, – как правило, не владеют искусством оборотничества. Неизменен облик и у щедрого рыболова *вулвера* – человека с головой волка (см.: *Кинокефалы*), а также доброго корнуэльского великана из Карн-Гальва. Не меняют, как правило, своего обличья *брауни* и драконы. А вот злые духи *гоблины* легко принимают нужный им вид: паука, лошади, уродливого старика, обнажённого безголового мужчины, осла... Кстати, встречаться с подобными духами опасно не только людям, но и собакам: они могут потерять всю свою шерсть и стать совершенно голыми. И это ещё не самые тяжкие последствия встречи.

Среди британских волшебных существ можно встретить и псовых, в основном собак. Чаще всего вид страшного пса принимают такие злые духи, как *буги*, *звери-буги* и гоблины (см.: *Баргест*). О повадках британских гоблинов красноречиво говорит их другое, весьма распространённое название: «жуть». (Об одной такой жути в облике чёрной собаки – жути-с-церковного-двора – рассказывается в *Сторожках*.)

В Йоркшире и Ланкашире водится гоблин по имени *скрайкер*. Его ещё называют «*трэши*», из-за шлёпанья при ходьбе. Он может принимать вид огромной чёрной собаки с большими лапами и глазами как блюдце. Скрайкер бродит по лесам и издаёт ужасные вопли. Он, как и многие чёрные псы, является предвестником смерти. Облик чёрной собаки нередко принимает и саффолдский *шок*.

А вот другой зверь-буги – *пэдфут* – может предстать перед человеком, оборотившись белой собакой. Один обыватель из Хорби, встретив педфута, ударил его палкой. Однако палка прошла сквозь белого пса, как сквозь воздух. Пёс посмотрел на ошарашенного наглеца огромными глазами-блюдцами, и тот в страхе побежал домой. Человек был так напуган, что забрался в постель и умер. Привидение, которое появляется на севере Англии, тоже похоже на белую косматую собаку. Это – *галли-трот* (*галли* означает «пугать»). Размером он с быка. У него неясные очертания. Он преследует каждого, кто от него бежит.

Бывают волшебные собаки и серыми. В Горной Шотландии в образе серой борзой рыщет чудовище по имени Жверь Веалух. Его жуткие вопли заставляют рабочих покидать свои дома.

У фей с острова Мэн, кроме волшебных собак обычного окраса – белых с красными ушами, – попадаются собаки всех цветов радуги: красные, жёлтые, зелёные, синие... (О тёмно-зелёных *ку-ши* можно прочесть в *Зелёных собаках*, а о псах валлийского царства мёртвых – белых красноухих гончих – в *Кон Аннон*.)

Собак, принадлежащих феям, называют также собаками холма, потому что феи вместе со своей живностью живут в холмах. С одной из таких собак – белой с красными ушами размером с телёнка – однажды подружился молоденький подёнщик из Чешира. У собаки болели лапы, и паренёк её вылечил, прикладывая влажные листья щавеля. Вскоре после этого подёнщик

⁸⁴ По материалам книги «Волшебные существа. Энциклопедия». СПб., 2008.

проходил через лес, и на него напал призрачный козёл. И несдобровать бы бедному парню, если бы не подоспел его хвостатый друг, – собака холма загнала рогатое страшилище в непролазные дебри.

И всё же большинство волшебных собак Британских островов – чёрные. Таковы, например, псы *Дикой охоты*. Чёрные гончие Гавриила – чудовищные собаки с человеческими головами – обычно высоко мчатся в поднебесье. Но, если они закружили над чьим-либо домом, быть беде: его обитателей непременно постигнет несчастье или смерть. А свору призрачных безголовых собак из Дартмура можно встретить и в долине Деверстона. В погоне за демоном Тригиглом они забегают даже в Корнуолл. Их охотником, по всей видимости, является сам дьявол. Хотя поговаривают, что эти чудовища следовали за катафалком, на котором въезжал в Плимут призрак сэра Френсиса Дрейка – знаменитого пирата, который несколько лет был мэром этого города.

Чёрные собаки неистовствовали не только в небе, но и на грешной земле.

«Самая знаменитая чёрная собака с острова Мэн – это Модди ду, или Маув дуг из замка Пил, прославленная Вальтером Скоттом. В XVII веке, когда в замке был размещён гарнизон, туда стала наведываться огромная лохматая собака, она тихо входила в караульное помещение и ложилась там. Никто не знал, чья она и откуда пришла, однако она была такой странной, что ни один человек не осмеливался с нею заговорить, и солдаты всегда ходили по двое, чтобы отнести ключи в комнату коменданта после того, как запирали ворота. Но как-то раз один солдатик, изрядно выпив, решил разыграть своих товарищей и подшутить над собакой. Он взял ключи, велел собаке следовать за собой и вышел из комнаты в одиночку. Собака поднялась и пошла за ним. Внезапно раздался дикий крик, и человек вернулся, шатаясь, он был бледен, как полотно, и весь дрожал. Собаку больше никто не видел, а через три дня он скончался. Это было последнее появление Маув дуг»⁸⁵.

Впрочем, не все чёрные собаки являются злобными существами, предвещающими или причиняющими смерть. Попадают среди них и дружелюбные псы, которые охраняют и сопровождают путников. Такова, к примеру, собака, которую повстречал Джонни Гринвуд из Суонклифа.

«Однажды Джонни пришлось проехать милью лесом. У опушки к нему подошла большая чёрная собака и побежала рядом. Он так и не понял, откуда она взялась, но, даже когда Джонни уже не мог различить её в тёмной чаще, он слышал, что она не отстаёт. Однако, выехав из леса, он никого не увидел и так и не понял, куда она пропала. Джонни завершил свой визит и отправился обратно той же дорогой. У въезда в лес к нему снова подбежала собака, но он не дотрагивался до неё и не заговаривал. Как только он выехал из леса, она исчезла.

Годы спустя в Йоркской тюрьме двое приговорённых признались капеллану, что намеревались той ночью в лесу ограбить и убить Джонни, но, увидев с ним большого чёрного пса, решили, что с двоими им не справиться»⁸⁶.

«Бытует и история о чёрной собаке из Пила, которая спасла от гибели несколько человек. Одна рыбацья лодка ждала в Пил-Харбор своего шкипера, чтобы отправиться на ночной лов. Они прождали всю ночь, но шкипер так и не появился. На рассвете внезапно поднялся ураган, в котором судёнышко наверняка погибло бы. Наконец присоединившись к команде, шкипер рассказал, что вечером путь ему преградила огромная чёрная собака, которая вставала перед ним, куда бы он ни направлялся, и в конце концов ему пришлось повернуть домой. Эту историю поведал один из членов команды той самой лодки. Ходят слухи, что Маув дуг вовсе не собака, а призрак узника замка; некоторые утверждают, что это герцогиня Глостерская, но подобное

⁸⁵ Волшебные существа... С. 316.

⁸⁶ Волшебные существа... С. 317.

говорят о многих чёрных собаках. Например, чёрная собака из Ньюгейта считается призраком Лука Хаттона, известного разбойника, которого повесили в тех местах»⁸⁷.

А вот ещё одна история, доказывающая, что не все чёрные собаки плохи.

Некий крестьянин однажды попал в непростой переплёт – он зимней порой заблудился среди скал. Упал туман, и крестьянин с отчаянием подумал, что прежде замёрзнет, чем выберется из каменного лабиринта. Идти ему пришлось на ощупь, вытянув вперёд руки. Вдруг он наткнулся на чью-то лохматую шкуру и с радостью подумал, что это старый Шеп – пёс, пасший его овец, – нашёл своего хозяина. Крестьянин ему сказал: «Хороший пёс Шеп, давай домой, домой!» Собака повернулась и вскоре привела крестьянина к его дому. Каково же было его удивление, когда он услышал доносившийся со двора лай Шепа! Крестьянин оглянулся на своего спасителя и увидел, что тот сильно увеличился и растаял в густом тумане. «Это была чёрная собака, благослови её, Господи!» – всегда говорил он, вспоминая эту необычную историю.

На мифологической карте мира есть царство волшебных лис: Китай, Корея и Япония. Есть и владения волшебного койота: просторы Северной и Центральной Америки. Британские же острова можно с полным правом назвать заповедником волшебных собак.

⁸⁷ Волшебные существа... С. 316–317.

Восхождение

История о том, как царь Юдхиштхира отказался взойти на небеса, оставив на земле свою собаку.

В грандиозной эпической поэме «Махабхарата» есть поразительный рассказ о последних днях земной жизни братьев Пандавов, о беспримерном поступке старшего из них – царя Юдхиштхиры.

Братьев было пятеро. И хотя все они считались детьми царя Панду и двух его жён – Кунти и Мадри, – отцы у них были разные. Причиной тому была не супружеская измена жён Панду, а тяготевшее над ним самим проклятие: если он ляжет в постель с женой, то умрёт в тот же день. Поэтому на старости лет, тревожась о том, что останется без наследников, царь разрешил своим жёнам с помощью положенных в таких случаях жертв и молитв призвать к себе богов и стать матерями.

Кунти от бога справедливости Дхармы (или бога смерти Ямы) родила Юд-хиштхиру, от бога ветра Ваю – Бхимасену, а от главы небесного царства Индры – Арджуну. Мадри с помощью небесных братьев Ашвинов подарила миру близнецов Накулу и Самадеву.

Прекрасны были сыновья богов: статные, пригожие, сильные, смелые. При этом каждый из них выделялся особыми, только ему присущими чертами характера. Юдхиштхира был непоколебимо честным, мудрым, справедливым и добрым. Могучий великан Бхимасена одним ударом меча мог сбить с ног сто человек и, ухватившись за макушку дерева, с корнем вырвать его из земли. Блистательный Арджуна по праву считался величайшим из воителей, когда-либо рождённых на земле. А близнецы Накула и Самадева отличались редкой красотой и склонностью к наукам.

Нелёгкая судьба досталась царевичам Пандавам. На своём веку им пришлось побывать и лесными отшельниками, и простыми ремесленниками, и бродячими брахманами, и даже слугами. Встретили они и настоящую любовь. Это была царевна Драупади – дева несравненной красоты и высочайших душевных качеств. Она всем братьям стала верной и любящей женой.

Причиной бед и лишений, выпавших на долю Пандавов, была враждебность Кауравов – их двоюродных братьев, людей завистливых, жадных и жестоких. Эта вражда в конце концов вылилась в страшное побоище, унёсшее десятки тысяч жизней. Сражение длилось много дней. Когда оно закончилось, равнина Курукшетра превратилась в кровавое болото: земля не смогла впитать столько крови. Повсюду, сколько хватало взгляда, громоздились трупы воинов, лошадей и слонов. Там нашли свою смерть все сто братьев Кауравов, там погибли все сыновья Драупади. В той войне победили Пандавы, но победа им досталась слишком дорогой ценой.

Тридцать шесть лет правил страной Юдхиштхира – мудрый и справедливый царь-победитель. И вот однажды, на склоне лет, предчувствуя скорую кончину, он объявил братьям, что покидает этот мир и уходит в Гималаи⁸⁸. Арджуна, Бхимасена и близнецы одобрили замысел старшего брата и решили к нему присоединиться. Узнав об этом, Драупади заявила, что тоже отправится вместе с ними. И сколько её мужья ни отговаривали, сколько ни устрашали предстоящими трудностями, – она была непреклонна: «Я должна быть рядом с вами и в жизни, и в смерти».

Царь посвятил на царство старшего из наследников, совершил поминальное жертвоприношение павшим героям и раздал брахманам неисчислимые богатства: драгоценные камни, одежды, коней, колесницы, рабынь и тысячи коров. Затем, сняв с себя царское облачение, он, его братья и Драупади прикрыли свои тела мочалом и навсегда покинули родной город Хастин-

⁸⁸ Гималаи.

напур. Первым шёл Юдхиштхира, за ним – Бхимасена, потом Арджуна, Накула, Самадева и Драупади. Последней шла собака.

По поводу седьмой участницы этой печальной процессии, собаки, возникает естественный вопрос: «Чья она, откуда взялась?» «Махабхарата», к сожалению, ясного ответа не даёт. В её XVII-й книге «Махапрастханикапарва» лаконично сообщается, что следом за Пандавами, отправившимися в леса, одиноко брела собака. Собственно, тут возможны только два варианта: либо это была собака Юдхиштхиры (или одного из его братьев), либо это была собака приблудная. Последний вариант, судя по всему, является наиболее вероятным.

Итак, герои Пандавы, их жена Драупади и увязавшаяся за ними собака тронулись в далёкий путь, в сторону юга. Дойдя до солёного океана, они по берегу направились на юго-запад, затем повернули на запад и, пройдя несколько дней в том направлении, устремились на север⁸⁹. И вот после продолжительного и утомительного путешествия паломники наконец оказались у цели: их взорам предстали величественные Хималаи. Вокруг вздымались белоснежные вершины гор, зияли бездонные пропасти, с грохотом неслись по дну мрачных ущелий реки, в небесной синеве величаво парили орлы. А вдали, окутанная туманной дымкой, возвышалась самая главная, самая высокая гора на земле – великая Меру.

Всё выше и выше поднимались усталые путники, всё круче и изнурительнее становился подъём. Снег на солнце слепил глаза, ледяной ветер обжигал лицо и руки, не хватало воздуха. В любой миг могла сорваться снежная лавина или камнепад. Но люди упорно продвигались вперёд.

Первой не выдержала Драупади. О том, что с нею случилась беда, Пандавы узнали, услышав собачий вой. Оглянувшись, они увидели, что молчавшая до сих пор собака, тоскливо воет над неподвижным телом Драупади. Братья окружили свою любимую супругу и замерли в горестном молчании, по их щекам текли слёзы. Скорбную тишину нарушил голос Бхимасены:

– О великий царь, всю свою жизнь несравненная Драупади строго придерживалась дхармы. Так в чём же причина, что Кришна⁹⁰ пала на землю?

– Потому что особенно сильной была её благосклонность к Арджуне. Теперь она пожинает плоды своего пристрастия, о лучший среди мужей.

Пандавы прикрыли тело Драупади камнями и продолжили свой скорбный путь. Однако скоро Юдхиштхиру, Бхимасену и Арджуну постигла новая утрата. Оглянувшись на вой собаки, они увидели на камнях мёртвых братьев – Накулу и Самадеву. Вместе близнецы явились в этот мир – вместе его и покинули.

– Отчего пали сыновья Мадри, те, кому не было равных по красоте? – спросил старшего брата Бхимасена.

– Оттого, что они были слишком самоуверенны: «Красивее нас нет никого в целом свете», – считали они. Так что ступай дальше, Врикодара⁹¹, ибо что кому суждено, то он непременно и пожнёт, – сказал Юдхиштхира.

Вскоре, не пережив горестной разлуки с близкими, умер Арджуна – неодолимый муж-тигр, погубитель недругов, чей пыл был подобен пыли Индры.

– Я не припомню за ним, великим душою, ни капли лжи, – со слезами на глазах произнёс Бхимасена. – Так чьими же происками он повержен на землю?

– «За один день мог бы я испепелить всех недругов», – говаривал Арджуна, но не выполнил своего обещания. Оттого и пал замертво.

Сказав это, Юдхиштхира двинулся дальше, и тут упал Бхимасена.

⁸⁹ Паломничество к святыне не кратчайшим путём, а по кругу (слева направо) – характерная черта индуистского ритуала.

⁹⁰ Кришна («чёрная») – одно из имён Драупади.

⁹¹ Врикодара («волчье брюхо») – прозвище отличавшегося отменным аппетитом Бхимасены.

– О царь, – жалобно промолвил он, – и я, твой любимец, лежу на земле. Отчего это случилось?

– А ты ел сверх всякой меры и похвалялся силой, оттого и упал ты на камни.

После этого Юдхиштхира пошёл, не оглядываясь, дальше, и лишь одна собака следовала за ним.

Внезапно всё вокруг озарилось ослепительным светом и раздался страшный грохот. Перед Юдхиштхирой на колеснице, запряжённой белыми как снег лошадьми, предстал сам Индра. Он обратился к царю:

– Поднимайся ко мне!

Но Юдхиштхира, снедаемый горем, ответил ему:

– Пали мои братья, и самая нежная, достойная счастья царская дочь Драупади тоже нашла свою смерть среди камней. Пусть и они взойдут со мной на колесницу, а без них я не желаю идти на небо.

– Не печалься, о царь дхармы, ты увидишь своих братьев и Драупади на третьем небе. Удалились они туда, оставив свои человеческие тела. Ты же достигнешь неба в своём телесном облике, и в этом нет сомнения⁹².

«Юдхиштхира сказал:

7. Эта собака, о властитель будущего и прошлого, была постоянно верна мне, поэтому пусть идёт она вместе со мною – в том, я считаю, моя благодарность (ей).

Индра сказал:

8. Обрёл ты ныне, о царь, бессмертие и подобие мне, а также полное преуспеяние, великую славу и небесные блага, так что оставь собаку – в том нет вероломства.

Юдхиштхира сказал:

9. О достойный Тысячеокий! Не подобает достойному совершать столь недостойное, злое деяние. Ни к чему мне обретение счастья, если ради этого я должен покинуть того, кто мне верен.

Индра сказал:

10. Нет в мире небес места тому, кто (приходит) с собакой, (ибо тогда) то, что накоплено с помощью жертвоприношений, уносят (демоны), «обуянные яростью»⁹³. Поэтому действуй обдуманно, о царь дхармы!.. Оставь собаку – в том нет вероломства.

Юдхиштхира сказал:

11. Говорят, что отречься от того, кто (тебе) предан, – грех беспримерный, в мире сравнимый разве с убийством брахмана. Поэтому ныне я ни за что не покину её, о Махендра, даже во имя своего собственного блага.

Индра сказал:

12 – 13. Если собака только глянет на оставленное открытым жертвенное подношение или на то, как оно предаётся огню, «обуянные яростью» утаскивают (его) прочь. Поэтому брось эту собаку и, если бросишь её, обретёшь мир богов. Покинув братьев и любимую Кришну,

⁹² Согласно верованиям индуизма, только совершенно безгрешный человек мог после смерти попасть на небо в своём телесном облике.

⁹³ «Обуянные яростью» – кродхаваша, разновидность ракшасов-оборотней, наносящих вред людям (в отличие от асуров, считающихся, согласно традиции, врагами богов).

этим своим деянием, о герой, ты обрёл мир (небес), так почему бы тебе не оставить теперь собаку? Ты же колеблешься ныне перед лицом полного отречения (от живущих).

Юдхитхира сказал:

14 – 15. Нет ни разлуки, ни встречи для смертных, когда они умерли, – таково правило, (действующее) в мирах. Я не в силах вернуть их к жизни, оттого и оставил их, чего не сделал бы, будь они живы. Отказать пришедшему за покровительством, убить женщину, похитить достояние брахмана, предать друга – (все) эти четыре греха, о Шакра, по моему мнению, равны (одному) – отречению от того, кто тебе предан»⁹⁴.

Испытание было пройдено: Юдхитхира отказался от рая ради собаки.

Внезапно собака превратилась в сияющего бога Дхарму, и Юдхитхира вознёсся на колеснице Индры в обитель богов.

⁹⁴ Махабхарата. Заключительные... С. 99 – 100.

Гарм

В скандинавской мифологии гигантский пёс, стороживший вход в царство мёртвых Хель и своим лаем возвестивший мир о начале Рагнарёка – последней битвы богов с хтоническими чудовищами. В этой битве Гарм и ас Тюр убили друг друга. Считался образцовым псом.

Другие имена: Пёс, Жадный.

Отождествления: Фенрир, Мангарм.

Ведьма-великанша Ангрбода, обитавшая в Железном лесу на восточной окраине Мидгарда, породила от злокозненного бога Локи трёх чудовищ: волка Фенрира, Мирового змея Ёрмунганда и повелительницу царства мёртвых Хель. Её отпрысками были также многочисленные волкообразные великаны – плод греховной связи любвеобильной ведьмы с собственным сыном Фенриром. Одним из таких отпрысков был пёс Гарм.

Как и его далёкий южный коллега Кербер, Гарм служил на границе, отделявшей мир живых от мира мёртвых. Бдительный пёс охранял мрачные владения своей единоутробной сестры Хель. Эти владения назывались её именем: Хель (Нифльхель, Нифльхейм). Сюда после смерти стекались души казнённых преступников, а также людей, погибших в мирное время или умерших «соломенной смертью», – так называли кончину от старости и болезней в своей постели (обычно соломенной). Скандинавы подобную смерть считали для мужа позорной и старались её избежать. Желанной и достойной признавалась лишь смерть в бою – она давала право душе убитого воина присоединиться к эйнхериям – приёмным сыновьям Одина. Эйнхерии в Асгарде сражались в жарких схватках, рани и убивая друг друга, а затем, ожив и исцелившись, пировали в просторных и светлых палатах Одина – Вальхалле. Там красавицы-валькирии потчевали утомившихся воинов хмельным мёдом и мясом вепря. В Вальхалле царило жаркое и шумное веселье и было светло от блеска обнажённых мечей. Поэтому многие из тех, кому не довелось погибнуть в бою, предпочитали броситься на меч или копьё, чтобы заслужить участь эйнхерия и избежать мрачного и смрадного подземелья Хель.

А тот, кто после смерти не удостоился высокой чести стать небесным дружинником Одина, вынужден был отправляться в страшный Нифльхейм. Верхом на лошади, в повозке, а чаще всего пешком совершали умершие свой последний путь на земле – путь тяжёлый и далёкий. (Сын Одина Хермод на быстром как ветер Слейпнире скакал к владениям Хель целых девять дней и ночей!)

Измученных дальней дорогой покойников в конце трудного пути ждали новые испытания. На золотом мосту Гьяллар, ведущем в преисподнюю, путь им преграждала великанша Модгуд. И все, кто не мог заплатить ей кровью, вынуждены были переходить пограничную реку Гьёлль вброд.

За рекой рос железный лес Ярвинд. В нём находились врата царства мёртвых. Их охранял наш герой – свирепый чёрный пёс Гарм. Он был посажен на крепкую цепь в тёмной пещере Гнипахеллир. Грудь пса была забрызгана кровью, а его клыкастый оскал наводил на всех ужас. Усмирить это исчадие ада можно было, только угостив его особым пирогом Хель, который клали покойнику в могилу. За вратами начинались ограждённые железными решётками владения царицы смерти. Там в кромешной тьме в быстрых бурлящих реках слышался грохот льдин. Там текла Лайфт, водами которой клялись боги и смертные, там мчалась страшная Слип, несшая в своих бурных водах клинки мечей.

Мертвецы, не отягчённые тяжкими грехами, направлялись в палаты Элвиднер («мокрая морось»). Здесь их встречала хозяйка палат, богиня преисподней Хель. Это была ужасного вида

сгорбленная старуха, наполовину чёрная, наполовину цвета сырого мяса. Умершие считались её гостями, и царица смерти селила их в своих угрюмых хоромах.

А чёрные души клятвопреступников и убийц попадали на Берег мёртвых. Там им приходилось преодолевать ледяные потоки и пробираться сквозь чертоги, стены которых были увиты шипящими ядовитыми змеями, источавшими смертельную отраву. В конце мучительного пути грешники попадали в бурлящий поток Хвергельмир, откуда их выхватывал и пожирал чёрный дракон Нидхёгг.

...Шли годы. Всё ближе и ближе мир подступал к пропасти Рагнарёка – Гибели богов. Всё чаще и чаще душой Гарма овладевали нетерпение и тревога. Всё внимательнее он всматривался и вслушивался в окружающий мир.

И однажды, обычным летним днём, в небесной выси внезапно померкло проглоченное Волком солнце. Взъярились бури. Тревожно запел над асами красный петух Фьялар. Его песнь подхватил петух Мидгарда Гуллинкамби. Им в ответ из Подземелья прокричал чёрно-красный кочет Хель. И сбылось прорицание провидицы-вэльвы: набатным колоколом прозвучал хриплый лай Гарма! Он возвестил все миры о начале Рагнарёка – последней битвы светлых асов с силами зла и тьмы. Задрожал ясень Иггдрасиль! Порвались узы, державшие в плену кровожадных и злобных чудовищ! Затрубил в горн страж богов Хеймдаль! Поднятые по тревоге боги стали спешно собираться на битву (см.: *Фенрир*).

Рухнул мост-радуга, не выдержав тяжести огненных великанов, спешивших сразиться с асами. Безбрежное бранное поле Вигрид потемнело от бесчисленных орд чудовищ и оживших мертвецов, выступивших против богов.

Вот с высот Асгарда на поле брани снизошли отряды богов и эйнхериев, ведомые Одином. И закипел жестокий бой! Бесстрашно рубились асы и дружинники. Множество врагов они уничтожили. Но силы были неравны – слишком много зла скопилось на земле.

Могучий защитник богов и людей Тор поразил своим молотом Мьёлльниром змея Ёрмунганда. Но и сам погиб, отравленный его смертоносным дыханием.

Хеймдаль в яростном поединке убил злокозненного Локи. Однако коварный ас в последнее мгновение успел и ему нанести смертельную рану.

Отчаянно кинулся на огненного великана Сурта Фрейр, но одолеть его не смог. Потому что не было с ним разящего чудо-меча – оставил он его в стране горных великанов. И упал на землю сражённый Фрейр.

Волк Фенрир разинул бездонную пасть и проглотил Одина! Но недолго торжествовало отродье великанши Ангрбоды – храбрый Видар отомстил за смерть отца. Он ногой прижал нижнюю челюсть волка к земле, схватил его за верхнюю челюсть и мощным рывком разорвал пасть проклятого живоглота!

«Тут вырывается на свободу пёс Гарм, привязанный в пещере Гнипахеллир. Нет его опасней. Он вступает в бой с Тюрором, и они поражают друг друга насмерть...

Тогда Сурт мечет огонь на землю и сжигает весь мир»⁹⁵.

Мир, в котором

...

лучший ас – Один,
лучший конь – Слейпнир,

...

а Гарм – лучший пёс⁹⁶.

⁹⁵ Младшая Эдда... С. 53.

⁹⁶ Здесь и далее приведены строфы из «Старшей Эдды» в переводе А. Корсуна.

(Речи Гримнира)

Приведённое описание скандинавского апокалипсиса изложено в «Младшей Эдде». А вот в «Старшей Эдде» об участии Гарма в Рагнарёке не сказано ни слова, хотя там он упоминается шесть раз: один раз в «Снах Бальдра», где Один встретил пса, «из Хель прибежавшего. У пса была грудь кровью покрыта, на отца колдовства он лаял», один раз в «Речах Гримнира» (см. выше) и четыре раза – в «Прорицании вёльвы», в котором рефреном звучат такие слова:

Гарм лает громко
у Гнипахеллира,
привязь не выдержит –
вырвется Жадный.

(Прорицание вёльвы)

Для всезнающей ведуньи Гарм, очевидно, не только страж преисподней, но и глашатай судьбы. Он своим неистовым лаем оповещает мир о начале очередного акта вселенской драмы.

Первый раз звучит голос пса – и наступает век братоубийственных распрей («щадить человек человека не станет»).

Второй раз слышен его лай – и силы зла выступают против богов, в пасти Фенрира погибает Один.

Третий раз раздаётся голос Гарма – и наступает самое страшное: весь мир гибнет в огне⁹⁷.

Но пройдёт время. Погаснут языки адского пламени, рассеется чёрный дым, и в звенящей тишине снова раздастся громкий лай бессмертного пса! Он возвестит о рождении нового мира:

вздывается снова
из моря земля,
зеленея, как прежде;
падают воды,
орёл пролетает,
рыбу из волн
он хочет выловить.

Встречаются асы
на Идавёлль-поле,

...
и вспоминают
о славных событиях
...

(Прорицание вёльвы)

Эти асы – уцелевшие в пламени Рагнарёка Хёнир, Вали, Видар, ожившие Бальдр и Хёд и два сына Тора, Модри и Магни, в чьих руках оказался отцовский чудо-молот Мьёлльнир. Спасутся и люди:

Спрячется Лив
и Ливтрасир с нею

⁹⁷ Гарм – не единственный пёс, возвещающий о конце света. Глашатаем апокалипсиса является. Например, и крылатая собака *Хубай-хус*.

в роще Ходдмимир,
будут питаться
росой по утрам
и людей породят.

(Речи Вафтруднира)

Жизнь продолжается. И в этом обновлённом мире не угасает память о страже мёртвых, бесстрашном воине и глашатае судьбы – «лучшем псе» Гарме.

А в заключение остаётся лишь напомнить, что современная наука полностью подтвердила пророчество вельвы: через каких-нибудь 14 миллиардов лет всё сущее сгорит в пламени космического пожара и превратится в исчезающе малую точку; затем эта точка взорвётся и породит новый мир: новые звёзды и планеты, новую жизнь и новых разумных существ (так называемая теория Большого взрыва). И вполне возможно, что в этом новом мире появится свой пёс Гарм.

Гелерт

В валлийском фольклоре любимая собака принца Уэльского Ллевелина, которую он убил в результате трагической ошибки.

В 1210 г. от Рождества Христова английский король Иоанн Безземельный подарил принцу Уэльса Ллевелину Великому щенка ирландского волкодава. Такой чести принц удостоился за храбрость в битвах и беззаветную преданность короне. Щенку дали кличку Гелерт.

Как настоящий валлиец Ллевелин был не только смелым воином, но и заядлым охотником и знатоком собак. Не прошло и года, как в его умелых руках королевский подарок превратился в умного, сильного и преданного пса-великана, настоящего охотника и сторожа. Принц очень любил своего хвостатого друга и не отпускал его ни на шаг – и на охоте, и на пиру, и в покоях замка Гелерт всегда был рядом.

Вскоре в жизни принца произошло важное и радостное событие – у него родился долгожданный наследник. Гордый и счастливый отец не мог нарадоваться на кроху-сына и не чаял в нём души.

Однажды Ллевелин с супругой и приближёнными отправился на рыцарский турнир, оставив сына на попечение кормилицы и любимого пса.

Вскоре малыш уснул. Его покой и сон охранял лежавший у колыбели Гелерт. Шло время. Малыш просыпался и плачем требовал к себе внимания. Заботливая няня его кормила, меняла пелёнки и убаюкивала, и он опять засыпал. На закате дня утомлённая кормилица оставила уснувшего питомца под присмотром пса и отлучилась по своим делам. Она была спокойна за малыша, так как знала: более надёжного защитника, чем Гелерт, не найти во всём королевстве. Всем известно, что ирландские волкодавы прекрасно ладят с детьми, а об их силе и бесстрашии ходят легенды.

Но не успело багровое солнце коснуться далёких холмов, как случилось страшное: из детской послышались звуки, от которых дыбом встали волосы. Внезапный яростный лай сменился злобным рычанием, затем раздалось хриплое завывание, перешедшее в отчаянный визг, и всё затихло. Находившаяся поблизости кормилица очнулась от сковавшего её страха и бросилась в детскую. То, что она увидела, лишило её разума: у перевёрнутой колыбели, дрожа всем телом и тяжело дыша, стоял взъерошенный пёс. Его пасть и грудь были в крови, кровью был залит и пол. Не помня себя от ужаса, кормилица с воплем выбежала из покоев. Услышав шум и крики, во двор высыпала встревоженная челядь, и в это время в воротах замка показался вернувшийся с турнира Ллевелин. Не говоря ни слова, он соскочил с коня и помчался к сыну. Ворвавшись в комнату, он увидел опрокинутую пустую колыбель и окровавленного пса. «Боже, – обожгла принца страшная мысль, – Гелерт растерзал моего сына!» Охваченный ужасом и гневом, он выхватил меч и нанёс псу смертельный удар. Гелерт жалобно взвизгнул и рухнул на пол, затем несколько раз дёрнулся и затих. Вдруг принц услышал приглушённый детский плач. Он кинулся к вороху пелёнок, валявшихся на полу, быстро их расшвырял и подхватил на руки плачущего сына. Бегло его осмотрев, Ллевелин убедился, что малыш цел и невредим, и крепко прижал его к себе. Это был самый радостный, самый счастливый день в жизни принца – смерть пронеслась мимо его сына, который тёплым зарёванным комочком припал к отцовской груди. Внезапно внимание Ллевелина привлекло нечто, черневшее на полу. Подойдя поближе, он увидел в луже крови огромного волка. Зверь был мёртв. Отступив в испуге к двери, принц окинул взглядом покои, и перед его мысленным взором со всей беспощадностью предстала картина произошедшего.

... Через незапертую дверь в комнату, где спал его сын, проник волк. Храбрый Гелерт бросился на кровожадного хищника и в ожесточённой схватке его загрыз. В пылу сражения звери опрокинули колыбель, и малыш оказался на полу...

Внезапно пришедшее понимание того, что он собственной рукой убил своего верного пса, спасшего его сына от жуткой смерти, острым ножом пронзило сердце Ллевелина. Это был самый страшный, самый чёрный день в его жизни. Шатаясь, принц вышел во двор, молча отдал сына испуганной супруге и вернулся в детскую. Подойдя к Гелерту, он упал перед ним на колени и стал гладить его ещё тёплое тело. По щекам принца текли слёзы. Его губы шевелились, и можно было разобрать обращённые к мёртвому псу слова. Ллевелин, словно в бреду, то вспоминал их приключения на охоте, то начинал его горячо благодарить за спасение сына, то голосом, полным боли и отчаяния, просил у него прощения и горько раскаивался в содеянном. Наконец, принц приподнял голову пса, поцеловал его в косматый лоб и безутешно зарыдал...

На следующий день Гелерта хоронили, как доблестного рыцаря, со всеми почестями. И на его могиле принц Уэльсский просил Господа простить ему самый тяжкий из его грехов...

У подножия горы Сноудон, что высится в Северном Уэльсе, приютилось небольшое селение Беддгелерт («могила Гелерта» по-валлийски). На его окраине, за оградой, под сенью деревьев, лежит большой камень. Под ним покоится прах Гелерта – безвинно убитого пса, чьё сердце до последнего удара оставалось преданным и храбрым.

По валлийскому преданию, после смерти пёс был награждён человеческой душой и стал почитаться как святой Гелерт.

Следует заметить, что легенда о Гелерте известна во множестве вариантов. Например, принц Ллевелин уезжал не на турнир, а на охоту или оставался дома. А пёс погиб из-за происков вдовы родного брата Ллевелина. Коварная леди, которую Гелерт откровенно не любил, жаждала прибрать к своим рукам наследство деверя и решила умертвить его маленького сына-наследника. Но на её преступном пути стоял бдительный пёс, днём и ночью охранявший малыша... И так далее.

Сюжет убитого по ошибке животного, оказавшего неоценимую услугу своему невольному убийце, широко распространён на бескрайних просторах Евразии⁹⁸. Истоки его таятся в глубоком прошлом, в культуре наших далёких предков арийцев, давших начало многим народам Европы, Передней Азии и Индии.

Самый ранний подобный рассказ можно найти в известном древнеиндийском сборнике притч, сказок и басен «Панчатантре», авторство которого приписывается легендарному мудрецу Вишнушарме, жившему в начале нашей эры. В VI в. сборник попал в Персию и был переведён на местный язык пехлеви. Через два столетия с пехлеви его перевели на арабский, а в XI в. – с арабского на старогреческий. С тех пор занимательные и поучительные древнеиндийские истории в переводах со старогреческого стали достоянием европейских народов и обогатили их литературу и фольклор.

Благодаря буддистам были и небылицы «Панчатантры» стали известны в Китае и Монголии и оттуда попали в сопредельные страны.

Оказавшись в другой культурной среде, эти рассказы приобрели местный колорит, обросли новыми подробностями, а чужие имена и герои уступили место своим – понятным и привычным (см.: *Гинфорт*).

Например, у агариан (Южная Азия) сюжет о безвинно убитом псе выглядит так⁹⁹.

... В одной семье было пять братьев и одна сестра. Однажды братья попросили у сестры напиток. Подавая чашу с водой, девушка не заметила, как из её порезанного пальца в чашу

⁹⁸ Баринг-Гоулд... С. 63.

⁹⁹ Эта история и две следующие взяты из: Ю. Е. Берёзкин. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог.

упало несколько капель крови. Братьям вода показалась необычайно вкусной, и у них появилось желание ещё раз отведать человеческой крови. Они увели сестру в лес собирать манго, и там её убили. Затем отрезали ей голову и принялись пить её кровь.

Пёс девушки бросился на её поиски и вскоре притащил голову своей хозяйки домой. Потрясённый отец решил, что пёс загрыз их единственную дочь, и забил его до смерти. Вернувшиеся из лесу братья увидели отрезанную голову сестры и в испуге убежали. И тогда родители с ужасом поняли, кто настоящие убийцы их дочери. Придя в себя, они отнесли головы дочери и пса отшельнику-садху на Слоновью гору. Увидев окровавленное подношение, испуганный садху велел головам стать тем, кем они были, – и девушка с псом ожили. Они поженились и остались жить на горе. Вскоре пёс прогнал братьев-убийц и переселился с женой в дом её родителей.

Похожая история известна и в Восточной Африке.

...Крестьянин, чтобы расплатиться с торговцем, на время отдал ему свою собаку. Хвостатого сторожа приставили охранять младенца. Однажды мать ребёнка услышала злобное рычание и в испуге вбежала в комнату. Там она увидела страшную картину: возле колыбели с младенцем на полу лежит растерзанная змея, а рядом с нею, тяжело дыша, облизывает свою окровавленную пасть собака. Счастью родителей не было предела! Они нежно приласкали спасительницу и вкусно её накормили. Затем торговец привязал к её шее благодарственную записку и отпустил к прежнему хозяину. Крестьянин, увидев прибежавшую раньше срока собаку, решил, что она сбежала, и в гневе её убил. Однако обнаруженная записка заставила убийцу горько раскаяться в содеянном.

А вот что можно услышать в Японии.

...На охоте собака стала громко лаять на хозяина. Обозлённый охотник отрубил ей голову. Голова взлетела на дерево и впилась в горло огромной змеи, которая приготовилась броситься на человека. Потрясённый охотник оплакал и похоронил своего спасителя и насыпал над его могилой высокий холм. Теперь это место зовётся Собачий холм.

Вернёмся, однако, к нашей первоначальной истории. Оказывается, на месте Гелерта успели побывать многие другие звери. У индийцев это был мангуст, спасший своего брата-человека от укусов чёрной змеи, у монголов – хорёк, у арабов – горноста́й, а у персов (вы не поверите!) – кот. И только у евреев и греков пострадавшим героем-спасителем стала собака. Об этом рассказывается в «Романе о семи мудрецах», написанном на иврите, а также в греческих «Наветах мачехи». Последнее произведение стало первоисточником многочисленных европейских легенд, широко распространившихся в Средневековье.

Впрочем, «протогелертом» можно считать и дракона, о котором ещё во II в. писал малоазийский грек Павсаний¹⁰⁰. В городе Амфиклеи, что в Фокиде, от местных жителей он услышал такую легенду:

«...Один из правителей, подозревая, что его враги злоумышляют против его маленького сына, положил его в большой сосуд и скрыл его в той части страны, где, по его убеждению, ребёнок будет в безопасности. На ребёнка хотел напасть волк, но дракон, обвинившись вокруг сосуда, зорко его оберегал. Когда отец пришёл за ребёнком, считая, что дракон хочет причинить вред его сыну, он, пустив в него дротик, убил как дракона, так вместе с драконом и своего сына. Но, узнав из рассказов пастухов, что он убил своего благодетеля и сторожа своего сына, он устроил погребальный костёр одновременно и дракону, и сыну. Они говорят, что это местечко до сих пор похоже на горящий костёр и что от имени этого дракона и город получил своё название Офигеи¹⁰¹ (змеиный)».

¹⁰⁰ Павсаний... Т. II... С. 382.

¹⁰¹ Офис (греч.) – змея.

В свете вышеизложенного можно понять тех скептиков, которые утверждают, что у исторического правителя Ллевелина Великого, жившего на рубеже XII – XIII вв., никакого пса по кличке Гелерт не было и что вся эта история от начала до конца выдумана. Будто бы легенду о Гелерте сочинил в XVIII в. местный кабатчик, чтобы привлечь посетителей в своё питейное заведение. Возможно, и так. Тогда памятник легендарному Гелерту у горы Сноудон – это памятник всем собакам, безвинно погибшим от жестокой руки человека.

Гери («жадный») Фреки («прожорливый»)

**В скандинавской мифологии волки Одина.
Другие имена: Псы Видрира (Одина), Волки.**

Гери и Фреки, наряду с вёронами, носившими имена Хугин («думающий») и Мунир («помнящий»), – священные животные Одина, его постоянные спутники и помощники. Волки быстры как ветер и не знают усталости. Они ежедневно обегают весь мир и обо всём увиденном и услышанном рассказывают своему повелителю.

В Вальхалле Гери и Фреки лежат у ног Одина и он их кормит мясом бессмертного вепря (см.: *Фенрир*). Сам Один, как известно, пьёт, не закусывая. «Всю еду, что стоит у него на столе, он бросает двум волкам... и не нужна ему никакая еда. Вино – вот ему и еда и питьё»¹⁰².

Гери и Фреки олицетворяют бурю и ветер и вместе с гончими участвуют в Дикой охоте Одина, которая призрачной кавалькадой проносится по небу во время зимних бурь (см.: *Собаки Дикой охоты*).

По мнению учёных, образы Гери и Фреки свидетельствуют о том, что в давние времена Один (герм. Вотан, Водан, Воде) являлся хтоническим божеством, и одним из его воплощений был, очевидно, волк.

В древнеисландском языке слово «фреки» – поэтический синоним волка.

¹⁰² Младшая Эдда... С. 37.

Геркулес

Французская овчарка (бриар), жившая в XIV веке. Прославилась тем, что нашла убийцу своего хозяина и расправилась с ним.

В одной старинной хронике рассказывается о смелом и благородном поступке пса по кличке Геркулес.

Он принадлежал славному племени бриаров. Эта старинная порода была выведена в средние века в провинции Шампань и является гордостью Франции.

Бриары – крупные овчарки с запоминающейся внешностью. Длинная взъерошенная шерсть придаёт им несколько неопрятный вид. Хотя на самом деле они чистюли каких поискать. Глаза их прячутся за густой чёлкой, которая длинными прядями падает на морду. Лохматый хвост опущен, но кончик его приподнят. Норов у этих сильных и трудолюбивых пастухов незлобивый и добродушный.

Вот такой пёс по кличке Геркулес был у шевалье Обри де Мондидье. Шевалье служил в Париже при дворе Карла V. Служил честно и добросовестно, рыцарем был храбрым и преданным и этим снискал благосклонность короля.

Однажды, а было это летом 1371 года, король решил отправиться на охоту. Эта весть взволновала и обрадовала де Мондидье. Ведь для него, заядлого охотника, каждая такая затея была настоящим праздником, и он с воодушевлением стал готовиться к предстоящим лесным приключениям. Правда, накануне радостного события произошла небольшая оказия, которая слегка омрачила приподнятое настроение шевалье.

Рано утром, отправляясь на охоту, он стал невольным участником происшествия, которое его, скорее, удивило, чем огорчило. Его лохматый Геркулес, пёс умный и послушный, прощаясь с хозяином, повёл себя неожиданно дерзко и вызывающе. Он беспокойно заметался по двору и принялся громко лаять, а когда хозяин сел на лошадь, стал хватать его за ноги и тащить на себя. Затем, не слушая команд, забежал наперёд и преградил путь испуганно захрапевшей лошади. Обри и придворные пытались его приструнить, но безуспешно. Наконец шевалье это надоело, и он велел поймать пса и удерживать его, пока хозяин со свитой не покинет усадьбу. С большим трудом поймали слуги разбушевавшегося Геркулеса, который одного из них даже тяпнул за руку. Отъехав от дома, удивлённый Обри ещё долго слышал отчаянный лай любимого бриара.

...Ах, эти люди! Какими же они бывают непонятливыми! Не мог по-другому сообщить Геркулес, что его сердце исполнено предчувствием страшной беды, не мог по-другому повествовать, что над его самым близким другом нависла чёрная тень смерти. Но напрасны были старания бедного пса...

Обри де Мондидье, растеряв в лесу своих слуг, самозабвенно мчался за крупным оленем, чьё «зеркало»¹⁰³ мелькало среди деревьев и кустов. Всё дальше и дальше углублялся охотник в лес, всё слабее и тише становились звуки охоты: лай собак, крики людей, ржание лошадей. Увлечённый азартом погони, Обри не заметил, что давно уже стал не только преследователем, но и преследуемым. За ним незримой тенью следовал шевалье Макэр.

Злопамятный неудачник, главными «достоинствами» которого были зависть, жадность и трусость, Макэр давно возненавидел де Мондидье. Возненавидел за ум, силу и пригожесть, за весёлый и лёгкий нрав, за отчаянную храбрость в бою, за то, что, оставаясь честным и справедливым, всегда был в фаворе у короля. Но больше всего ненавидел за то, что Обри оказался

¹⁰³ У оленей – большое светлоокрашенное пятно ниже хвоста.

более счастливым соперником в любви. Безусловно, Макэр старался скрыть свои подлинные чувства, но это ему удавалось не всегда.

Утомлённый погоней олень завёл охотников в непроходимые дебри. Бурелом и густые ветви вынудили Обри спешиться. Он намотал поводья на сук и, стараясь не упустить зверя из виду, начал пробираться вперёд. Путь преграждали поваленные деревья. В глаза и нос лезли надоедливая мошкара и липкая паутина. Осыпая труху, Обри с трудом забрался на поваленный дуб и, держась за его сухие ветки, выпрямился. Недалеко от себя он увидел тяжело дышавшего оленя. Зверь пытался высвободить рога из густого переплетения ветвей.

Спрыгнуть шевалье не успел. Свистящая стрела впиалась ему в спину, следом – другая. Обри пронзила жгучая боль. Он резко дёрнулся, но устоял. Стрелы не давали дышать, не давали двигаться. Перед глазами всё поплыло. Собрав последние силы, шевалье обернулся. Шагах в двадцати от себя он увидел Макэра. В его руках был натянутый лук, а на потном лице застыло выражение напряжённого ожидания и страха. Поняв, что де Мондидье обречён, злодей злорадно ощерился и опустил оружие. «Макэр?!» – удивлённо прохрипел Обри и, ломая сучья, рухнул вниз.

Немного выждав, трусливый убийца вытащил меч и медленно приблизился к шевалье. Убедившись, что ненавистный соперник мёртв, он начал лихорадочно рыть мечом могилу. Но густая сеть крепких корней вынудила его отказаться от этой затеи. Тогда Макэр забросал тело шевалье валежником и, тяжело дыша, поспешил к своей лошади...

Когда после полудня рог протрубил большой сбор, к поляне, на которой находился король, со всех сторон потянулись усталые участники охоты. Вскоре вся поляна была запружена людьми, лошадьми, собаками и охотничьими трофеями. Отовсюду слышались громкие голоса, смех и восклицания. Разгорячённые охотники оживлённо обсуждали подробности закончившейся охоты. Вскоре выяснилось, что собрались не все – отсутствовал шевалье де Мондидье. Расспросили его слуг, но они ничего вразумительного сказать не смогли.

Шло время. Продолжал призывно звучать рог. Но шевалье не появлялся. Тогда встревоженный король велел всем рассыпаться по лесу и искать пропавшего рыцаря.

Вечером, когда малиновое солнце собиралось нырнуть в потемневший лес, люди вновь собрались на поляне. Новости были неутешительные. Единственным результатом поисков была найденная в лесу лошадь, принадлежавшая исчезнувшему шевалье. Стало ясно: с Обри де Мондидье стряслась беда.

Осиротевшая свита Обри, ведя в поводу его лошадь, вернулась домой и сообщила всем горькую весть. Геркулес встретил охотников отчаянным лаем. Он то подбегал к лошади шевалье и тщательно её обнюхивал, то, не переставая лаять, бросался к воротам и всем своим видом показывал, что готов немедленно бежать на розыски своего господина. Но на дворе быстро темнело, и было решено отложить поиски до утра.

Всю ночь обитателей замка тревожил тоскливый вой Геркулеса.

А рано утром, лишь только рассвело, из ворот замка выехала кавалькада всадников. Впереди всех мчался Геркулес. Попетляв по опушке, он уверенно нырнул в лес. Всадники с трудом поспевали за псом, и если бы не его голос, давно бы его потеряли. Всё дальше и дальше углублялись придворные де Мондидье в лесную чащу, всё труднее и труднее становился их путь. Когда же начались непролазные дебри, им пришлось спешиться. Дальше они пробирались пешком, оставив лошадей на одного из слуг. В сумрачном лесу люди медленно продвигались вперёд, часто окликая пса. Вдруг раздался его тревожный лай, сменившийся душераздирающим воем, и все поспешили на эти жуткие звуки. Подойдя поближе, придворные заметили у поваленного дерева кучу валежника, а рядом с нею Геркулеса. Пёс с рычанием пытался растащить эту кучу. Люди лихорадочно разбросали сухие ветки и увидели лежавшего ничком человека. В его спине торчали две стрелы. Вытащив стрелы, придворные перевернули убитого на спину и в страхе отпрянули: перед ними лежал их мёртвый господин.

После похорон шевалье де Мондидье Геркулес стал часто убегать из дому, и никто не знал, где он пропадает. Однако вскоре выяснилось, что Макэра начал преследовать некий пёс, бриар, в котором многие признали овчарку покойного шевалье. Настойчивость, с которой пёс нападал на Макэра, удивляла: где бы шевалье ни появлялся – на улице, за городом, во дворе королевского замка, – на него с рычанием и громким лаем набрасывался Геркулес. Макэр люто возненавидел пса и старался не попадаться ему на глаза, но открыто убить его не решался, ведь Геркулес не был безродным бродяжкой, а принадлежал семье рыцаря.

Поначалу придворные беззлобно подшучивали над Макэром. Однако то упорство, с каким пёс нападал на шевалье, стало вызывать у них недоумение, переросшее затем в подозрение. Окружающие принялись задавать Макэру вопросы, которые его явно раздражали и приводили в замешательство. Например, где он пропадал во время охоты? Никто не мог припомнить, что видел в лесу Макэра – он так же, как и шевалье де Мондидье, исчез в начале охоты. Позже всплыла ещё одна улика: перед тем, как скрыться в лесной глуши, Макэр под благовидным предлогом избавился от своего окружения и остался один. Не было тайной и его истинное отношение к убитому рыцарю – все знали, что под маской благородного шевалье прячется чёрная душа завистника, для которого удачливый де Мондидье был словно кость в горле.

Вскоре по Парижу поползли слухи, что несчастного шевалье де Мондидье убил шевалье Макэр. Слухи дошли до короля. Король собрал совет и потребовал от Макэра объяснений. Подозреваемый всё отрицал. Он был уверен: улик, доказывающих его вину, нет. Тогда брат убитого предъявил высокому суду две стрелы, которые оборвали жизнь де Мондидье. Это были стрелы Макэра. Уличённый во лжи преступник побелел и покрылся холодной испариной, но после минутного замешательства заявил, что эти стрелы у него украли. Он с упорством обречённого продолжал твердить о своей невиновности. Мнения присутствующих разделились. Большинство считало вину Макэра доказанной. Остальные в этом уверены не были. Выслушав советников, король глубоко задумался. Все, затаив дыхание, ждали его решения. Наступившую тишину нарушали лишь потрескивание светильников да тяжёлое дыхание Макэра. Наконец король встал с трона и объявил свою волю: «Я тоже склонен считать шевалье Макэра виновником смерти шевалье де Мондидье. Но твёрдой уверенности у меня нет. Слишком мало доказательств. И брать на себя кровь человека, чья вина полностью не доказана, я не хочу. Дело очень запутанное. Поэтому я решил предать Макэра Божьему суду. Завтра в полдень на острове Нотр-Дам он должен в честном поединке сразиться с псом покойного шевалье. Согласно древнему обычаю, проигравший будет считаться виновным и понесёт заслуженную кару. Такова моя воля».

На следующий день с утра на остров, омываемый водами Сены, устремился простой люд: на лодках, плотах и просто вплавь. Ближе к полудню со своими семьями и приближёнными явились бароны. Последним на остров в окружении многочисленной свиты прибыл король.

Небольшую зелёную поляну – арену сражения человека с псом – обступило множество народу. Все оживлённо обсуждали предвкушаемое зрелище. Но вот прозвучали фанфары, и на высокий помост поднялся герольд. Он объявил о предстоящем поединке и назвал имена соперников. А в конце, набрав полную грудь воздуха, громко провозгласил: «Да свершится Божья воля!» Затем герольд покинул помост и, убедившись, что ни у Макэра, ни у Геркулеса никакого оружия нет, доложил королю о готовности соперников к Божьему суду. Все замерли в ожидании поединка. На одной стороне поляны стоял дрожавший от страха шевалье, на другой – рвался с поводка рычащий, оскаленный пёс. Но вот по знаку короля раздался короткий сигнал фанфар, и поединок начался!

Был он коротким. Отпущенный на свободу пёс серой молнией бросился на врага. Едва шевалье успел сделать несколько шагов и принять боевую стойку, как Геркулес мощным броском сбил его с ног. Человек и животное, сцепившись в смертельной схватке, покатались по полю. Острые клыки Геркулеса впились в левое плечо Макэра. Французы не зря прозвали

бриаров «собаками-ростовщиками» – редкий зверь мог похвастаться такой мёртвой хваткой. Обросшая морда пса окрасилась кровью. Казалось, ещё чуть-чуть – и он в бешенстве перегрызёт врагу руку. И вдруг, заглушая рычание пса, раздался душераздирающий крик: «Заберите собаку! Я виновен, виновен! Спасите!» Подбежавшие воины с трудом оторвали Геркулеса от истошно вопившего шевалье.

Божий суд свершился! Макэр признался в убийстве Обри де Мондидье. Король приговорил преступника к смерти. И здесь же, на поляне, палач отрубил ему голову. Справедливость восторжествовала!

В память об этом событии на портале церкви Мондидье установили каменный щит, на котором была изображена голова бриара – преданного и отважного пса, отомстившего за гибель своего господина.

К сожалению, церковь была разрушена в годы Первой мировой войны. Но память о благородном Геркулесе жива до сих пор.

* * *

От волка бежал, да на медведя попал.

Богат Мирошка, а животов – собака да кошка.

Волк овец не соберёт.

Вильнёт умом, как пёс хвостом.

Не ступай, собака, на волчий след: оглянется – съест.

Слышу лиса про твои чудеса.

Гинфорт

Гиннефорт (искажённое «Кинофор», от греч. слов *кион* – «собака» и *форос* – «несущий»). Пёс, безвинно погибший в XIII веке во Франции от руки своего хозяина-рыцаря. Несмотря на запреты церковников, почитался простыми людьми как местнотимый святой. В конце концов церковь была вынуждена его канонизировать в образе бургундского святого Гинфорта (Кинофора).

Драматичная судьба Гинфорта перекликается с судьбой *Гелерта* и лежит в русле известного сюжета о трагической смерти животного-спасителя от руки человека.

История эта произошла в средневековой Франции, в одном из рыцарских замков, неподалёку от Лиона.

Владелец замка, имя которого не сохранилось, вернулся с охоты и зашёл в детскую проводить годовалого сына, которого он оставил на попечение грейхаунда Гинфорта. То, что рыцарь увидел, повергло его в ужас: на полу валялась опрокинутая пустая колыбель, малютки нигде не было видно, а посреди комнаты с окровавленной пастью стоял тяжело дышавший пёс. Кровь горячей волной ударила рыцарю в голову: его кроху-сына загрыз Гинфорт, любимый пёс, которому он доверял как самому себе! В ярости рыцарь выхватил меч и зарубил пса.

Ещё не успел затихнуть предсмертный визг грейхаунда, как на полу из-под вороха пелёнок раздался детский плач. Рыцарь торопливо подхватил малыша и, осмотрев его, убедился, что он цел и невредим. Волна облегчения и радости окатила счастливого отца, и он, воздав хвалу Господу, начал осыпать сына горячими поцелуями. Вдруг рыцарь увидел у своих ног змею! Крепко прижав к себе притихшего сына, он отпрыгнул в сторону. Когда первый страх прошёл, он внимательно присмотрелся и понял: змея мертва. Её тёмное, покрытое пёстрым узором тело, вытянувшееся в луже крови, было обезображено рваными ранами. «Так вот отчего у пса окровавлена пасть, – мелькнуло в голове рыцаря. – На нём кровь змеи, которую он загрыз, защищая малыша!»

Открывшаяся истина потрясла его до глубины души. По его щекам заструились непрощенные слёзы, к горлу подкатил горячий ком, а в груди бешено застучало сердце. Когда приступ отчаяния прошёл, он, преодолевая боль утраты, прошептал: «Боже милосердный! Прости мне этот тяжкий грех. Я в горячке погубил безвинного пса, смелого и преданного друга, который спас моего сына. Никогда мне не забыть этого страшного часа. Ничем мне не искупить этой вины». Затем он подошёл к мёртвому грейхаунду. Пёс лежал на боку. Из его глубокой раны ещё сочилась кровь – тёмно-красная лужа медленно растекалась по каменному полу. Его ноги были вытянуты, словно он мчался в стремительном беге, в котором ему не было равных. Рыцарь, как в заклятье, замер над телом пса. Затем из его груди вырвался подобный вою стон, и прозвучали горькие слова: «Бедный Гинфорт! Что я натворил! Нет мне теперь покоя ни на земле, ни на небе. Прощай, мой верный друг!»

На следующий день Гинфорта похоронили со всеми почестями. По приказу рыцаря на его могиле установили памятный камень, а вокруг посадили клёны. Рыцарь часто посещал могилу своего друга. Непреходящее чувство вины не покидало его до самой смерти. А погиб он в одном из сражений, пережив Гинфорта всего лишь на несколько лет.

Весть о трагической гибели пса, спасшего жизнь ребёнку, разлетелась по окрестным селениям. Передаваясь из уст в уста, она обрастала фантастическими подробностями, нелепыми измышлениями и суеверными выдумками. Вскоре прошёл слух, что покоящийся под могильным камнем пёс исцеляет недужных детей, утешает скорбящих и страждущих, дарит бездетным женщинам счастье материнства. Молва не уставала твердить о случаях чудесного исцеления людей, давно страдавших тяжкими хворями. И народ потянулся к одинокой могиле, вокруг которой на ветру шумели молодые клёны.

Вопреки запретам церкви, простой люд причислил пса к местночтимым святым, и с тех пор ручеек почитателей святого Гинфорта не иссякал многие столетия.

Церковники не могли примириться с тем, что католики поклоняются собаке, и всеми силами боролись с новоявленной ересью. Они гневно обличали святотатцев с амвонов и предавали их анафеме. Они распускали чудовищные слухи о том, что уверовавшие в святость пса устраивают на его могиле кровавые оргии и приносят ему в жертву невинных младенцев... В конце концов святоши выкопали труп несчастного пса, сожгли его, а пепел развеяли по ветру.

Справедливости ради следует признать: повод для подобных обвинений давали сами почитатели святого Гинфорта. Обряды, которые они совершали, не всегда были безобидными, а порой – просто опасными. Например, они ставили у собачьей могилы обнажённого ребёнка, зажигали у его ног множество свечей и уходили, оставив испуганного малыша среди языков пламени. Это нередко приводило к тому, что несчастные дети получали ожоги, а иногда и погибали. Впрочем, бывали и случаи выздоровления – вера, как известно, лечит.

Завидное упорство клириков в битве за людские души и кошельки понять можно. Однако, если справедливо утверждение, что в основе святости лежит Любовь, то право на святость у собак, пожалуй, ничуть не меньше, чем у многих людей. Во всяком случае, на святость низшего ранга – местночтимую.

В конце концов церковь пошла на уступки. «Имя Гинефорт было присвоено одному бургундскому святому, и церковь объявила, что на самом деле святой пёс был превращён в человека. Бог, как было сказано, обладает силой одарить животное душой, если оно выкажет доброту и героизм, придав ему человеческое обличье. Но, предостерегала церковь, Господь может так же и превращать людей в животных, если поведение их будет греховным или похотливым. Таким образом, Гинефорт стал известен всей Франции как «собачий святой», блаженный, непосредственно произошедший от собаки»¹⁰⁴.

Народное почитание святого Гинфорта длилось почти восемь веков и угасло лишь в начале XX столетия.

Однако память о собаке-святом продолжает жить и в наши дни.

В 1987 г. на экраны вышла французская кинолента «Монах и колдун», в которой отображены споры вокруг святого Гинфорта, увиденные глазами брата Этьена, доминиканца-инквизитора.

Легенда о святом Гинфорте стала также одним из источников повести Кита Донахью «Похищенное дитя» (2006 г.).

В заключение отметим, что наделение пса Гинфорта человеческой душой – случай редкий, но не исключительный. Подобной благодати, например, удостоились пёс *Гелерт* и безымянная собака, спасающая от голодной смерти святого Роша из Монпелье (см.: *Спасители*).

¹⁰⁴ Каррен... С. 42.

Гифр («шумный, крикун») И Гери («жадный»)

В скандинавской мифологии псы богини смерти Хель.

Гифр и Гери охраняли повелительницу царства мёртвых ужасную Хель. В её царстве обитал ещё один пёс – *Гарм*. Он, подобно *Керберу*, сторожил вход в её владения.

У Гери в мире асов проживал тёзка – личный волк Одина (наряду с другим волком – Фреки, см.: *Гери и Фреки*).

В «Младшей Эдде» Гифр и Гери не упоминаются. О них известно из «Речей Фьёльсвина»¹⁰⁵.

С принятием христианства Хель превратилась в предводительницу Дикой охоты (или в злую колдунью), а её хвостатые охранники – в адских псов (см.: *Собаки Дикой охоты*). Среди простого народа существовало поверье, что адские гончие преследуют души грешников и загоняют их в преисподнюю. Вид и норы у этих собак тоже были адскими: по ночному небу с громким лаем проносились чёрные злобные псы с острыми клыками и горящими красными глазами.

¹⁰⁵ Конвей... С. 151.

Гончая Диармайда

В ирландском эпосе любимая собака Диармайда, война-фения из отряда Финна.

Имя этой собаки затерялось в веках. Но печальная история, в которой её судьба переплелась с судьбами близких ей людей, дошла до наших дней¹⁰⁶.

Однажды, когда подоспело время, гончая Диармайда оценилась тремя славными щенками. Заботливая сука согревала их своим теплом, кормила молоком, тщательно вылизывала и берегла. Её собачье сердце было полно нежности и любви к своим малышам. Не мог нарадоваться появлению долгожданных щенков и Диармайд – как настоящий охотник он знал истинную цену хорошей гончей. (О Диармайде см. также: *Ядовитые собаки, Бран; Собаки.*) Но это была не единственная его радость. Совсем недавно он обрёл красавицу-жену и большой уютный дом, красовавшийся на холме среди густых лесов. А случилось это вот как.

Как-то раз, на исходе зимы, когда валил мокрый снег и дул сырой ветер, уставшие фении вернулись с охоты, поужинали и легли спать. Вдруг раздался стук в дверь, и на пороге появилась уродливая старуха. Её давно нечёсанные космы спускались до пят, а из запавшего рта торчал гнилой зуб. Дрожа от холода, она подошла к Финну и прошамкала: «Позволь мне лечь рядом с тобой». Но Финн брезгливо поморщился и отказал ей. Старуха заплакала и подошла к Ойсину. Но и он ей отказал. Опять заплакала старуха и обратилась к Диармайду. Красавец-воин никогда не отказывал жёнам и, тяжело вздохнув, приподнял край медвежьей шкуры, под которой спал холодными ночами. Нырнув под косматое покрывало и немного полежав, старуха со вздохом произнесла: «Ох, Диармайд, семь лет я брожу по белу свету и ни разу не спала у очага. Отнеси меня к нему». Недовольно буркнув, воин отнёс её к очагу, от которого сразу же сбежали гревшиеся там фении. Посидела привередливая старуха у огня и говорит: «А теперь, Диармайд, согрей меня своим телом». Поперхнулся воин от возмущения, но, когда увидел в слезящихся глазах старухи мольбу и отчаяние, не посмел ей отказать и уложил рядом с собой. А перед тем, как смежить веки, ещё раз украдкой на неё поглядел и не поверил своим глазам: рядом с ним безмятежно спала прекраснейшая из жён на земле! И прежде чем забыться коротким сном, потрясённый воин ещё долго любовался её неземной красотой.

Утром красавица его спросила: «О, Диармайд, скажи мне, где бы ты построил дом?» – «На зелёном холме, будь моя воля», – ответил ей Диармайд. Выйдя наружу, воин с изумлением увидел на холме большой красивый дом. «Иди же, – сказала ему ночная гостья, – это твой дом». – «Без тебя я не пойду», – заявил Диармайд. «Хорошо, я пойду с тобой, но обещай, что никогда не напommeшь мне, какой я была прежде». – «Обещаю», – произнёс воин и, крепко обняв деву, сладко её поцеловал. Затем взял её за руку и повёл к своему дому.

И потекли для возлюбленных блаженные ночи и дни, полные неги и любви!

Но всё чаще и чаще вспоминал Диармайд о своих товарищах. И однажды, заметив в его глазах грусть, супруга ему сказала: «Ты, верно, соскучился по своим друзьям. Иди к ним». – «А кто присмотрит за моей гончей с тремя щенками?» – «Ничего с ними не случится». И Диармайд ушёл к фениям.

А его жена, увидав приближавшегося к дому Финна, вышла на порог и приветливо поздоровалась с ним. «Ты, очевидно, гневаешься на меня?» – спросил её Финн. «Нет, – ответила хозяйка дома. – Войди в дом, и я угощу тебя старым вином». – «Я войду, если ты исполнишь мою просьбу». – «Чего же ты хочешь?» – «Щенка от любимой гончей Диармайда». – «Бери любого».

¹⁰⁶ Изложено по кн.: Кельтские мифы: Валлийские сказания. Ирландские сказания. Екатеринбург. 2006.

Вечером, когда Диармайд вернулся домой, его у порога встретила взволнованная сука и один раз громко пролаяла. Встревоженный Диармайд пошёл за собакой и увидел, что одного щенка нет. Разгневанный воин крикнул жене: «Зачем ты отдала щенка? Разве ты забыла, какой ты была, когда я тебя приютил?» – «Ах, – воскликнула жена, – ты не должен так говорить!» Остывший Диармайд попросил у неё прощения, и они помирились.

На следующий день Диармайд вновь ушёл к фениям. А к молодой хозяйке пришёл Ойсин. Его она тоже радушно пригласила в дом, чтобы угостить вином. Но он ей сказал, что примет приглашение лишь тогда, когда в подарок получит щенка. Жена Диармайда дала ему щенка.

А вечером Диармайда у порога родного дома встретила гончая и два раза тревожно пролаяла. Проследовавший за нею охотник убедился, что исчез и второй щенок. Обида и злость овладели его сердцем, и он, глядя на поникшую суку, громко произнёс: «Если бы она помнила, какой была прежде, она бы не отдала щенка!»

Утром Диармайд отправился к фениям. А к его жене пришёл Каойлте и отказался пить вино, пока не получит в дар щенка. И он получил его.

На исходе дня вернувшегося Диармайда встретила гончая. Её печальные глаза были полны слёз. Трижды пролаяла она, и в её голосе было столько отчаяния и боли, что не выдержал Диармайд и гневно сказал жене: «Если бы ты помнила, какой ты была, когда я пустил тебя к себе на ложе, ты бы не отдала последнего щенка!» – «Ох, Диармайд, – воскликнула жена, – не надо было тебе так говорить!»

Два шага успел сделать к ней огорчённый воин, чтобы попросить прощения, и застыл поражённый: не было ни любимой жены, ни уютного дома – всё исчезло! И только одинокая гончая понуро стояла на пустом холме.

Проведя ночь на голой земле, утром опечаленный Диармайд решил обойти всю землю, но найти свою возлюбленную, и, быстро собравшись, отправился в путь. Рядом бежала гончая.

Вскоре они вышли к морю и увидели у берега корабль. Долго они плыли на нём, пока не пристали к незнакомому острову. Выйдя на берег, воин и его собака пошли дальше. Долгим и утомительным было их путешествие. Всё больше и больше слабела гончая в тоске по своим щенкам. И однажды её сердце не выдержало горькой разлуки, и она умерла. Диармайд взял остывающее тело гончей на руки и в глубокой печали побрёл дальше. Вдруг он увидел у себя под ногами каплю свежей крови. Это была кровь его умершей собаки. Поднял он каплю и спрятал в тряпицу. Чуть погодя он заметил вторую капельку крови, затем третью. Их он тоже спрятал в тряпицу. Вскоре Диармайд повстречал на своём пути поросший полевыми цветами высокий холм. Оплакав любимую гончую, он похоронил её на вершине холма.

Наконец, дорога привела его к стенам королевского дворца. Здесь он узнал, что совсем недавно вернулась дочь короля, пропадавшая по злой воле колдуна целых семь лет. Вернулась и тяжело захворала. Много перебивало у её постели лекарей, много было перепробовано снадобий и лекарств. Но ничто не помогало – королева таяла на глазах. Сердцем почуял Диармайд: он у желанной цели! И не ошибся. Пробравшись ночью в опочивальню королевской дочери, он увидел на ложе свою супругу и кинулся к ней.

Никаким пером не описать радость этой встречи: поцелуи и слёзы, вздохи и объятия и снова поцелуи! Наконец, придя в себя и вытерев слёзы счастья, королевская дочь тяжело вздохнула и произнесла: «О мой милый Диармайд! Я никогда не буду здоровой, потому что каждый раз, когда я думала о тебе, я теряла по капельке крови из своего сердца». – «Не беда, – отвечал ей Диармайд. – Я собрал живую кровь моей гончей, и она спасёт тебя». – «Увы, – печально вздохнула королева, – кровь мне поможет лишь в том случае, если я её разбавлю родниковой водой и выпью из чаши короля Чудесной равнины. Но тебе не достать этой чаши – ни один человек не пил из неё и никогда не будет пить». – «О радость моя, клянусь, я её достану даже из-под земли! Скажи только, как попасть в то королевство?»

И Диармайд отправился на поиски волшебной чаши. Однако прежде чем она оказалась в его руках, ему довелось испытать жестокие битвы с чудовищами и великанами, злые колдовские чары, мучительный холод, испепеляющий зной и многие другие смертельные опасности.

Но вот, преодолев все преграды, Диармайд вернулся к возлюбленной. Он наполнил заветную чашу родниковой водой, добавил в неё три капельки крови гончей и поднёс к губам жены. Испив целебного напитка из волшебной чаши, королевская дочь исцелилась!

По такому случаю во дворце заиграла весёлая музыка и был устроен богатый пир. За пиршественным столом Диармайд и его вновь обретённая супруга сидели возле короля и королевы. Остальные места занимали родовитые бароны, храбрые рыцари, прелестные дамы и прочий люд. А среди многочисленных слуг, музыкантов и шутов то тут, то там мелькали собаки. Им тоже перепало славное угощение!

Но не было среди них гончей Диармайда. И это печалило его сердце.

Горлагон

(От искажённого древневаллийского *gorgol* – «волк-оборотень»). В западноевропейском средневековом фольклоре король, обращённый супругой в волка-оборотня.

Сказочная повесть о приключениях Горлагона относится к популярному артуровскому циклу. Однако, несмотря на присущий ей рыцарский антураж, она своими корнями уходит в кельтскую мифологию и во многом перекликается с бретонскими легендами о людях-оборотнях (см.: *Бисклавре*). Латинская версия сказания об «Артуре и Горлагоне» появилась в конце XIV в.

...Как-то королева Гвиневера в беседе с супругом горделиво заявила, что никому из мужчин, каким бы доблестным рыцарем он ни был, не дано разгадать природу женской души. Эти слова уязвили мужское самолюбие короля Артура, и он как настоящий рыцарь принял брошенный ему вызов. С тех пор его не покидало горячее желание найти разгадку таинственной женской души, и однажды, после недолгих сборов, он отправился в путь.

Можно только посочувствовать бедному королю, который поставил перед собой явно невыполнимую задачу. Однако сам Артур был настроен решительно и вскоре уже стучался в ворота замка соседнего короля Гаргола. Но тот ничем не смог ему помочь и направил к своему брату, королю Торлейлю.

Торлейль долго морщил лоб и чесал затылок. Потом созвал придворных мудрецов и до утра с ними советовался. А утром Артуру чистосердечно признался, что эта задача ему не по плечу. И, чтобы подсластить пилюлю, посоветовал обратиться к королю Горлагону – самому младшему из троицы братьев-королей.

Узнав о цели артуровского визита, король Горлагон нахмурил брови и задумался. Затем посмотрел на гостя и сказал: «Вы задали очень трудный вопрос. Боюсь, никто на свете не даст вам на него правильного ответа. Однако я, с вашего позволения, расскажу вам одну историю, которая, быть может, хоть в малой степени приблизит вас к разгадке женской натуры. Итак, слушайте.

...В одном далёком государстве в королевском саду росла яблоня. Была она волшебной: если срезанной веткой этого дерева трижды ударить человека по голове, то он превращался в волка.

Узнав секрет яблони, коварная королева при первом же удобном случае обратила своего супруга в хищного зверя и прогнала его со двора, а подданным объявила, что король умер. Спустя год мнимая вдова вышла замуж за младшего сына короля-язычника и стала вместе с ним править державой.

Король-оборотень убежал в лес. Там он нашёл себе волчицу и завёл новую семью. Вскоре у них родилось четверо волчат.

Говорят, время многое меняет. Но в душе короля-волка всё так же жила надежда вновь стать человеком – не мог он смириться с участью зверя-изгоя. И всё так же в нём горел огонь мести – не мог он простить вероломной королеве подлого предательства.

И вот, когда волчата подросли, стая пробралась в город и загрызла двух принцев – отпрысков королевы и её нового мужа. А во время следующей вылазки волки растерзали нескольких высоких сановников – королевских родственников. Однако на этот раз потери понесла и стая: трое молодых волков были пойманы и убиты. Потеряв детей, обезумевший от горя волк стал совершать набеги на окрестные деревни, и крестьяне, защищая себя и свой скот, объявили ему настоящую войну. В конце концов волк был вынужден бежать в соседнее королевство. Там он случайно подслушал разговор двух крестьян и узнал, что местный король

решил устроить на него облаву. И в сердце гонимого зверя с новой силой вспыхнуло неодолимое желание вернуть себе человеческий облик и вновь оказаться среди людей. После продолжительных и тяжких раздумий у него наконец созрел замысел, и он начал действовать...

Оборотень долго и терпеливо выслеживал короля. И вот судьба улыбнулась ему: король в одиночестве выехал на верховую прогулку. Волк постарался не упустить свой шанс и сделал всё возможное, чтобы заслужить доверие и благосклонность государя. Вначале он привлёк внимание удивлённого наездника своим жалобным поскуливанием, а затем – необычным поведением, которое было присуще более человеку, нежели животному. Волк, словно кланяясь, несколько раз опускал голову. Потом сел и, роняя слёзы и печально подвывая, стал прикладывать передние лапы к груди и воздевать их к небу – так обычно человек ропщет на свою горькую судьбу. Наконец, он с прижатыми ушами подполз к королю, закрыл глаза и замер. Увиденное потрясло монарха – он поверил зверю и взял его во дворец.

Вскоре, благодаря мягкому нраву и понятливости, оборотень стал любимцем не только короля, но и всего двора. Одна только королева ненавидела волка. Женское чутьё подсказывало ей, что он наверняка догадывается о её супружеской неверности – венценосная прелюбодейка давно уже делила ложе с одним из слуг. И волк платил ей тем же: он избегал общения с изменницей, а если случайно её встречал, то открыто выказывал своё презрение – глухим рычанием, враждебным взглядом, а то и злобным оскалом.

Такая вражда не могла длиться вечно. И вот однажды, когда король со свитой отправился на охоту, королева, как обычно, предалась амурным забавам со слугой. В самый разгар любовной баталии в спальню ворвался оборотень. Он набросился на любовников, и волчьи клыки вонзились слуге в ту часть тела, на которой он обычно сидел. Раздался крик ужаса и боли! Королева в испуге вскочила с постели и завизжала. И визг её был таким противным, что бедному блюстителю нравов пришлось поджечь хвост и выбежать из спальни. А королева, немного отдышавшись, стала лихорадочно соображать, как же ей выпутаться из этой опасной истории. Страх разоблачения и ненависть к волку, похлеще любого кнута, подгоняли её мысли, и вскоре у неё созрел жестокий замысел...

Когда вечером король вернулся с охоты, его встретила охваченная горем и отчаянием королева. Рыдая и заламывая руки, она сообщила супругу страшную весть: их единственного сына, которому не исполнилось ещё и семи лет, сожрал волк. Храбрый слуга пытался защитить бедное дитя, но ему это не удалось.

Потрясённый услышанным король в бешенстве выхватил меч и бросился к волку. А тот, жалобно подвывая, устремился в подземелье замка. Король ринулся за ним. Сзади с факелами бежали слуги. Погоня длилась недолго. Она закончилась в узком проходе душного подземелья возле запертой двери одного из чуланов. Добежав до этой двери, волк встал на дыбы и, отчаянно лая, стал её остервенело царапать когтями, словно хотел сорвать с петель. Подбежавший король уже занёс над ним меч, как вдруг из-за двери раздался громкий детский крик, перешедший в плач. Оторопевший король в замешательстве опустил оружие и велел отворить чулан. Ко всеобщему изумлению, оттуда выбежал испуганный и зарёванный королевский сынишка – здоровый и невредимый. Радости короля и всех, кто был рядом с ним, не было предела!

Когда страсти поулеглись, слугу, отмеченного волчьими клыками, подвергли допросу с пристрастием. Он во всём чистосердечно признался и искренне раскаялся. Выяснилось, что его давняя любовница королева, дабы скрыть их греховную связь и погубить напавшего на них во время любовных утех волка, решила представить дело так, будто королевский сын погиб в пасти кровожадного зверя, а эту рану слуга получил, самоотверженно защищая маленького принца, которого королева на самом деле спрятала в подвале замка.

Возмездие было страшным: на следующий день преступницу-королеву разорвали лошади, к чьим хвостам привязали её за руки и за ноги, а слугу нещадно били кнутом.

После всего пережитого король ещё крепче привязался к волку.

Как-то раз, сидя у камина, он привычно беседовал со своим бессловесным другом, который лежал рядом. Глядя в его янтарные глаза, король задумчиво произнёс: «Мне кажется, ты не простой волк. Уж слишком ты умён. Звери такими умными не бывают. А может, ты когда-то был человеком?» Услышав эти слова, волк встал и лизнул королю руку, а затем, помахивая хвостом, пристально посмотрел ему в глаза. И монарх понял: его друг – волк-оборотень! Когда волнение в груди короля утихло, он стал думать, как помочь своему мохнатому другу. Наконец его осенило: «Я пойду за тобой, куда бы ты меня ни повёл!» – сказал он волку.

Сборы были короткими, а поход не очень далёким. На второй день оборотень привёл короля на свою родину. Там они узнали, что вся страна стонет под гнётом ужасной тирании.

После недолгих колебаний король во главе многочисленного войска вступил в эту страну и низложил жестокого короля-тирана и его преступницу-жену.

Под угрозой страшной смерти от волчьих клыков оборотень заставил свергнутую королеву срезать с волшебной яблони ветвь и трижды ударить этой ветвью его по голове. И чудо свершилось: на глазах у изумлённого короля-победителя и его свиты волк превратился в человека!»

Король Горлагон закончил свой рассказ и умолк. А затем добавил: «Этим человеком был я».

Наступила тишина. Потрясённый король Артур молчал. Молчал и Горлагон. Видно было, что он всеми своими мыслями и чувствами был ещё там – в кошмарном прошлом. Наконец тишину нарушил Артур. Он спросил, что это за женщина, страшная и мрачная, которая одиноко сидит в углу и держит перед собой блюдо с отрезанной головой. «Это и есть моя неверная жена, которая превратила меня в волка, – ответил ему Горлагон. – А на блюде, как напоминание о её злодействе, лежит голова её бывшего любовника, короля-тирана. И каждый раз, когда я целую свою новую супругу, она обязана целовать эту отрезанную голову».

Домой король Артур возвращался в глубокой задумчивости – всю дорогу у него из головы не выходил рассказ Горлагона...

У сэра Томаса Мэлори в «Смерти Артура» описывается похожая история: там славный рыцарь тоже был предан своей женой и «благодаря» ей стал оборотнем. А в средневековом «Романе о Гийоме из Палермо» (XIII в.) злая мачеха обратила в волка испанского наследного принца Альфонса (см.: *Оборотни*).

Гошия

В грузинской народной мифологии собака прикованного Амирани, которая лижет цепь, чтобы истончить её и освободить героя из оков. Другие имена: *Куриша, Тание*.

Не утихает спор о том, кто у кого позаимствовал образ героя-богоборца: грузины у греков или греки у грузинов. Кто был первым: Прометей или Амирани? Каждая из сторон приводит убедительные доводы в свою пользу, и никто не хочет уступить право первогеройства.

...В неприступных горах Кавказа один раз в семь лет разверзается высокая скала и открывается огромная пещера. Никто не знает, где она находится. Лишь случайно может набрести на неё охотник. И тогда его изумлённому взору предстанет поразительная картина: в глубине мрачной пещеры стонет могучий исполин. Он прикован к скале толстой железной цепью. У него длинная борода и копна давно не стриженных волос. Из-под густых бровей сверкают неистовым огнём глаза. Возле него лежит собака. Она беспрестанно лижет порыжевшую от времени цепь. Когда великан заметит в светлом проёме оцепеневшего от страха охотника, он старается его успокоить: «Не бойся, добрый человек. Я – Амирани. Зайди в пещеру. Подай мне мой меч, до которого я не могу дотянуться и который плачет по мне». Немного придя в себя, ошеломлённый охотник находит в дальнем углу пещеры покрытый пылью ржавый меч. Но поднять его не может: в нём девять пудов весу! И тогда огорчённый Амирани со слезами на глазах просит своего спасителя принести из дому крепкие ремни и очажную цепь. С их помощью витязь надеется подтянуть меч к себе. И ещё он просит охотника ни с кем в пути не разговаривать и не оглядываться.

Но, увы, как это часто бывает, всё испортила женщина. Когда охотник, нагружённый ремнями и цепью, молча вышел из дому, за ним увязалась жена. Треща без умолку, она пыталась выяснить, куда это он направляется и зачем уносит из дому добро. Долго отмалчивался охотник. Но в конце концов не выдержал: обернулся и в сердцах поколотил свою не в меру любопытную жену. Однако когда он пришёл на то место, где предполагал найти пещеру Амирани, то ничего, кроме высокого и гладкого утёса, не увидел.

А в закрывшейся пещере вновь сгушался мрак, и Амирани в бессильной злобе падал на пол. Звеня ненавистной цепью, он начинал громко стенать и крушить своими кулачищами каменные глыбы. Воплям хозяина вторил горестный вой несчастной Гошии. Когда же взрыв отчаяния утихал, собака с ещё большим усердием принималась лизать тяжёлую цепь, а мрачный витязь прислонялся к каменной стене и предавался своему обычному занятию – воспоминаниям.

По рассказам отчима, Амирани родился в сердце гор, на высокой белой скале. Его мать была лесная богиня, златоволосая Дали, умершая после родов, а отцом – бездетный охотник. Быстро рос будущий народный герой. Вскоре он стал юношей огромного роста и был похож на чёрную тучу, готовую разразиться ливнем. На его плечах красовались изображения солнца и луны – знаки божественного происхождения. Ноги у него были быстры, как у волка, он был стремительным, как горный обвал, и сильным, как двенадцать пар буйволов и волов. Немало сломал Амирани мечей, прежде чем кузнец выковал ему девятипудовый меч, который богатырь не смог даже согнуть.

Много Амирани успел сделать добрых дел, живя на белом свете, много подвигов совершить. Он научил соплеменников искусным приёмам кузнечного дела, похитил для них с неба огонь, уничтожил вредные растения. Он истребил многочисленных чудовищ, которые притесняли людей на его родной земле. Сразил трёхголового кровожадного дэва Бакбака и его страшных порождений: белого, красного и чёрного драконов. Убил жившего на небе повелителя

каджей. А однажды ему довелось побывать даже в брюхе дракона, откуда он выбрался с помощью своего алмазного ножа. Познал он и настоящую любовь, похитив у небесного бога грозы и ливня солнцеликую дочь Камари.

Но вот наступили иные времена. На землю Грузии пришла христианская вера. И далеко не все поступки гордого, своенравного витязя были в ладу с новой моралью. Множились его тяжкие грехи. И среди них было три клятвopеcтyплeния.

Пребывая в плену у дэва, Амирани клятвенно обещал его прикованной сестре свободу, если она поможет ему спастись. Дева подсказала Амирани, как расправиться с её братом. Однако, сразив дэва, освободившийся Амирани убил и свою спасительницу.

Когда на пути Амирани и его братьев, отправившихся в далёкое царство Кеклуца за невестой, встретилось море, одна женщина-дэв предложила братьям свою помощь. За это она просила взять её с собой. Братья пообещали и поклялись именем бога. Добровольная помощница отрезала косу и перекинула её через море. По этому мосту поочерёдно прошли все братья. Когда же на мост ступила женщина-дэв и дошла до середины, коварный Амирани перерубил мост-косу мечом, и дэвица утонула.

По той же дороге к Кеклуцу братья встретили великана Андрероби. Его ещё живого везли на арбе хоронить. Великан попросил Амирани взять его сына в побратимы. Амирани дал слово и поклялся Христом. Но когда увидел, что мальчишка невероятно силён, то побоялся, что тот со временем станет сильнее его, – и своего маленького побратима убил.

За эти и другие преступления нераскаявшийся витязь был сурово наказан. Бог проклял его и приковал к скале огромной цепью, «а сверху обрушил на него покрытые снегом и льдами Гeргeти и гору Казбек, чтобы Амирани больше не видел неба и земли, лишился света и радости. С тех пор Амирани прикован там. На пропитание бог посылает ему на день ковригу хлеба и меру вина, которые доставляет ему ворон. У Амирани есть одна гошия¹⁰⁷, рождённая вороном; она день и ночь гложет и утончает обомшелую и проржавевшую цепь Амирани. Вот-вот, кажется, цепь готова порваться; радостно вздрагивает сердце Амирани, появляется надежда на освобождение, но в это время, в великий четверг, проклятый кузнец ударяет молотом по наковальне, и готовая порваться цепь снова толстеет, становится страшной, отдаляет Амирани от жизни и смерти...»¹⁰⁸ И эта пытка длится уже много-много веков.

Все покинули Амирани: и бог, и люди, и судьба. Только одно живое сердце бьётся рядом – горячее сердце друга.

Лижет, лижет ненавистную цепь Гошия...

¹⁰⁷ Гошия (груз.) – порода маленьких собак.

¹⁰⁸ Цит по кн.: Чиковани М. Я. Амираниани (грузинский эпос). Тбилиси, 1960.

Двоглазка

(От «двойные глаза»), четырёхглазка. Собака, у которой над каждым глазом имеется по светлomu пятну. По поверьям многих народов, двоглазка способна видеть невидимое человеческому глазу, распознавать добрых и злых духов, предвидеть трагические события: смерть, болезнь, природные катаклизмы и другие беды.

Вера в сверхъестественные способности двоглазок, или, как их ещё называют, четырёхглазок, существует у многих народов мира. Истоки этой веры у индоевропейских народов следует искать в культуре их общих предков – скотоводческих племён, населявших во II тыс. до н. э. лесостепную зону Евразии. Почитание собак со светлыми пятнами-бровями сохранили многие потомки древних индоевропейцев: индоарии (*Шарбары*), иранцы (см.: *Псовые в потустороннем мире*). славяне и другие народы.

Жители Архангельской губернии, например, были уверены, что двоглазки настоящими глазами «видят предметы всем нам видимые...; глазами же пятнами видят неприятную силу»¹⁰⁹. Широко также распространено убеждение, что, если собака бросается на гостя, значит он пришёл с недобрыми намерениями, а если жмётся к хозяину, то это знак того, что хозяину грозит беда.

Двоглазкам близки *ярчуки*. Последних можно рассматривать как южнорусскую разновидность мистических собак. Однако ярчуки, преследующие в основном нечистую силу и волков, большим провидческим даром не обладают.

В Европе двоглазок мистическими качествами наделяют также коми и чуваша, а в Азии – тувинцы, буряты, ханты и нивхи.

У тувинцев существует поверье, что в дни новолуния погасшее ночное светило могут видеть только чёрные собаки с белыми бровями и белым пятном на груди. Считалось, что у этих собак даже сердце белое. У нанайцев и ульчей такие собаки носят кличку Анча, у верховских негидальцев – Анчайин, а у низовских – Этан. Эти народы убеждены: четырёхглазая собака не только сама видит злых духов, но даёт такую возможность и человеку. Для этого ему следует посмотреть между её ушами в тот момент, когда она насторожилась.

Вера в двоглазок не ограничивается евразийскими просторами. Например, африканцы племени игбо тоже считают, что «собака наделена даром ясновидения, отличает злых духов от добрых и чувствует приближение опасности, даже когда она ещё далеко. Собаки с пышными «бровями» считались обладающими таинственным могуществом. Их называли «четырёхглазыми» и высоко ценили»¹¹⁰.

Признание людьми чудесных способностей собак невозможно объяснить только человеческим невежеством. Корни этого явления гораздо глубже.

Человек, развив мозг и руку, приобрёл могущество, которое и не снилось остальным обитателям Земли. Однако став безусловным лидером на планете, хомо сапиенс лишился многих способностей, коими природа щедро наделила животных. И главные потери произошли в нашем подсознании, в сфере инстинктов – потери, о которых мы можем только догадываться и сожалеть. Поэтому не исключено, что завтрашние научные открытия заставят нас по-новому взглянуть на то, что сегодня нам кажется заблуждением человеческого разума и вызывает лишь ироничную улыбку, и мы в очередной раз восхитимся прозорливостью наших пращуров, которые, что называется, нутром почувствовали телепатические и прогностические способности хвостатых ведунов – способности, утерянные нами ещё на заре человеческой предыстории.

¹⁰⁹ Власова... С. 350.

¹¹⁰ Иорданский... С. 51.

А пока приведём мнение знатоков оккультных «наук». Они уверяют, что собака-двоеглазка особенно хороша для предсказаний, так как видит пятнами-глазами вещи и сущности астрального мира. Проверить это утверждение, прямо скажем, непросто. Вместе с тем следует признать: в нашем мире нередко происходят удивительные события, объяснить которые наука пока не может. Например, такие.

«Чжугэ Кэ из царства У возвратился из похода на область Хуайнань и собирался на ночной пир при дворе... Приведя себя в порядок, он направился к выходу, и тут его пёс стал тянуть его за одежду назад.

– А ведь собака не хочет, чтобы я шёл! – сказал Кэ.

Он вышел было из дому, но потом вернулся и сел. Через некоторое время опять поднялся, но пёс снова схватил его за одежду. Кэ велел сопровождающим отогнать его. Явившись ко двору, он и в самом деле был убит»¹¹¹.

«...Полуторагодовалый пёс Марс с лисьей мордой и пышным золотым хвостом за три дня до смерти матери хозяйки стал проявлять признаки беспокойства, скулил, отказывался от еды. Между тем никто из домашних не придавал этому особого значения и уж тем более не думал о таком несчастье – здоровье старой женщины уже много лет было хронически неважным. Когда она внезапно умерла от инсульта, Марс забился под диван и несколько дней не прикасался к еде; у собаки пропало желание жить, и она погибла. <...>

...Это случилось в Бресте в 1945 году. Освобождённый от гитлеровцев город жил ещё тревожной жизнью. Случались вылазки недобитых пособников нацистов, всякого рода уголовных элементов. Как-то вечером отец Александра Макавьева (журналиста АПН в Москве. – А. Т.), военный служащий, припозднился на работе, и примерно в километре от дома в тёмном переулке на него напали бандиты. Угрожая ножами и пистолетом, они разоружили его, потребовали, чтобы тот снял военную форму. И конечно же, завладев офицерским обмундированием, бандиты убили бы несчастного. Но вдруг свирепым зверем налетел на бандитов Пират, матёрый кобель – немецкая овчарка Макавьевых! Как он оказался вдалеке от дома – раньше-то он никогда не имел привычки встречать хозяина?! А тут вдруг, осатанев, стал рваться к двери, словно почувствовал, что хозяин в опасности, что ему грозит гибель! В считанные секунды пёс перекусал нападавших. Бросив оружие, они пустились наутёк. Да не тут-то было! При помощи тренированной собаки Макавьеву удалось задержать двух бандитов и доставить их в комендантуру»¹¹².

Подобных историй можно привести великое множество (см.: *Геркулес*). Все они свидетельствуют о том, что у наших четвероногих друзей есть немало дарований, недоступных и непонятных человеку. Разгадать собачье-кошачьи тайны – наша задача.

В заключение приведём далеко не полный список собак-двоеглазок. К ним, кроме многих дворняг, относятся ротвейлеры, лайки, доберман-пинчеры, тибетские мастифы, сеттер-гордоны, босероны, чёрно-подпалые кунхаунды, манчестерские терьеры, бернские гончие, зенненхунды...

* * *

И псу конурка, и коту печурка.

Ловит и волк, поколе волка не поймают.

Легко псу, да несётно.

¹¹¹ Гань Бао... С. 129.

¹¹² Корнеев. Слово о собаке... С. 110–111.

Лисица от дождя и под бороной ухоронится.

Девушка и собака

*Миф гренландских эскимосов*¹¹³

Муж с женой жили, говорят. Была у них дочь. Очень хотели они выдать дочь замуж. Но она решительно отказывалась. А у неё был пёс. Наконец отец сказал:

– Хорошо. Не хочет выходить замуж – пусть её пёс будет ей мужем! – Так он сказал дочери, потому что обязательно хотел иметь зятя.

Только он успел это сказать, как вошёл мужчина (на самом деле это были собачьи испражнения, одетые в плащ-дождевик). Через некоторое время человек заторопился уходить:

– Позвольте мне выйти, я таю! – И вышел.

Когда он вышел, пёс начал выть, чтобы его пустили в дом. Вскоре он разорвал ремень, которым был привязан, и вбежал в дом [...] Вбежав, он сорвал одежду с девушки, своей хозяйки, и набросился на неё. Так он стал мужем девушки, и её родители не смогли ему помешать. Потом он выволок её наружу, хотя она и упиралась ногой в потолок коридора. Когда пёс отпустил её, её отец снова его привязал. Скоро пёс опять стал страшно выть, и, хотя его и привязывали крепчайшими плетёными ремнями, он всё время отрывался. Это повторялось несколько раз, и отец девушки ничего не мог сделать.

Наконец отец снял целиком шкуру лахтака, набил её большими камнями и привязал к ней пса толстыми ремнями. Потом посадил дочь в лодку и увёз её на маленький остров, называемый Кинмиуныкагфик. Тут пёс завыл изо всех сил, умудрился добраться до воды, до самого берега. А достигнув берега, начал произносить заклинания:

Поплавки, поплавки,
Поплавки, большие поплавки.
Иа-иа!
Собачья кормушка, кормушка.
Поплавки, поплавки,
Поплавки, большие поплавки.
Иа-иа!

Когда он произнёс эти слова, шкура с камнями поплыла вдруг по воде по направлению к острову, и пёс доплыл до своей хозяйки.

Теперь они начали жить как муж и жена, но, в то время как девушка не испытывала никаких лишений, пёс вскоре умер от голода. Женщина родила множество детей – людей и собак. Отец обычно приезжал к ним на каяке и привозил еду ей и детям. Наконец дети подросли, и мать сказала им:

– Каждый раз, как к нам приедет дедушка, прибегайте сюда, когда я скажу: «Быстро!»

С тех пор каждый раз, как дед привозил еду, она говорила:

– Быстро, быстро! – И дети бросались к нему.

Потом мать сказала:

– Когда я говорю «Быстро!», прибегайте сюда, и при каждом удобном случае вы должны немного чего-нибудь съесть¹¹⁴.

Теперь дети бежали к деду и начинали лизать его каяк. Наконец она сказала:

– Теперь пора съесть вашего старого деда!

¹¹³ Девушка и собака // Эскимосские сказки и мифы. М., 1986. – С. 404 – 405.

¹¹⁴ «Должны немного чего-нибудь съесть» – пояснение рассказчицы: «Чтобы отец к этому привык и чтобы успокоить его».

В следующий раз они стали, как обычно, лизать каяк деда, а когда мать сказала: «Быстро, быстро, быстро!», – бросились на него и сожрали. Пока он ещё был жив, мать сказала детям (так, чтобы он слышал):

– Теперь ешьте своего деда, этого глупого старика!¹¹⁵

Они съели его, и некому стало привозить им пищу. Когда у них окончилась вся еда, мать разрешила подошву своего чулка на куски и сделала для детей каяки. Потом поместила их по двое в каждую лодку и отправила в путь, сказав:

– Вы, двое, будете безопасными выючными животными¹¹⁶; вы, двое, будете волками и будете вселять страх; вы, двое, станете духами-тунгаками и тоже будете пугать людей, а вы, двое, станете белыми людьми и будете неопасны.

Сказав это, она отправила их и осталась совсем одна. Она должна была тут остаться, раз она отправила детей. Никто больше не привозил ей пищи, она в конце концов умерла голодной смертью. С тех пор люди зовут остров Кинмиуныкагфик – остров Собачий¹¹⁷.

¹¹⁵ «Глупого старика» – по объяснению рассказчицы, смысл в том, что раз отец такой глупый, то пусть за это расплачивается.

¹¹⁶ «Выючными животными» – буквальный перевод; видимо, речь идёт о том, что одни собаки одичали и стали (остались) волками, а другие стали ездовыми, как люди разделились на белых людей (безвредных) и опасных демонов, т. е. превращения в первом случае нет.

¹¹⁷ Кинмиуныкагфик – букв. «собачий», островок в Инглфилд Бреднинг рядом с сел. Кангыглюсюк.

Демиурги и культурные герои

Мифологическим псовым по плечу даже такие масштабные и ответственные роли, как демиург и культурный герой.

Демиург создаёт мир, а культурный герой дарит человеческим существам то, что делает их людьми: речь, трудовые навыки, законы общежития, представления о мире, а также то, без чего цивилизация была бы невозможна: огонь, культурные растения, домашних животных, орудия труда, письменность и т. д. Границы между понятиями «демиург» и «культурный герой» весьма условны – нередко один и тот же персонаж выступает в обеих ипостасях. Бывает и так, что псовый герой творит не один, а является соавтором или помощником другого демиурга, часто – антропоморфного.

Как, скажем, Италapas-койот северо-западных индейцев. Он во время всемирного потопа залез на дерево, а когда вода перестала прибывать, бросил на неё горсть припасённого песка и пожелал, чтобы он стал сушей. Так и произошло (тут койот проявил себя демиургом). Затем он помог творцу создать первых людей и научил их многим полезным вещам: ловить рыбу, изготавливать оружие, строить жилища, шить одежду, а также наложил охотничьи запреты – одним словом, поступил как настоящий культурный герой.

Похожую историю рассказывают индейцы арикара¹¹⁸. Там Великий Небесный Дух Несару сотворил небо и бескрайние воды, по которым в одиночестве плавали две утки. На этом творческий порыв Несару-демиурга иссяк, и он поручил заботы о дальнейшем прогрессе созданным им двум братьям: Человеку-Волку и Счастливому Человеку. Братья повелели уткам достать со дна немного земли. Человек-**Волк** образовал из неё Великие Равнины, а Счастливый Человек – холмы и горы. После этого братья спустились под землю, нашли там двух пауков и научили их размножаться. Пауки породили растения, животных и людей, а ещё – племя злых великанов. Эти великаны получились такими злобными, что Несару пришлось наслать на них потоп. Правда, людей Великий Небесный Дух от гибели спас. (О творчестве двух других братьев, один из которых тоже был волком, рассказывается в статье *Малсум*.)

Тема губительного потопа и последующего возрождения жизни на земле относится к числу универсальных, она присуща многим мифологиям мира. Но, пожалуй, только в Америке основными героями «потопных» мифов являются представители псовых, главным образом, койот и волк.

От североамериканских индейцев йокуц можно услышать такую легенду.

В доме братьев Волка и Койота на стене висели два кожаных мешка: один – с землёй, второй – с водой. Волк предупредил младшего брата, чтобы тот мешки не трогал. Однако проказливый Койот не удержался и однажды палкой продырявил мешок с водой. Вода залила весь мир, и виновник потопа утонул. Волк смастерил плот, взял сеть и принялся вылавливать из воды и жевать листья табака (очевидно, чтобы снять стресс). Затем выловил тело младшего брата и оживил его, а Утке приказал добыть со дна немного ила. Задание оказалось непростым: дно находилось на большой глубине, и Утка, донырнув до него, лишилась чувств. Волк вернул к жизни всплывшую ныряльщицу и из крупиц земли, поднятых ею со дна, создал кусок суши. После этого хвостатый демиург послал младшего братца узнать, велика ли земля. Койот вернулся быстро и сказал, что земля мала. Тогда Волк велел ему закрыть глаза и снова разбросал крупицы земли. На этот раз возвращения Койота пришлось ждать долго: земля стала большой. Волк с помощью Лося и Горного Барана обустроил возникший мир, а Койоту поручил дать названия всем деталям ландшафта; сам же удалился в страну мёртвых и стал её правителем.

¹¹⁸ Бирлайн... С. 70.

Причастен волк и к появлению людей на земле. Согласно одному индейскому мифу, небесное божество Гром создало мир, собрало в мешок звёзды (а это были перволюди) и спустилось на землю. Однажды, когда Гром крепко спал, Волк осторожно пробрался в его вигвам, прогрыз мешок и освободил людей, и те разбрелись по всему свету.

Волк, между прочим, является и гарантом существующего мирового порядка. По крайней мере, так полагают живущие в Азербайджане талыши. По их мнению, этот зверь стоит перед быком, на спине которого покоится весь мир, и следит за тем, чтобы бык не сошёл с места. Когда на быка садится муха, он вздрагивает, и на земле происходит землетрясение.

Участвовали в сотворении мира и **собаки**.

Однажды молодая сучка смастерила из шапки волшебницы-старухи небо и звёзды, а также освободила из плена зверей, которых старуха прятала в туго завязанных мешках (см.: *Сука Елтхехенай и её дочь*).

Необычно появление первых людей в трактовке папуасов маринд-аним. Как-то раз волшебный первопёс Гиури принялся разгребать песок. Из вырытой ямки хлынула вода. Она вынесла на поверхность странные создания, похожие на полурыб-полулюдей. Стараниями божеств эти существа были затем превращены в обычных людей.

Однако самую большую творческую активность развил **койот**. В мифологии и фольклоре коренных американцев про этого хитрого и ловкого пройдоху существует множество повествований (см.: *Койот*). В некоторых из них он выступает в образе творца вселенной или её отдельных частей. Скажем, пайюты утверждают, что койот вместе с волком сотворил землю, а майду обвиняют его в том, что он принёс в мир страдания – так койот решил разнообразить созданный творцом совершенный, но скучный мир. Нез-персе, наоборот, благодарят койота за то, что он создал их народ, и рассказывают такую легенду.

В давние-предавние времена, когда на свете не было ещё людей, чудовищный бобр Вишпуш обитал в изначальном озере. Однажды Койот решил порыбачить и подошёл к озеру. Разгневанный Вишпуш набросился на него, и звери сцепились в ожесточённой схватке. Она длилась долго, за это время на земле появились горы, пропасти и каньоны. Но вот бобр почувствовал, что его силы на исходе и нырнул в озеро. Там он принялся глотать рыбу. А Койот, чтобы восстановить былую мощь, превратился в ветку и поплыл по воде. Увидев это, Вишпуш бросился к ветке и проглотил её. Оказавшись внутри бобра, Койот обернулся сосновой иглой и вонзился врагу в сердце – и тот издох. Койот принял свой первоначальный вид, вынес убитого Вишпуша на берег, разрезал его на тысячу кусков и смастерил из них людей. Так появились индейцы нез-персе¹¹⁹.

А вот какую историю рассказывают индейцы кахто.

Однажды с неба исчезло солнце и мир погрузился в непроглядную тьму. И некому её было рассеять, так как в те давние времена не существовало ещё ни звёзд, ни луны. Как-то раз Койот крепко спал, улёгшись головой на восток, и увидел вещий сон: взошедшее солнце своими жгучими лучами опалило ему макушку. Проснувшийся зверь с тоской вспомнил о пропавшем светиле и решил во что бы то ни стало вернуть его на небо.

Койот отправился в путь и по дороге встретил трёх мышей, которых в темноте принял за собак. Разобравшись, с кем имеет дело, он им поведал о своём замысле, и мыши горячо его поддержали. Вскоре отважная четвёрка набрела на хижину, в которой было спрятано солнце. На стук в дверь вышла хозяйка, безобразная Старуха, и Койот напросился к ней на ночлег. Наступила ночь, все легли спать, и в доме воцарилась тишина – её нарушал лишь мерный храп Старухи. Немного выждав, Койот подал условный сигнал, и мыши перегрызли прочные кожаные ремни, которыми было опутано спрятанное под ворохом одеял солнце. Койот схватил солнце за обрывки ремней и выбежал из хижины. Однако ему не удалось остаться незамечен-

¹¹⁹ Барлетт... С. 209.

ным: дремавший поблизости Крот почувствовал на своей шкурке жар близкого светила и завопил: «Караул! Украли солнце!!!» К счастью, его крик не был услышан Старухой, но от шума проснулась Ящерица. Она принялась в испуге колотить палкой по стене хижины и орать: «Он уносит солнце! Он уносит солнце!» От этих воплей Старуха вскочила и, проявив небывалую для её возраста прыть, погналась за Койотом. На бегу она кричала: «Ты зачем украд солнце, сейчас же его верни! Я его хотела починить!» – «Нет, ты его прятала!» – гневно отвечал ей спаситель солнца и, собрав все свои магические силы, превратил злобную Старуху в камень.

Отдышавшись от погони и отдохнув, бесстрашный Койот показал себя настоящим божественным творцом: он отрезал от солнца изрядный ломоть, смастерил из него луну и звёзды и поместил их на небо, приказав им светить ночью. А то, что осталось от солнца, стало нашим дневным светилом. По велению Койота, оно должно было ежедневно вставать по утрам на востоке, совершать путь по небу и вечером прятаться на западе. Так был установлен незыблемый порядок на небе, и благодарные люди по этому случаю поднесли Койоту богатые дары (см. также: *Псовые на небе*).

Однако не всегда Койоту удавалось убежать от преследователей. Если верить индейцам юки, его всё-таки догнали и убили. Перед смертью он успел разбить солнце на кусочки. Впрочем, Койот оказался зверем живучим: после того, как преследователи ушли, он ожил, собрал осколки, сложил их вместе и поместил восстановленное светило на небо. А затем превратился в молодую красивую женщину и таким же драматическим образом вернул на небо похищенные луну и Утреннюю звезду (Венеру).

Чтобы спасти светило из плена и водрузить его на небо, прындре Койоту пришлось побывать не только красавицей, но и стариком, старухой, искусным танцором и даже полым бревном и сухой палочкой. Так, во всяком случае, рассказывают индейцы разных племён.

Вездесущий койот обустроивал не только небо, но и землю. Об этом поведали береговые мивок.

В начале всех начал везде была одна только вода. Этот унылый пейзаж животным довольно скоро наскучил, и Лягушка предложила Койоту создать землю. Тот охотно согласился и попросил самых лучших ныряльщиков достать со дна строительный материал. Но ни Утка, ни Водяная Змея не смогли донырнуть до дна. И тогда за дело взялась Лягушка и достала со дна горсть песка. Койот, известный мастер на все руки, из этого песка слепил землю, на которой мы теперь и живём.

А вот история, не похожая на предыдущие.

Как-то дети Койота играли в селении, где вождём было Солнце. Они украли сияющий диск и убежали. По приказу Солнца маленьких воришек поймали и убили. Разгневанный Койот решил отомстить за смерть своих детей и по совету друзей устроил засаду возле источника, из которого Солнце ежедневно, ровно в полдень, пило воду. Друзья подсказали мстителю: «Ты в том месте вырой яму и спрячься в неё. А когда Солнце наклонится к воде, чтобы напиться, смело отрезай то, что у него будет свисать». Так Койот и поступил: во время водопоя он отрезал ту часть солнечного тела, которая болталась, и Солнце погибло, а мир погрузился в кромешную тьму. Койот выбрался из ямы, споткнулся о холодное светило и в растерянности остановился. Из непроглядного мрака до него донесли голоса друзей: «Брось на небо то, что ты отрезал» (а это, как легко догадаться, было сердце Солнца), и койот швырнул сердце на небеса. В тот же миг вспыхнуло новое светило и своими лучами озарило небо и землю. (Заметим в скобках, что подобными делами занимался не только койот, но и лис.)

И, что удивительно, койоту приходилось не только забрасывать солнце на небо, но и оттуда его сбивать. Об этом со знанием дела повествуют индейцы шастика: «Вначале у солнца было девять братьев, пылающих так сильно, что мир едва не погибал. Столько же братьев было

и у луны, и они испускали холод, от которого люди по ночам замерзали чуть не до смерти. Койот убил лишние солнца и луны и спас людей»¹²⁰.

А про то, что вытворял койот у навахо, можно написать целый роман.

Люди, оказывается, живут уже в пятом по счёту мире. В самом первом, который располагался ниже всех других, обитали только Первый Мужчина, Первая Женщина и Койот. Тот мир был настолько мал и тёмн, что его обитатели в конце концов перебрались во второй мир, где светили Солнце и Луна. Восток там был чёрного цвета, запад – жёлтым, юг – синим, а север – белым. И всё было бы хорошо, если бы не Солнце: оно принялось ухаживать за Первоженщиной. Ей это не понравилось, к тому же на почве ревности между мужчинами (земным и небесным) вспыхнула вражда, и мудрый Койот понял: пора отсюда уходить. Он созвал всех людей (их к тому времени развелось уже много) и предложил переселиться в третий мир. Этот мир был прекрасен: здесь царили чудесная природа и мягкий климат, леса и прерии изобиливали зверьём, а реки и озёра кишели рыбой. Правда, новый мир был уже заселён: в нём жил горный народ. К счастью, местные оказались людьми добрыми, они встретили переселенцев дружелюбно, но сразу их предупредили, чтобы те ни в коем случае не беспокоили водяную змею Тиехолтсоди. Однако «стоило только сказать Койоту не делать чего-либо, как он обязательно это делал. Им овладело любопытство, и он отправился к морю. Там он нашёл играющих детей водяной змеи Тиехолтсоди, и они так понравились ему, что он схватил их и побежал прочь. Тиехолтсоди очень рассердился и принялся разыскивать своих детей по всему миру, но напрасно. Тогда он решил наслать на мир наводнение, чтобы утопить вора.

Когда поднялась вода, люди стали думать, как спастись от потопа. Призвав на помощь волшебство, они принесли четыре горы с четырёх сторон света и поставили их одну на другую. Но вода продолжала прибывать и накрыла сначала первую гору, потом вторую и третью; люди столпились на вершине четвёртой горы, думая, что же им делать. Они посадили огромный тростник, он вырос и достал до неба. Вода уже плескалась у них под ногами, но в последний момент люди успели перебраться в четвёртый мир. Последним поднялся индюк; и по сей день перья у него в хвосте белые, потому что вода потопа смыла с них краски»¹²¹.

Четвёртый мир оказался больше третьего, правда, был туманным и тусклым. Но деваться было некуда, и люди стали в нём жить.

«Однако мирная жизнь продолжалась недолго: ведь дети Тиехолтсоди до сих пор оставались у Койота. Потоп, который Тиехолтсоди наслал на третий мир, был так могуч, что воды поднялись в четвёртый мир, и почва размягчилась. Людям угрожал новый потоп, и они снова нагромодили друг на друга четыре горы, вырастили огромный тростник и вскарабкались в пятый мир... Первым в этот мир попал бобёр. Он вернулся с неутешительными новостями: всё, что он увидел, оглядевшись по сторонам в пятом мире, – это дно огромного озера. Тогда люди послали в пятый мир саранчу, чтобы она поднялась на поверхность озера.

На поверхности воды плавали два лебедя, стражи пятого мира. Они сказали саранче, что не пропустят в пятый мир никого, кто не пройдёт испытания. Испытание состояло в том, чтобы проглотить стрелу, вытащить её через задний проход, затем снова засунуть в задний проход и вытащить изо рта. Саранча прекрасно поняла, что почти никто из животных не выживет после такого испытания. Но она была хитрой и сумела обмануть лебедей: она знала, что может протаскать стрелу через свою грудную клетку без всякого вреда. Более того, было очевидно, что лебеди никогда прежде не видели саранчи.

Итак, саранча, к удивлению лебедей, протянула стрелу сквозь свою грудную клетку. А потом она предложила лебедям проделать то же самое, что, естественно, было бы для них

¹²⁰ Евсюков... С. 21.

¹²¹ Бирлайн... С. 114.

смертельно. Лебеди знали, что это было бы самоубийством, и, поразившись отваге и «колдовским способностям» саранчи, разрешили людям четвёртого мира войти в пятый.

Спасшись от двух потоков, произошедших из-за того, что Койот украл детей Тиехолтсоди, люди не хотели, чтобы то же несчастье обрушилось на них и в пятом мире. Поэтому они приказали Койоту вернуть детей водяной змее. Койот подчинился, и Тиехолтсоди успокоился»¹²². С тех пор люди живут в пятом мире и поныне.

Много ещё разных дел успел совершить койот на земле. Он прорезал людям рты, и они наконец-то обрели возможность разговаривать и есть (до этого только мычали и нюхали пищу); выбил зубы из женского лона, и счастливые женщины стали спать с не менее счастливыми мужчинами и рожать детей; посадил в оставшийся после потопа ил разноцветные перья, и из них выросли индейские племена; создал лошадь и бескрайние прерии; добыл для людей огонь и культурные растения. Впрочем, авторами последних двух благодеяний были также волк, собака и лисица. А пройдоха лис из Восточной Африки не только принёс людям огонь, но и научил их разговаривать.

О псовых – похитителях огня можно прочесть в статье *Прометей*, здесь же расскажем о том, каким образом люди обрели культурные растения и другие полезные вещи и навыки.

Вот что об этом можно услышать от индейцев снукуалли. Однажды Лис и Голубая Сойка залезли по верёвке на небо. Лис оборотился бобром и угодил в ловушку Месяца. Месяц его освежевал, но есть сразу не стал, а лёг спать. Ночью бобр ожил, украл спрятанные у Месяца солнце и огонь, прихватил росшие на небе саженцы кедра и сосны и спустился на землю; здесь он снова превратился в Лиса. Месяц проснулся и пустился за воришкой в погоню. Но когда спускался по верёвке, верёвка порвалась, и он полетел вниз. Разбившись о камни, Месяц превратился в гору Си. Освобождённое солнце Лис забросил на небо, и оно стало светить для всех; огонь он подарил людям, а сосны и кедры посадил по всей земле.

По мнению же индейцев атакаменьо, всё было не так. Лис упросил Кондора, чтобы тот доставил его на небо. Кондор согласился, но предупредил Лиса, чтобы тот на небе не грыз кости. Однако как только Лис попал на небо, он сразу же набросился на первую попавшуюся кость. Увидев это, Кондор улетел на землю без него. Бог посоветовал Лису сплести длинную верёвку и, когда она была готова, засунул ему во все отверстия тела, в шубу и даже в усы семена разных растений. Лис по верёвке стал спускаться на землю. В пути он встретил Кондора и принялся его дразнить и обзывать всякими непотребными словами. Стервятник не стерпел и перекусил верёвку. Лис полетел вниз и закричал, чтобы ему постелили на земле одеяла и шкуры. Однако никто не поспешил ему на помощь, и бедный Лис разбился насмерть, а семена разлетелись по всей земле. С тех пор люди из этих семян стали выращивать культурные растения и употреблять их в пищу.

Есть заслуги и у собак.

Однажды Солнце и Месяц заспорили, кто из них старший. Дневное светило рассердилось и спряталось за горизонт – весь мир погрузился во тьму. Испуганные люди послали к Солнцу Пса. И Пёс справился с задачей блестяще: он не только уговорил Солнце вернуться на небо (собаки тогда ещё умели разговаривать), но и получил от него в подарок петуха. И с тех пор, заслышав утреннюю песню петуха, Солнце восходит на востоке и отправляется в своё путешествие по небу. Такая же история с петухом произошла и в Африке.

А вот что случилось на острове Яп, расположенном в Западной Микронезии.

Было это в те времена, когда люди ещё не знали огня и не умели изготавливать посуду. Одна женщина пекла на солнцепёке таро. Внезапно раздался раскат грома, а затем собачий визг. Оказалось, Гром в облике пса упал на землю и застрял в хлебном дереве. Сердобольная

¹²² Бирлайн... С. 115 – 116.

женщина освободила его, и благодарный пёс не только испёк ей таро у себя под мышками, но и сделал палочки для добывания огня, а также научил лепить и обжигать горшки.

А давным-давно в Финикии собака открыла пурпурную краску. Случилось это так. Гуляла она по берегу моря со своим хозяином (то ли местным божеством Мелькартом, то ли пришлым героем Гераклом – мнения расходятся) и, как водится, всё обнюхивала и пробовала на зуб. И вдруг одна из раскушенных раковин окрасила её пасть в яркий красно-фиолетовый цвет. Мелькарт (или Геракл) подумал, что это кровь, но скоро убедился, что это – краска, и поразился её красоте.

Вот так благодаря любознательной собаке люди узнали про пурпур – любимый цвет римских императоров.

* * *

Богат как Крёз, а живёт как пёс.

Где я лисой пройду, там три года куры не несутся.

Волк по утробе вор, а человек по зависти.

Дормарт

(«Дверь смерти»). В мифологии кельтов Британских островов собака, сторожившая вход в царство мёртвых, спутник бога войны и смерти.

Загадочен, причудлив и многолик потусторонний мир островных кельтов.

Насколько нам известно, загробное существование у ирландцев и валлийцев (коренных жителей юго-западной Англии) мыслилось ими как своеобразное продолжение земной жизни. Оно протекало где-то на далёких островах или в недрах ближайшего холма-сида и, в отличие от существования земного, было наполнено только радостью, счастьем и наслаждением (см.: *Кон Аннон*). Похожий рай существовал далеко на юге – в Древнем Египте. Но блаженные Поля Пару были доступны лишь тем, кто на суде Осириса мог доказать свою безгрешность (см.: *Анубис*). А вот северные райские кущи были гарантированы любому кельту – будь то святой или закоренелый преступник.

У валлийского потустороннего мира имелась своя особая «изюминка»: он весь был пропитан духом охоты. Охотились все: и боги, и люди. Охотились всегда: и в стужу, и в зной. Охотились везде: и в мире живых, и в мире мёртвых.

Каждый вечер на просторы Уэльса из преисподней вырывалась свора белоснежных гончих с рыжими ушами – Конн Аннон. Это выезжал на охоту за людскими душами владыка Аннуина Араун. И каждый вечер жители Британии с тревогой прислушивались к далёким звукам, боясь услышать лай его красноухих псов – верный знак близкой и неотвратимой смерти.

Впрочем, Араун охотился не только по ночам. Его рогатую фигуру, мчащуюся на сером жеребце в окружении своры, можно было увидеть и днём. Но при свете дня ни он, ни его собаки никакой опасности для людей не представляли, так как были заняты обычной охотой на зверя. Кстати, описанием такой охоты, во время которой между Арауном и королём Диведа Пуиллом вспыхнул конфликт по поводу загнанного оленя, открывается сборник древних валлийских мифов «Мабиногион» (см.: *Кон Аннон*).

Однако в богатой мифологии кельтов Араун был не единственным повелителем человеческих душ. Пожелтевшие листы пергамента донесли до нас имя ещё одного загробного владыки – Гвин ап Нуда. Того самого Гвин ап Нуда, «которого Господь поставил над дьяволами в Аннуине, чтобы они не погубили всех людей». Это цитата из валлийской повести о Килухе и Олвен (см.: *Дридвин*). Она – пример того, как христианство, не сумев одолеть языческих божеств в открытом противоборстве, тихой сапой низвело их до уровня персонажей народных легенд и суеверий. «Окатоличенный» Гвин ап Нуд стал предводителем Дикой охоты, королём местных фей и покровителем охотников Западной Англии. По рассказам местных жителей, он и в наши дни носится со своим псом по пустынным местам ночного Уэльса, нагоняя страх и оторопь на припозднившихся путников.

А в давние-предавние времена сын верховного бога Нуда Гвин был великим воином и охотником, грозным богом войны и смерти, повелителем загробного мира. О нём рассказывает старинная поэма, которая дошла до нас в составе так называемой Чёрной Кармартенской книги (конец XII в.)¹²³.

Смысл поэмы тёмнен и загадочен. Она построена в форме диалога двух персонажей: Гвин ап Нуда и ищущего у него покровительства Гвиднея Гаранира – повелителя страны, которая ныне покоится на дне залива Кардиган Бэй.

Встреча героев происходит в тот самый момент, когда Гвин возвращается с очередной битвы. Он ещё весь охвачен боевым пылом, его шлем разбит копьём врага, щит расколот. Бог

¹²³ Кельтская мифология...

восседает на «крутобоком коне – грозе сраженья», рядом с ним – его преданный пёс Дормарт. После взаимных приветствий и славословий Гвин возносит хвалу своему хвостатому другу:

Мой славный крутобокий пёс,
Тебе не сыщешь равных в целом свете;
Недаром ты – Дормарт, пёс Мелгуина.

Гвидней льстиво подхватывает похвалу:

Дормарт твой красноносый! Как я рад
Повсюду следовать за ним,
Тебя к Гвибир Винид сопровождаю!

(Другой вариант этой строфы выглядит так:

Дормарт! О красноносый! Быстроногий!
Его всегда мы ищем взором,
Спеша с тобою к Облачной Вершине!)

Увы, эти строки так же туманны, как и вся поэма. Почему «недаром ты – Дормарт», то есть «дверь смерти»? Потому что свиреп и умерщвляет людей? Или потому что сторожишь вход в обитель смерти? И почему «пёс Мелгуина»? Отродье суки Мелгуина? Подарок Мелгуина? И кто такой этот Мелгуин – король Северного Уэльса, живший в VI в., или кто-то другой? И почему Дормарт – красноносый, а не красноухий, как все собаки Аннуина?..

Вполне возможно, что эти вопросы вызваны не только объективными причинами (например, утратой культурно-исторических особенностей давно ушедшей эпохи), но и субъективными: автор, к большому его сожалению, не владеет иностранными языками, в том числе древними, поэтому вынужден работать не с оригинальными текстами, а с переводами, причём чаще всего поэтическими. К слову сказать, кельтские тексты, по мнению учёных, в силу своей специфики особенно трудны для понимания и часто допускают различные толкования.

Однако вернёмся к поэме. Из дальнейших слов Гвина становится ясно, что он и его демонический пёс заняты обычным для них делом: собирают на полях сражений кровавый урожай – души погибших воинов. И здесь же бог смерти перечисляет имена некоторых из них: столп славных песен Гвендолей, воспетый в сагах Ллахей, достославный муж Мейринг и другие, а затем добавляет:

И там я был, где пали бритты славные
С востока и из северных краёв:
Я провожал их до могилы.

А за могилой славных бриттов ждала привычная земная жизнь в её лучших проявлениях: жаркие битвы, удачная охота, сладкая любовь и весёлые пиры. Такая перспектива придавала им уверенности, укрепляла их мужество и питала презрение к смерти.

Но обязанности Дормарта не ограничивались только ловлей душ. Из старинных ирландских сказок нам известно, что он ещё и охранял вход в потусторонний мир – один или с безымянным псом-напарником. (Этим, скорее всего, и объясняется значение его имени – «дверь смерти».)

Ирландцы старались оплакивать своих покойников не слишком громко, чтобы не растревожить потусторонних стражников. Иначе разозлённые псы новопреставленную душу могли и покусать.

В ипостаси сторожа наш герой близок *Керберу*. Однако есть все основания полагать, что по натуре Дормарт был мягче и дружелюбнее своего древнегреческого коллеги. Это вытекает из самой природы представлений кельтов о посмертной участи человека – природы гуманной и оптимистичной.

Кроме Кербера, у Дормарта были и другие коллеги по ремеслу. Например, *Гифр и Гери*, спутники скандинавской богини подземного мира Хель. Или четырёхглазые свирепые *Шарбары*. В далёкой Индии эти два пса помогали страшному богу смерти Яме преследовать обречённых на смерть людей. Этим же занимались и собаки владыки древнеиранского загробного царства Йимы.

Немногие языческие божества дожили до наших дней, и Гвин ап Нуд – один из них. Неласковой была к нему судьба. Чтобы уцелеть, ему пришлось спуститься с «туманной вершины горы» (по преданию, вершины холмов – излюбленные места обитания божеств), сложить с себя полномочия бога войны и смерти, затем побыть повелителем демонов в католическом аду и, наконец, уже в наши дни, стать скромным королём фей и охотников. И на всём его долгом жизненном пути рядом с ним находится «славный крутобокий пёс», которому «не сыщешь равных в целом свете» – красноносый быстроногий Дормарт.

* * *

Собака и хлеба не съест, не порычав.

Не из корысти собака кусает, из лихости.

Сытый волк смирнее завистливого человека.

Ближняя собака скорее укусит.

Житьё – хуже поповой собаки.

Дридвин

В валлийском (кельтском) эпосе храбрый пёс, принимавший активное участие в охоте на волшебного вепря Турха Труита. Между ушами вепря были спрятаны ножницы, гребень и бритва. Овладение этими предметами было одним из условий женитьбы Килуха на Олвен. На охоте погибло много охотников и гончих.

В истории людей и собак охота на Турха Труита была, пожалуй, самой грандиозной и кровавой¹²⁴. Она затмила даже такие хрестоматийные охоты, как Калидонская или охота Ориона на Хиосе (см.: *Сириус*). А первопричиной трагических событий, разыгравшихся на берегах Уэльса и Ирландии, была, конечно же, пылкая любовь.

...Цветущий юноша на белом коне мчится к своей возлюбленной. Он весь охвачен пламенем любви. На нём полыхает пурпурный плащ, расшитый золотыми яблоками, ценой в сто коров каждое, на ногах горят золочёные сапоги по триста коров за пару. Впереди него бегут породистые гончие – две ослепительно-белые суки в ошейниках, украшенных смарагдами и яхонтами. Это летит королевич Килух. Цель его бешеной скачки – очаровательная Олвен.

На невесте Килуха платье из огненного шёлка, на шее ожерелье, сверкающее смарагдами и яхонтами. Волосы у неё желтее лесных анемонов среди лугового многоцветья, глаза её ярче бирюзовой волны, что искрится под летним солнцем, грудь белее лебединой, а щёки краснее, чем самая красная роза. И не было воина, который, взглянув на неё, не отдал бы ей своё сердце. И где она ступает, тотчас вырастают четыре цветка белого клевера.

Но, увы, не скоро сольются уста Килуха и Олвен в сладком поцелуе, не скоро назовут они друг друга мужем и женой. Потому что между ними неприступной стеной встал злой великан Испатаден Пенкауур, отец Олвен. Он сразу же остудил любовный пыл юноши и спустил его с небес на землю. Будущий тесть резонно заметил, что свадьба – дело серьёзное и готовиться к ней надо основательно. Нужно много мяса, пива, браги, пирогов и молока. Нужно много различной посуды. Нужно подарить невесте свадебный белый плат. Да и ему самому (тестю) надо бы привести себя в порядок: постричься и побриться. И всё это должен обеспечить жених.

На первый взгляд, требования вполне разумные. Однако дьявол, как известно, прячется в деталях. И об этих деталях Испатаден подробно и долго толковал ошарашенному жениху.

Не хватит у автора терпения и бумаги, чтобы изложить все многочисленные и, прямо скажем, издевательские требования великана. Но о последнем и, пожалуй, самом трудном, стоит рассказать подробнее. Так вот, в конце продолжительной беседы с Килухом Испатаден Пенкауур затронул вопрос личной гигиены:

«Чтобы постричь и побрить меня, надо мои волосы намочить в крови чёрной колдуньи, дочери белой колдуньи из Пен Нант Говида, что находится в Преисподней. Кровь должна быть тёплой, а для этого годятся только бутылки Гудолвида Горра. Но он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению.

Побрить и остричь мои волосы можно только теми ножницами, бритвой и гребнем, что находятся между ушами вепря Турха Труита, сына короля Тареда. Но никому не под силу одолеть Турха Труита без помощи Дридвина, отродья Грайда, сына Эри. На всей земле нет поводка, который мог бы удержать его, кроме поводка Гурса Канта Эвина. Нет и ошейника, который удержал бы пса, кроме ошейника Канхастира Канхлау. А чтобы соединить поводок с ошейником, нужна цепь Килта Канхастира. Поводок же надо сплести из волос бороды Дихлиса Варваука, но не мёртвого, а живого, и не срезанных, а вырванных деревянными щипцами. А

¹²⁴ Изложено по: Кельтские мифы: Валлийские сказания; Ирландские сказания. Екатеринбург, 2006.

он, пока жив, не позволит этого сделать ни по доброй воле, ни по принуждению. Если же он умрёт, то и борода его не нужна, потому что волосы в ней станут ломкими.

На всей земле нет охотника, который мог бы управиться с этим псом, кроме Мабона, сына Модрона. Однако его увезли от матери, когда ему было всего три дня от роду, и никто не знает, где он теперь и жив ли он. Только конь Гвету Гвинн Магдун подходит Мабону, сыну Модрона, для охоты на вепря, но он не даст его ни по доброй воле, ни по принуждению. А где находится Мабон, знает только его родич Айдойл, сын Айра. Айдойла же искать без пользы, потому что он приходится Мабону двоюродным братом.

Нельзя справиться с Турхом Труитом и без Гарселита Гвителиана – лучшего охотника Ирландии, а также без Гвинна, сына Нита, которого Господь поставил над дьяволами в Аннуине, чтобы они не погубили всех людей. Но Гвинна может выдержать только конь Ди Мора из Ойрветауга.

Нельзя также идти на охоту без сына Алина Даведа, ибо он лучше всех умеет управляться с собаками, а также без гончих Анеда и Айтлема – они бегают быстрее ветра и без добычи не возвращаются.

Кроме того, в охоте на Турха Труита обязательно должны участвовать король Франции Гуихленхин и король Артур с рыцарями.

Ты также не можешь отправиться на охоту без Булха и Кавулха, и Севулха, внуков Клевива Дивулха. Три их щита – три огненных солнца. Три их копья – три безудержные молнии. Три их меча – трое безжалостных убийц: Глас, Глессик и Глайсад. Три их пса – Кахл, Киахл и Кавахл. Три их коня – Хуирдатуд, Другдатуд и Хлуирдатуд. Когда они трубят в рог, то все думают, что небо падает на землю.

А ещё тебе нужен меч Гурнаха Великана, потому что только этим мечом можно убить Турха Труита. А он никогда не даст тебе его ни по доброй воле, ни в подарок, ни за плату, ни по принуждению.

И запомни: не принесёшь требуемое – не видать тебе моей дочери. Иди и не забудь: ты кормишь и одеваешь мою дочь, пока исполняешь мои поручения. А исполнишь все – бери её в жёны».

И так велика была любовь Килуха к Олвен, что он после каждого требования Испатадена Пенкаура согласно кивал головой и упрямо повторял: «Это нетрудно исполнить, хотя ты думаешь иначе», а в конце отчаянно заявил: «Я возьму твою дочь в жёны, а ты умрёшь». Эти слова Килуха ни в коем случае нельзя расценивать как угрозу. Просто он лишний раз напомнил Испатадену (и, очевидно, не без удовольствия), что на великане лежит страшное проклятье: он умрёт в день свадьбы своей дочери. Это немаловажное обстоятельство во многом объясняет характер требований Испатадена – в самом деле, уж лучше оставить любимую дочь в старых девах, чем лишиться собственной головы.

Получив задание, Килух развил бурную деятельность. И первое, что он сделал, он обратился за помощью к королю бриттов Артуру, своему двоюродному брату. Это был верный ход: подключив родственные связи, смекалистый жених обрёл небывалые возможности.

Всемогущий Артур, выслушав просьбу родственника, поднял на ноги всю Европу. И вскоре со всех её уголков в Уэльс потянулись возглавляемые королями или их отпрысками многочисленные отряды рыцарей, охотников и авантюристов всех мастей. Королевский дворец в Карлионе превратился в настоящий боевой штаб, в котором днём и ночью кипела напряжённая работа. Здесь под началом главнокомандующего (короля Артура) члены военсовета (рыцари Круглого стола) разрабатывали и осуществляли многочисленные операции, обеспечивавшие подготовку и проведение бракосочетания Килуха и Олвен.

И вот, год спустя, ценой невероятных усилий, действуя где обманом и подкупом, а где и открытым насилием, подданные бриттского короля и его верные союзники выполнили почти все пункты обширного списка требований Испатадена Пенкаура. Результаты проделан-

ной работы были спрятаны в сокровищнице короля Артура и дожидались дня свадьбы. Там хранились: красивые бутылки Хлуира, предназначенные для браги, корзина для мяса Гвитная Гаранхира, рог для вина Гулгауда Гододина, самоиграющая арфа Тайрту, котёл Диурнаха Витела, волшебный клык Аскитарвина Пенбайта (см.: *Кавахл*), бутылки Хриннона Хрина Барнаула, в которых никогда не скисает молоко, и, наконец, тёпленья кровь чёрной колдуньи, хранившаяся в бутылках-термосах Гудолвида Горра. Оставалось только завладеть парикмахерским набором, спрятанным на макушке проклятого вепря. Однако и к этой, самой трудной и ответственной, операции всё было готово.

В рядах могучей армии, с нетерпением ожидавшей решающей схватки с кабаном, уже несколько дней находился тот, без чьей помощи никому не под силу совладать с Турхом Труитом – великолепный Дридвин, отродье Грайда, сына Эри. На шее этого могучего мастифа красовался ошейник Канхастира Канхлау. С помощью цепи Килита Канхастира он крепился к поводку, сплетённому из волос, вырванных деревянными щипцами из бороды живого Дихлиса Варваука. (Кстати, Дихлиса после этой мучительной операции пришлось гуманно усыпить). Другой конец поводка находился в крепких руках Мабона, который восседал на кауrom жеребце Гвинне Магдуне, когда-то принадлежавшем Гвету. Здесь же находились лучшие охотники всей Ирландии: Гарселит Гвителиан, Каледир Вихлт и Гвинн, гарцевавший на коне Ди. У самого известного пса Уэльса Даведа со сворки рвались два армориканских пса Глатмира Ледевика и быстрые как ветер гончие Анед и Айтлем. Среди воинов также была замечена неразлучная тройца – Булх, Кавулх и Севулх. А в руках жениха сверкал знаменитый меч Гурнаха Великана, несколько, правда, для него великоватый. Во главе этого могучего воинства на белом коне выступал сам король Артур. Рядом с ним, как всегда, находился его верный пёс Кавахл.

И вот великое противостояние началось. Армия Артура, переплыв на кораблях Ирландское море, высадилась на побережье Ирландии. Именно здесь, на этом зелёном острове, жил и бесчинствовал Турх Труит со своими семью поросятами. Вся Ирландия страдала от набегов чудовищной семейки, которая уже успела опустошить четверть страны. Пребывавший в страхе и отчаянии народ с радостью встретил Артура. К его десанту примкнули не только воины здешнего короля, но и толпы простого люда, мечтавшего избавиться от невыносимого свинячьего гнёта.

Ранним утром Артур прибыл в Эстайр Ойрвел, где обитал вепрь со своим потомством.

Первыми вызвались сразиться с Турхом Труитом ирландцы. Они спустили своих собак и охотились на него до самого вечера. Однако сразить не смогли. На следующий день к ирландцам присоединились воины Артура. Битва шла весь день. Много было убитых и раненых, но и объединённые силы вепря не одолели. Тогда в схватку вступил сам Артур с Кавахлом. Девять дней и ночей длилось сражение. Но и Артур не смог победить проклятого вепря.

Поняв, что кабанья семейка – орешек крепкий, король попытался получить заветные ножницы, гребень и бритву мирным путём и послал на переговоры с вепрем Гухрира Гвалстаута Иайтойта. С той стороны переговоры вёл сын Турха Григин Гурих Эрайнт. Он категорически отверг предложение мирно отдать вождельные инструменты и пригрозил: «Завтра утром мы пойдём в земли Артура, и он об этом пожалеет».

Не обманули свиньи – утром поплыли в Уэльс. И пришлось Артуру в спешном порядке возвращаться в родное королевство, чтобы спасти его от неожиданной напасти.

На следующий день королю доложили, что Турх Труит с отпрысками идёт по земле Британии, уничтожая всё живое на своём пути. Артур бросился в погоню и настиг свиней в Абер Глетиве, где они успели перебить всех людей и животных. Завидев Артура, Турх Труит поспешил в Преселай. Король отправил в погоню свои лучшие силы, в том числе Мабона с псом Дридвином, Гвартегида с двумя псами Глатмира Ледевика и ещё Бервида с королевским псом Кавахлом. Результаты погони были плачевны: вепрь убил восемь воинов и трёх собак. Но и

сам был ранен. На другой день сражение разгорелось с новой силой. Были убиты шесть воинов и множество жителей тех мест.

Затем вепрь направился в Пелимиаук, а оттуда – в Абортайви. И повсюду Турх Труит сеял смерть и разорение.

В Абервиле от клыков вепря пал король Франции Гуихленнхин.

В Глинн Асти собаки потеряли след кабанов. Вскоре охотники в Дафрин Хлахуре наткнулись на сыновей Турха Труита – Григина Гуриха Эрайнта и Хлуидауга Гованниада – и вместе с собаками погибли от их клыков. Узнав об этом, Артур с воинами помчался в Дафрин Хлахур и спустил на молодых вепрей собак. Услыхав поднятый ими шум, прибежал Турх Труит с остальными поросятами, а также множество воинов. Снова спустили всех собак, и не выдержали свиньи – бежали в Манит Аману. По пути был убит один из сыновей Турха по имени Гвис. Оставшиеся свиньи рванули в Дафрин Аману, и там были убиты ещё два молодых вепря – Бану и Бенвиг. В следующий раз Артур догнал Турха Труита в Хлук Эвине, где рассвирепевший вепрь и его оставшиеся отпрыски перебили множество воинов и собак.

Кровавый рейд кабаньей банды продолжался: Кередициаун – Гарт Грегин – Астрада Аве. Здесь, в Астрада Аве, сын Турха Труита Хлуидауг Гованниад лишил жизни короля Арморики Хирпаиссауга, а также многих Артуровых родственников, но и сам был убит.

Турх Труит пропал где-то между Тави и Айиасом. Артур остановился лагерем в устье реки Северн и послал отряд воинов с собаками, чтобы они нашли и пригнали Турха Труита. Рядом с королём были самые храбрые, самые сильные воины Британии и самые лучшие собаки. И вот показался бегущий на них вепрь, которого преследовала кавалькада охотников с гончими. Всё ближе и ближе ненавистный зверь, всё страшнее его огромные жёлтые клыки и пылающие злобным огнём красные глазки. Брошенные копья и выпущенные стрелы отскакивают от его шкуры-брони, словно соломинки. Ещё мгновение – и он врежется в ряды воинов, обнаживших свои мечи. И вдруг к кабану серой молнией метнулся отчаянный Дридвин, отродье Грайда, сына Эри, и впился ему в заднюю ногу!¹²⁵ Бросок был настолько неожиданным, настолько стремительным, что кабан потерял равновесие и, поднимая тучи пыли, кубарем покатился по земле. Не растерявшись, Артур и его воины набросились на поверженного зверя и, схватив его за ноги, столкнули в реку. Пока ошеломлённый Турх Труит беспомощно барахтался в воде, к нему с двух сторон подскочили на лошадях Мабон и Каледир Вихлт и выхватили из-за ушей кабана бритву и ножницы. Однако гребень ухватить не успели: Турх Труит нащупал дно, оттолкнулся и поплыл на другой берег.

Артур и его воины вновь устремились в погоню. И нет таких слов, чтобы описать те муки и страдания, которые довелось им испытать, прежде чем король ценой невероятных усилий смог завладеть драгоценным гребнем. А заполучив его, он погнал вепря к морю, и никто не знает, в какие края уплыл неуязвимый зверь.

Затем все явились в замок великана, и ликующий Килух предъявил ему всё, что тот требовал. Испатаден Пенкауэр был вынужден признать своё поражение, и ему отрубили голову. А Килух и Олвен в тот же день стали мужем и женой.

Свадебное пиршество, устроенное по такому случаю, было щедрым, но немного грустным. Возможно, потому, что было оплачено слишком дорогой ценой – жизнями многих людей и собак.

¹²⁵ Интерпретация автора.

Дух Белого пса

Популярный персонаж японского сказочного фольклора.

В одной рыбацкой деревне жил бедный старик. Звали его Симода. Однажды на берегу моря он нашёл большую корягу. Старик приволок её домой, высушил и решил порубить на дрова. После первого же удара топором коряга раскололась, и из неё выскочил белый шенок. Он задорно залаял, завил хвостиком и принялся играть лежавшим поблизости прутиком. На шум прибежала старуха. Увидев очаровательного озорника, она в восторге всплеснула руками и радостно запричитала. Одиноким старикам оставили щенка у себя и назвали его Белым псом. Своего любимца они кормили вкусной рыбой, тофу и другими лакомствами. Пёсик рос прямо на глазах. Днём он помогал старику рыбачить, а по ночам сторожил подворье.

Однажды Симода с женой возился в саду, а Белый пёс беззаботно крутился рядом. Вдруг он подбежал к старой, полузасохшей сливе и стал принюхиваться. Затем принялся рыть землю и отрывисто лаять. Старики подумали, что пёс унюхал их заклятого врага крота и начали в том месте быстро раскапывать почву. Внезапно на глубине двух сажу под заступом Симоды что-то звякнуло, и показался глиняный горшок. Каково же было удивление рыбака и его жены, когда из извлечённого горшка посыпался дождь золотых и серебряных монет! Вот это была удача!

Часть доставшегося им богатства старики раздали неимущим. Затем на месте своей ветхой лачуги построили добротный дом, купили новую лодку и снасти.

Рядом с Симодой жил злой и жадный старик Уэда. Прослышав о том, как повезло соседям, он примчался к ним и выпросил у них на один день Белого пса.

Дома Уэда и его жена поставили перед псом миску с угощением и притворно-сладкими голосами стали просить его, чтобы он изволил откусить, а затем указал им то место, где зарыты сокровища. Однако Белый пёс, которого злые соседи до сих пор угощали только пинками и побоями, отказался есть и отвернулся от миски с едой. Разозлённые старики накинули на него петлю и потащили в сад. Там Уэда стал силком таскать Белого пса между кустами и деревьями, а старуха больно хлестала его розгой и приговаривала: «Ищи клад! Ищи клад!» Но пёс не проронил ни звука. Наконец у смородинового куста он опустил морду и стал принюхиваться. Обрадованные соседи в том месте стали лихорадочно копать. Однако вместо чаемых сокровищ они наткнулись на полусгнившие потроха, от которых разило нестерпимой вонью. Заткнув носы, Уэда и его жена отскочили в сторону, а затем в ярости набросились на несчастного пса и забили его мотыгами до смерти.

Через несколько дней обеспокоенный Симода явился к соседям за своей собакой и узнал страшную правду: Белый¹²⁶ пёс ими зверски убит и закопан на берегу моря под старой сосной.

Оплакав смерть своего любимца, безутешные старики пошли на его могилу. Они украсили её цветами, поставили на неё угощение и воскурили благовония.

В ту же ночь Симоды во сне явился дух Белого пса. Он поблагодарил своего хозяина за любовь и заботу, а затем велел старику срубить надмогильную сосну и вырезать из неё ступку. И добавил: «Каждый раз, Симода-дон¹²⁷, когда ты будешь пользоваться этой ступкой, думай обо мне».

Убитый горем Симода так и сделал. К удивлению стариков, ступка оказалась не простой, а волшебной: каждая насыпанная в неё рисинка под ударом пестика превращалась в драгоценный камень!

¹²⁶ Белый цвет у японцев – цвет скорби, траура и печали.

¹²⁷ Дон – вежливая приставка к имени (в крестьянской речи).

В скором времени о необычной ступке узнали жадные соседи и слёзно выклянчили её на один денёк. Однако как ни старались Уэда и его старуха, но после каждого удара пестом рис превращался лишь в грязную труху. Тогда рассвирепевший Уэда разбил ступку в щепки и сжёг её.

Обо всём этом дух Белого пса поведал ночью Симода, а затем прибавил: «Собери пепел от сожжённой ступки и каждый раз посыпай им заброшенный в море невод».

Симода сделал так, как наказал ему пёс. Обливаясь слезами, он выпросил у злых соседей пепел от ступки, затем сел в лодку и вышел в море. Там он забросил невод, кинул ему вслед горсть пепла и вскоре почувствовал, что сети стали невероятно тяжёлыми. Старик с трудом вытащил свой улов – и вся лодка наполнилась рыбой, крабами, кальмарами, креветками, морскими гребешками, мидиями, а также множеством раковин, в которых таились крупные, невиданной красоты жемчужины.

Снова Симода и его жена стали богатыми. И только гибель любимого Белого пса омрачала их счастье.

А завистливый Уэда, как всегда, явился к соседям, чтобы на сей раз выпытать, откуда у них столько даров моря. Добрые старики поделились своим секретом. И тогда Уэда прибежал домой, поспешно собрал остатки сожжённой ступки и отправился ловить рыбу. Он забросил в море невод, посыпал его пеплом и вскоре с радостью заметил, что привязанные к корме концы невода сильно натянулись. Предвкушая богатый улов, Уэда схватился за сети и стал их вытаскивать. И вдруг из пучины вод показался ужасный морской дракон. Он с рёвом раскрыл огромную зубастую пасть и проглотил вместе с лодкой злого, жадного старика.

Жеводанский зверь

Зверь из Жеводана. Волкоподобный зверь-людоед, который в 1764-1767 годах в провинции Жеводан (Франция) загубил жизни более ста человек.

Место и время злодеяний

Драматичные события, известные как история Жеводанского зверя, или Зверя из Жеводана, происходили на юге Франции, в гористой провинции Жеводан (ныне департамент Лозер), с лета 1764 по лето 1767 г.

Портрет убийцы

Возможно, убийц было несколько, так как описания очевидцев сильно разнятся. Но все утверждали: это был крупный хищник, похожий на волка, размером с годовалого телёнка или даже корову, с широкой грудью, крупной головой и большими торчащими клыками. Дальше показания расходятся. Большинство свидетелей описывали его как зверя с широкой пастью, большими заострёнными ушами и густой тёмной шерстью. Другие заявляли, что он был рыжеватого цвета, с тёмной полосой по хребту и длинной мордой, напоминавшей кабанью. Некоторые видели на его коричневых боках тёмные пятна. Хвост зверя тоже казался разным: подобным конскому или тонким, длинным, с кисточкой на конце. К особым приметам можно отнести и очень длинные передние конечности, не характерные для волка.

Особенности поведения зверя

Кроме необычного вида, Жеводанского зверя отличал также и не свойственный волкам способ охоты. В отличие от обычных серых разбойников, редко нападавших на человека и предпочитавших резать домашний скот, он набрасывался исключительно на людей. Особенно наглядно это проявлялось тогда, когда зверь выходил к стаду: не трогая животных, он всегда нападал на пастухов.

И совсем не по-волчьи жеводанский монстр расправлялся со своими жертвами. Он не перегрызал им горло или шею, как это принято у волков, а вцеплялся зубами в лицо и раздирали его. Кроме того, нередко отрывал им голову.

Сообщалось также о нескольких случаях, когда убийца становился перед жертвой на дыбы и пускал в ход передние лапы с большими когтями.

Основную часть его жертв составляли женщины и дети.

Жеводанский зверь был необычайно умён и осторожен – за три года охоты на него он, похоже, ни разу не попал в ловушку или капкан, ни разу не соблазнился отравленными приманками, щедро разбрасываемыми в лесу, и успешно уходил от многочисленных облав.

Неуловимость и жестокость зверя-людоеда породили слухи о том, что он является колдуном-оборотнем или посланцем самого дьявола.

Кровавая хроника

1 июня 1764 г. произошёл первый случай нападения Жеводанского зверя. Его жертвой едва не оказалась крестьянка из города Лангонь, пасшая коров на опушке леса. К счастью, выскочившего из чащобы огромного волка отогнали находившиеся в стаде быки.

А первой жертвой стала четырнадцатилетняя Жанна Буле. Она была убита 30 июня того же года у деревни Юба (недалеко от Лангоня).

В августе в зубах Жеводанского зверя погибли девочка и мальчик.

В сентябре погибли ещё пятеро детей.

К середине октября было уже 11 жертв.

В конце октября двое охотников случайно наткнулись на огромного волка и успели два раза в него выстрелить. Но раненый зверь нашёл в себе силы подняться и убежать. По кровавому следу охотники вышли на очередную жертву – это был погибший в тот же день двадцатидвухлетний юноша.

Почти месяц раненый зверь не давал о себе знать. Но вскоре охота на людей возобновилась.

24 ноября погибла семидесятилетняя Катрин Валли.

Жеводан охватила паника. Люди боялись выходить из дому. И осенью губернатор Лангедока граф де Монкан направил в те края отряд драгун. Служивые провели несколько облав, убили сотню волков, но людоеда среди них не оказалось. И словно в насмешку над драгунами в декабре началась непрерывная череда нападений.

Всего за 1764 г. жертвами Жеводанского зверя стали 27 человек.

Наступил 1765-й.

В первый месяц года было совершено 18 нападений.

Но 12 января произошло удивительное событие: от жеводанского людоеда сумела отбиться группа детишек 9-13 лет во главе с тринадцатилетним Жаком Портфе. Отчаянная ребятня – пятеро мальчишек и две девочки – забросали свирепого убийцу камнями и палками. Король Франции Людовик XV наградил маленьких героев тремястами ливрами и приказал известному охотнику из Нормандии Жанну д'Энневалю, на счету которого было более тысячи убитых волков, и его сыну уничтожить Жеводанского зверя. Но, увы, ни привезённые с собой 8 гончих, натасканных на волков, ни многолюдные облавы (например, в августе участвовало 117 солдат и 600 местных жителей), к успеху не привели – кровавая жатва в Жеводане продолжалась.

Летом 1765 г. по приказу короля неудачливых отца и сына сменил Франсуа де Ботерн, королевский пушкар. В ходе трёхмесячной охоты было истреблено множество волков. И вот 20 сентября де Ботерн во главе отряда из 40 местных охотников и дюжины собак выследил огромного волка и пулей ранил его в плечо. Следом выстрелил ещё один охотник и попал ему в голову. Зверь упал, но затем, собрав последние силы, поднялся и бросился на де Ботерна. Однако второй залп отбросил его назад и добил.

Убитый де Ботерном волк был настоящим великаном! Длина его составляла 1 метр 70 сантиметров, высота в холке – 80 сантиметров, а вес – 60 килограммов. Он был назван «волком из Шаз», по названию находившегося там аббатства.

Де Ботерн послал королю отчёт: «В настоящем отчёте, заверенном нашими подписями, мы заявляем, что никогда не видели волка, которого можно было бы сравнить с этим. Вот почему мы полагаем, что это именно тот страшный зверь, который причинил такой ущерб королевству». Подтверждением тому стали найденные в брюхе волка лоскутья красной ткани, оставшиеся от последней жертвы.

Поверженный волк в виде чучела отправился в Версаль, а отважный де Ботерн получил за него королевскую награду – десять тысяч ливров.

Однако передышка была недолгой – в конце года нападения на людей возобновились.

2 декабря близ Бессер-Сент-Мари пострадали двое детей, а 10 декабря возле Лашампа волк тяжело ранил двух женщин.

Наступивший 1766 год мира и спокойствия не принёс – жестокий зверь неумолимо множил число жертв. Особенно активным он был летом.

С декабря 1765 по 1 ноября 1766 г., когда он убил двенадцатилетнего Жана-Пьера Олье из деревни Сушер, на его счету уже было 41 нападение.

Затем зверь неожиданно пропал и не появлялся до весны 1767 г.

Первой его жертвой 2 марта стал несчастный ребёнок из деревни Понтажу.

Кровожадный монстр, словно навёрстывая упущенное, в апреле совершил 8 нападений, а в мае – 19. Регулярные облавы, проводимые в горах, результатов не давали.

Но вот 19 июня 1767 г. во время одной из таких облав, в которой участвовали более 300 охотников, Жан Шастель, отец местного егеря Антуана Шастеля, двумя выстрелами сразил неуловимое чудовище наповал. Поговаривают, что его ружьё было заряжено серебряными¹²⁸ пулями. Поверженный зверь оказался значительно мельче «волка из Шаз». Его длина от головы до основания хвоста составляла всего лишь 99 сантиметров. У него была непропорционально крупная голова, сильно вытянутая морда с длинными клыками и очень длинные передние конечности. В желудке зверя нашли остатки предплечья маленькой девочки, погибшей накануне.

После метких выстрелов Жана Шастеля нападения зверя на людей прекратились.

Печальные итоги

За три года террора Жеводанский зверь совершил 230 нападений и убил 123 человека.

Версии

Существует множество объяснений страшного феномена Жеводанского зверя. Есть среди них и экзотические. Например, в Жеводане разбойничали гиена или леопард (а может, оба), привезённые местным егерем Антуаном Шастелем из своих странствий по южным морям. Будто бы нелюдимый егерь, будучи отменным дрессировщиком, натаскал этих хищников на людей.

Всё же более вероятной представляется версия, допускающая существование не одного, а трёх волков-людоедов. Первый был убит де Ботерном, второй сгинул осенью 1766 г. (отравился? попал в капкан?), а третьего застрелил Жан Шастель. Причём среди уничтоженных людоедов мог быть и гибрид волка с собакой. Волкособы, в отличие от волков, людей, как правило, не боятся.

Как бы то ни было, Жеводанский зверь оставил в истории Франции кровавый и страшный след и вот уже третье столетие продолжает дразнить своей загадочностью.

¹²⁸ По бытующему среди многих народов поверью, поразить существо дьявольской природы может только серебряная пуля.

Железный волк

Персонаж сказочного фольклора народов Европы и литовской легенды об основании Вильнюса.

В мире мифологическом так же, как и в реальном, волки, в отличие от собак, большим разнообразием не отличаются. При слове «волк» в нашем сознании сразу же возникает привычный стереотип: крупный серый хищник злобного норова и недалёкого ума (см.: *Ренар*). Однако на фольклорно-мифологических просторах изредка попадаются и волки необычные, например, японский *оками* или европейский железный. Последний чаще всего встречается в сказках. Но не только.

Литовская летопись XVI в. донесла до нас интересную историю, одним из героев которой был железный волк.

Случилось это в начале XIV в., в тех местах, где весёлая речушка Вильня впадает в спокойную Нярис. Берега этих речек были покрыты дремучими лесами, в которых водилось много разного зверья. Здесь любил охотиться на туров правитель Великого княжества Литовского Гедиминас, который называл себя «королём литовцев и многих русских».

Однажды после удачной охоты, когда первые сумерки уже спускались на землю и в Тракай¹²⁹ возвращаться было поздно, князь указал на возвышавшуюся у слияния рек Турью гору и велел разбить там лагерь. Проворная челядь установила шатры, развела костры, освеживала добычу, и вскоре над холмом поплыл соблазнительный запах жаренного на углях мяса. После хмельного изобильного пиршества усталые охотники разошлись по своим шатрам и уснули. В ту ночь Гедиминас долго не мог сомкнуть век, а когда всё же заснул, увидел странный сон.

...На вершине соседней Кривой горы стоит и воет огромный волк. Вой его такой сильный, словно в утробе зверя завывает сотня волчьих глоток. Князь схватил лук и стал в него стрелять. Стрела за стрелой полетели в цель, но все они, со звоном ударившись о волка, ломались и отскакивали в сторону. И тут Гедиминаса пронзила страшная догадка: волк – железный, его не убьёшь!..

В холодном поту проснулся князь и велел немедленно привести волхва Лиздейку, который охранял в долине реки священный огонь.

Долго молчал старый Лиздейка, выслушав взволнованный рассказ князя. Наконец, произнёс: «Великий князь! Ты видел вещий сон! Неуязвимый железный волк на вершине холма – это неприступный замок, который ты там построишь по воле богов. А рядом вырастет большой и красивый город, и весть о его славе и могуществе разнесётся так далеко, как вой ста волков в утробе железного волка».

По душе пришлись Гедиминасу слова мудрого волхва. Он щедро одарил Лиздейку и вскоре после возвращения в Тракай приказал на горе в устье Вильни возводить замок, а в долине строить город.

Так, согласно легенде, появился Вильнюс – новая столица Литвы. И, хотя его основателем по праву считается великий князь Гедиминас, скажем честно: заслуга безымянного железного волка в этом деле ничуть не меньше, чем заслуга *Капитолийской волчицы* в возникновении великого города Рима.

Спустя 600 лет благодарные потомки воздвигли основателю Вильнюса величественный памятник, ставший визитной карточкой литовской столицы: на высоком каменном постаменте возвышается бронзовый Гедиминас, его руки простёрты вперёд, левая сжимает лезвие меча; позади князя стоит его верный конь, он тоже бронзовый. А вот для того, кто вдохновил князя

¹²⁹ Тракай (до 1917 г. – Троки) – В XIV – XV вв. центр Великого княжества Литовского. Основан Гедиминасом.

на строительство нового города, бронзы пожалели – в верхней части постамента скромно приютился каменный барельеф воющего волка. И, кажется, в том вое столько тоски и горечи, столько обиды на людскую неблагодарность...

На этом распрощаемся с литовским железным волком и обратимся к его сородичам.

Железный волк из одноимённой украинской сказки так же, как и Серый волк из популярной русской сказки «Иван-царевич и Серый волк», является персонажем положительным. Обе сказки очень похожи. Но есть и различия. В русском варианте, как известно, главным героем является Иван-царевич, в украинском – царевич Мышко (уменьшительная форма украинского имени «Мыхайло»). Иван и его братья стерегли золотые яблоки, а Мышко с братьями – золотые груши. В одной сказке – волк серый, в другой – железный. Главными врагами Ивана оказались его братья, а Мышка – чёрный монах. И так далее...

Стороживший золотые груши Мышко в полночь увидел на дереве Золотую птицу и попытался её поймать, но успел лишь выхватить из её хвоста три пера. Однако на этом младший царский сын не успокоился: получив благословение отца, он оседлал коня и отправился на поиски птицы-воровки. Вскоре царевич оказался на распутье и увидел столб с надписью: «Пойдёшь налево – погибнешь, направо – не воротись, прямо – съест Железный волк». Мышко как истинный витязь поехал прямо. Внезапно загудела, заходила ходуном земля, и он увидел, как на него с раскрытой пастью мчится огромный Железный волк! И тут витязь смалодушничал – он вмиг слетел с коня и сказал: «Меня не ешь, бери коня». Железный волк на такую замену согласился и сожрал бедное животное. А затем спросил Мышка: «Куда путь держишь?» – «Ищу Золотую птицу» – «О, дорога не близкая!» – воскликнул железный хищник и предложил: «Я тебе помогу. Садись на меня и держись крепче». И помчались они к царю Поганину.

Прибыв на место, Железный волк сделал царевича невидимым и отправил в поганский дворец за Золотой птицей, при этом строго-настрого приказал золотую клетку не трогать. Однако Мышко не сдержался – вместе с птицей прихватил и клетку. Тут же он стал видимым, его схватила стража и повела к царю. Разгневанный Поганин хотел было казнить царевича-воришку, но потом передумал и предложил ему в обмен на жизнь добыть в соседнем царстве златогривого коня.

Железный волк в сердцах отчитал царевича заслушание и отвёз его к соседнему царю. А по дороге проинструктировал: «Смело входи в конюшню – тебя никто не заметит – и бери коня, а вот уздечку оставь». Так бы Мышко и сделал, да вот беда: уж больно уздечка была хороша – вся золотая и самоцветами усыпана, ну как не взять. Но как только царевич к ней прикоснулся, его сразу же заметили стражники – они его скрутили и потащили к царю. И не сносить бы Мышку головы, если бы он не согласился исполнить царскую волю: умыкнуть в соседнем царстве златокудрую красавицу-царевну и доставить её царю.

И вот удручённый Мышко с опущенной головой вернулся к Железному волку...

В общем, когда разъярённый волк наконец успокоился, он понял: с таким клептоманом никакого дела не сладишь – и решил действовать сам. Поэтому, когда они примчались к очередному царскому дворцу, волк сказал царевичу: «Ты меня жди здесь, а за девицей я сам схожу».

Железный волк оборотился псом и проник на царский двор. Там его увидела царевна. Симпатичный пёс ей понравился, и она стала с ним гулять. Когда же златокудрая красавица случайно отстала от сопровождавших её девушек, пёс быстро принял свой волчий вид, посадил её к себе на спину и полетел к Мышку. И вот что удивительно: как только царевич и царевна встретились взглядами, они тут же друг друга крепко полюбили. Видя такое дело, Железный волк принёс им Золотую птицу, привёл златогривого коня и стал прощаться: «Я здесь остаюсь, а ты, Мышко, возвращайся в родные края. Да смотри не усни в дороге, а то пропадёшь».

К большому сожалению, царевич всё-таки уснул. Как на грех, в ту пору мимо шёл Чёрный монах, он сказал тайное слово – и Мышко с конём окаменели. Монах забрал себе девушку и птицу и отправился домой. Но как он ни упрашивал златокудрую красавицу, как ей ни угрожал – стать его женой она не согласилась.

Узнав про новую беду царевича, Железный волк метнулся в Лиходейный лес и достал там живой воды. Этой водой он обрызгал окаменевших Мышка и его коня, и они ожили. Царевич горячо поблагодарил своего железного друга, затем сел на коня и отправился искать пропажу. В дороге он встретил старуху-колдунью и узнал от неё, где находятся царевна и Золотая птица, а также выведал, как можно избавиться от Чёрного монаха.

И вот Мышко отыскал монашескую пещеру, достал из-под корней росшего рядом бука бузинную палочку и сломал ее – и сразу же Чёрный монах околел. А счастливый царевич усадил красавицу-царевну впереди себя на коня, взял Золотую птицу и во весь опор помчался домой.

Тут и сказке конец.

Пора, однако, открыть горькую правду: отзывчивый Железный волк, о котором мы рассказали, – редкое исключение. Как правило, железные волки являются жестокими, кровожадными чудовищами. И за примерами далеко ходить не надо.

...Жила-была в Молдавии бедная вдова, и была у неё единственная радость в жизни – сын-подросток.

Однажды холодной зимой паренёк подобрал на улице умиравшую с голоду молодую ворону и принёс домой. Он её отогрел, накормил и оставил жить у себя. А когда наступила долгожданная весна, ворона повела своего спасителя в воронье царство, где жила её матушка – воронья царица. В пути она парнишке дала совет: «Ты не бери у царицы ни дворцы, ни казну, а только подушечку, на которой она стоит».

И вот они прибыли в воронье царство и предстали перед царицей. Когда ворона-мать услышала рассказ дочери о её злоключениях и чудесном спасении, она уж и не знала, как паренька отблагодарить! Царица стала ему предлагать и дворцы, и казну, и всякие сокровища. Однако парень упрямо твердил одно и то же: «Подари мне, царица, подушечку, на которой ты стоишь». И ворона в конце концов сдалась – подарила ему подушечку. А вручая подарок, предупредила: «Не вздумай испорить подушечку в дороге! Вспори её дома, когда построишь загоны огромные да множество хлебов, овчарен и свинарников».

Пожил парень в гостях, отдохнул, отъелся, поблагодарил за хлеб-соль и домой отправился. А в дороге не вытерпел, распорол подушечку. И только он это сделал, как оттуда хлынул скот: волы, коровы, лошади, козы, овцы, свиньи... И было их видимо-невидимо! Охнул парень от изумления да так и застыл с открытым ртом! А когда пришёл в себя, забегал, заметался – попытался согнать всех животных в одно стадо. Да не тут-то было: разбежались они в разные стороны – не собрать их вместе. Сел горемычный и заплакал горькими слезами. Охватила его тоска-отчаяние, так что и белый свет не мил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.